

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

АЛЬФОНСО Х:

ПОЛИТИКА

И ПРАВО

ЧАСТЬ II
ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ [160]
СЕНТЯБРЬ 2015

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

АЛЬФОНСО Х: ПОЛИТИКА И ПРАВО
ЧАСТЬ II

ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ [160]

Под общей редакцией А.В. Мареля

Редакция

А.Э. Титков	главный редактор, кандидат исторических наук
Ф.Г. Тараторкин	зам. главного редактора, кандидат исторических наук
И.Я. Керемецкий	зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
Е.А. Радзиевская	ученый секретарь
Т. Лефко	редактор английской версии

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Е.И. Пивовар	ректор РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
--------------	---

Члены редакционного совета

А.А. Горский	доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
С.В. Девятков	доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Д.Р. Жагдиев	кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
С.М. Исхаков	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
И.В. Курукин	доктор исторических наук, профессор РГГУ
А.В. Марей	кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
А.Э. Титков	кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.

Подписано к печати 27.05.2015 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 23,1.

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214

Тел. +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76

E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2015

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета в типографии Дайбор Про

Адрес: РФ, Москва, ул. Ереванская, д. 13, к. 2

Электронная почта: dibor@dibor.ru. Тел. +7 (499) 130-71-01

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО И ИСТОРИЯ: ДВА ЛИЦА ИДЕОЛОГИИ

- Х. Санчес-Арсилья Берналь.** «Теория закона»
в законодательной деятельности Альфонсо X Мудрого 4
- Х. Вальехо.** Новое прочтение «Королевского фуэро» 60
- А.В. Марей.** Альфонсо X в отражении
средневековой историографии: конец XIII — начало XIV в. 92
- М.К. Караулова.** От «Поэмы о Фернанде Гонсалесе»
к «Первой всеобщей хронике»: особенности
репрезентации образа графа Фернана Гонсалеса в XIII в. 130
- Е.С. Марей.** Две версии мятежа Сисенанда
в «Первой всеобщей хронике Испании» 152

ИСТОРИОГРАФИЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- О.В. Ауоров.** Изучение истории средневековой Испании
в России и СССР 174
- Г.В. Савенко.** Памяти Н.П. Денисенко 202
- И. Ершова.** Величие мысли и дела: концепция культуры
Альфонсо X Мудрого. Рецензия на книгу:
Márquez Villanueva Fr. El concepto cultural Alfonsí 208
- Н.К. Спиченко.** Шесть веков испанской адвокатуры.
Рецензия на книгу: Alonso Romero M.P., Garriga Acosta C.
El régimen jurídico de la abogacía en Castilla (siglos XIII–XVIII) .. 218

ИСТОЧНИКИ

- Part. II.31** «Об училищах, где усваиваются науки, и о магистрах,
и о студентах». Перевод и комментарии О.В. Ауорова 230
- Part. VII.2** «Глава всех зол»: законы против предательства
в «Семи Партидах». Перевод и комментарии А.В. Марей 242

Х. Санчес-Арсилья Берналь

«ТЕОРИЯ ЗАКОНА» В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЬФОНСО X МУДРОГО

емь Партид» Альфонсо X Мудрого, важнейшее сочинение юридического содержания из числа тех, что относятся к скрипторию Мудрого короля, как известно, принадлежит к юридической традиции *ius commune* (общего права) и в особенности римского Юстинианова права. Авторы этого внушительного

свода законов были превосходными знатоками римских и канонических источников, которые многие века представляли собой важнейший культурно-юридический фундамент Европы, сохраняющий свою роль и по сей день. Настойчивость, с которой авторы Партид вновь и вновь возвращаются к текстам «Дигест», настолько хорошо известна, что анализ юридического языка великого кодекса Альфонсо X неизбежно будет постоянно приводить нас к текстам Юстиниана и к заключениям, не отличающимся оригинальностью.

В связи с этим я предпочел направить свое исследование другими путями, и результаты его я представляю на суд публики. На самом деле, хорошо

¹ Статья впервые опубликована по-испански в журнале *Alcanate* (vol. VI, 2008–2009, р. 81–123). Перевод с испанского на русский осуществлен с разрешения автора. Перевод статьи выполнен Л.В. Черниной, редактирование перевода проведено А.В. Мареем, при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование "Семи Партид" Альфонсо X Мудрого».

известно, что уже более полувека не стихает ожесточенная полемика вокруг законодательного творчества Альфонсо X², в ходе которой исследованию подверглись аспекты, связанные с авторством, датировкой, значением, законной силой и взаимоотношениями важнейших юридических текстов — «Королевского фуэро», «Зерцала» и Партид (в данном случае я оставляю в стороне другие юридические сочинения меньшего значения, такие как «Постановление об игорных домах», «Законы обычая» (*Leyes de Estilo*) или «Законы верховных аделантадо»³), также вышедших из скриптория Мудрого короля. Так, например, один из самых дискуссионных вопросов в историографии по истории права связан со смыслом, который Мудрый король изначально вкладывал в «Зерцало» и Партиды. И действительно, непонятно, почему составление столь масштабного сочинения, как «Зерцало», внезапно было прервано и немедленно началось редактирование Партид. К этому следует добавить еще один спорный вопрос, касающийся практически одновременного составления «Королевского фуэро» и «Зерцала».

По мнению А. Гарсии-Гальо, «Книга фуэро законов», то есть сочинение, известное под названием Партиды, не только не имело законной силы вплоть до XIV в., но и в дошедшем до нас виде было результатом долгого процесса переработки, завершившегося лишь около 1325 г., то есть через много лет после окончания правления Альфонсо X. Этот исследователь полагал, что Партиды замышлялись как крупный энциклопедический компендиум юридической мысли, приобретший со временем силу закона.

А. Иглесия Феррейрос, со своей стороны, посвятил несколько исследований попытке дать удовлетворительный ответ на эти вопросы. По мнению этого автора, каждый из текстов эпохи Альфонсо выполнял конкретную задачу в рамках законодательной политики этого монарха. «Королевскому фуэро» соответствовали установление нормотворческой монополии короля и конец системы свободного составления права, существовавшей в Кастилии и Эстремадуре; «Зерцало», если верить А. Иглесии, замышлялось с целью юридической унификации всех королевств, хотя этот труд в конце

² Об историографической полемике вокруг законодательного творчества Альфонсо X Мудрого см.: *Sánchez-Arcilla Bernal J.* La obra legislativa de Alfonso X el Sabio. Historia de una polémica, en: *El Scriptorium Alfonsí. De los Libros de Astrología a las Cantigas de Santa María.* Madrid, 1999. P. 17–81. Эта работа была переиздана с целым рядом дополнений в статье: «La obra legislativa de Alfonso X el Sabio», *Revista General de Legislación y Jurisprudencia*, III época, 2003, N 1 (enero–marzo). P. 107–135 и N 2 (abril–junio). P. 267–297. Мою личную интерпретацию этой проблемы см. во вступительном исследовании к изданию: *Las Siete Partidas*, Madrid, 2004. P. XIII–XXXVI.

³ Существуют критическое издание и исследование этого текста: *MacDonald R.A.* *Leyes de los Adelantados Mayores.* New York, 2000.

концов остался незавершенным; и наконец, с помощью Партид монарх хотел добиться обновления права на базе римского права эпохи Юстиниана и канонического права (*ius commune*). В отличие от Гарсия-Гальо, Акилино Иглесия полагает, что Партиды в том виде, в котором они дошли до нас, прошли окончательную редакцию во времена Мудрого короля и с тех пор имели законную силу.

В мои намерения входит не возвращаться к вопросам, по которым я уже изложил свою позицию, а постараться найти ответы на некоторые вопросы, связанные с законодательным творчеством Альфонсо X. Таким образом, речь идет не об анализе юридического языка, а о юридическом анализе языка, цель которого — понять, существуют ли связи между компонентами нормативных предписаний и внутри этих компонентов. Разумеется, имея в виду все творчество Альфонсо, в этом исследовании я ограничусь только анализом некоторых норм, поэтому результаты моей работы можно расценивать только как предварительные. Предварительность объясняется также другим не менее важным условием: в настоящее время не существует критического издания Партид, в отличие от «Королевского фуэро»⁴ или «Фуэро законов» и «Зерцала»⁵. Ссылаясь на эти два текста, я пользовался публикациями Г. Мартинеса Диеса, тогда как цитируя Партиды, я придерживался издания, подготовленного великим кастильским юристом Грегорио Лопесом и считающегося официальным с XVI в.⁶

В целях настоящего исследования я хотел бы сделать еще одну оговорку. Пока что я обойду молчанием различные гипотезы, касающиеся законо-

⁴ Leyes de Alfonso X. II. Fuero Real. Edición y análisis crítico por G. Martínez Díez, Ávila, 1988, на которое мы ссылаемся.

⁵ Leyes de Alfonso X. I. Espéculo. Edición y análisis Crítico por G. Martínez Díez. Ávila, 1985, на которое мы ссылаемся. Этот текст был также издан в книге: MacDonald R. A. Espéculo. Texto jurídico atribuido al Rey de Castilla Don Alfonso X, el Sabio. Madison, 1990.

⁶ Las siete Partidas del Rey Sabio Don Alfonso el nono, nuevamente glosadas por el Licenciado Gregorio López... con un repertorio muy copioso así del texto como de la glosa. Salamanca, 1555. Официальный характер этому изданию придало королевское постановление от 7 сентября 1555 г., по которому судьям предписывалось руководствоваться этим текстом. Нам неизвестно, какие рукописи находились в распоряжении Грегорио Лопеса, но, как он сам сообщает в одной из глосс (к P.I.1.19, глосса 3^a), он пользовался несколькими манускриптами, дополняющими друг друга, и исправлял текст, чтобы избежать противоречий. Очевидно, что Грегорио Лопес обработал несколько рукописей. А. Гарсия-Гальо (García-Gallo A. El Libro de las Leyes de Alfonso de Sabio. Del Espéculo a las Partidas, Anuario de Historia del Derecho Español, N 21 (1951). P. 345–528) отметил, что текст Грегорио Лопеса не совпадает ни с одной из ныне известных рукописей, поэтому историческая ценность его издания весьма неоднозначна, однако именно к этой версии проще всего обратиться благодаря переизданию, предпринятому *Boletín Oficial del Estado*.

творчества Альфонсо X, в том числе свою собственную. Я буду исходить из датировки текстов Альфонсо, принятой до начала дискуссии на эту тему, то есть до 1952 г. Таким образом, я принимаю следующие даты завершения каждого из важнейших источников — 1255 г. для «Королевского фуэро»; также 1255 г. для «Зерцала» и 1263–1265 гг. для Партид.

В каждом из этих текстов содержится титул, посвященный законам, однако если в «Зерцале» и в Партидах титул о «законах» открывает Первую книгу, то в «Королевском фуэро» титул под названием «О законах и их установлениях» оказался шестым в Первой книге. Для тех, кто не очень хорошо знаком с этими сочинениями, стоит отметить, что Первая книга «Зерцала» посвящена церковным вопросам⁷, так же как и вся Первая Партида⁸. В свою очередь в Первой книге «Королевского фуэро» всего два титула — первый и пятый⁹ — связаны с церковными вопросами, тогда как все остальные освещают проблемы «политического»¹⁰ и «юридического» характера. На этом фоне отчетливо видно, что «Зерцало» и Партиды предваряют титулом, посвященным «закону», изложение церковных вопросов и ставят его во главе повествования. Имеет ли какое-нибудь значение эта тенденция, связанная с титулом о законе?

«Королевское фуэро», наоборот, не придерживается этой систематики, и данный титул помещен после изложения церковных вопросов и вопросов, связанных с персонами короля, его детей и отданными им приказами.

Оставив пока в стороне проблему систематики, мне хотелось бы отметить, что в трех важнейших юридических сочинениях Альфонсо X мы видим титулы, посвященные закону, в которых излагается аутентичная общая теория закона — особенно в «Зерцале» и в Партидах. Это обстоятельство дает нам возможность провести предложенный анализ.

⁷ Первая книга содержит три титула; после первого, посвященного «законам», оставшиеся два затрагивают вопросы, касающиеся «Святой Троицы и католической веры» и «вопросов веры».

⁸ Два первых титула Первой Партиды посвящены законам (титул I) и «обыкновению, обычаю и фуэро» (титул II); остальные — вплоть до XXIV — охватывают церковные вопросы: «Святая Троица и католическая вера»; таинства; прелаты; клирики; монахи; обеты; отлучения от церкви; отлучения от причастия и интердикты; церкви; привилегии церквей и кладбищ; монастыри; погребения...

⁹ Титул I: «О Троице и католической вере»; титул V: «О хранении имущества святой Церкви».

¹⁰ Титул II: «Об охране королей и их власти»; титул III: «Об охране детей короля»; титул IV: «О тех, кто не повинуется приказу короля»; титул VII: «О должности алькальдов»; титул VIII: «О публичных писцах»; титул IX: «О защитниках»; титул X: «О поверенных или представителях»; титул XI: «О договорах, действительных и недействительных»; титул XII: «О вещах, ставших предметом тяжбы».

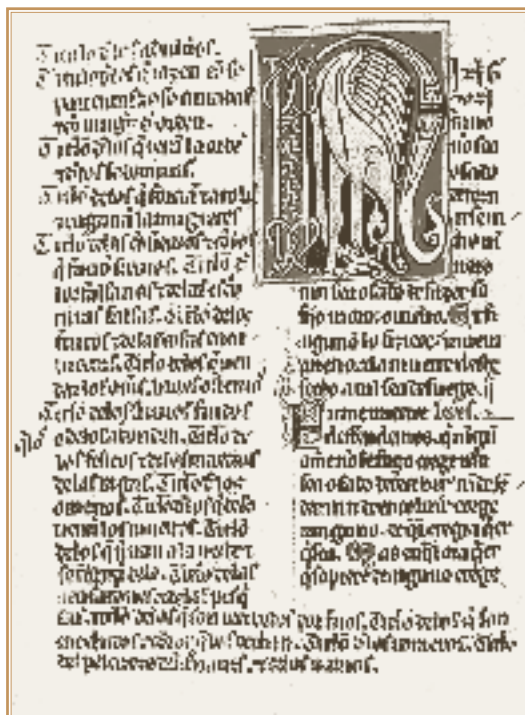
Однако наша гипотеза позволяет пойти еще немного дальше и попытаться связать теорию закона, которая содержится в текстах эпохи Альфонсо, с политической ситуацией, в которой оказалось королевство Кастилии и Леона во второй половине XIII в., а также с ее развитием в следующем столетии.

1. Теория закона в «Королевском фуэро»

В соответствии с целями, с которыми было составлено «Королевское фуэро», задумывавшееся как текст локального характера¹¹, титул о законе не очень обширен и состоит всего из пяти законов. В первом из них содержится определение закона. Однако если под определением мы понимаем операцию, с помощью которой мы пытаемся уяснить, в чем заключается данное явление, то есть, по заветам Аристотеля, производим интеллектуальное ограничение сущности объекта, то здесь мы видим, что автор «Королевского фуэро» предпочел настоящему определению (выражению, посредством которого указывается природа или сущность явления) определение «описательное» или «объяснительное». Такой тип определения состоит в описании сущности явления посредством указания на серию характеристик, которые, как предполагается, составляют это явление.

И действительно, «Королевское фуэро» (FR.I.6.1) описывает и истолковывает закон как «источник воспитания и учителя права и правосудия»; но в то же время это еще и «уложение добрых обычаев», «охрана народа и его жизни» и «охрана короля и его народа». Закон сам по себе еще «любит Божественное и наставляет в нем», а следовательно, в силу всех этих обстоятельств законы адресованы как женщинам, так и мужчинам, как юношам, так и старцам, как мудрецам, так и глупцам, как горожанам, так и жителям деревень; другими словами, автор «Королевского фуэро» описывает общий характер применения закона.

¹¹ И поэтому Мы, дон Альфонсо, милостию Божьей... узнав, что в городе, именуемом Санто Доминго де ла Кальсада, не было фуэро вплоть до Нашего времени, и судились по прецедентам, и по различным суждениям людей, и по несправедливым и противоправным обычаям, от чего происходило много зла и много урона людям и поселениям, и что они просили Нас о милости, чтобы Мы исправили бы им те обычаи, которые сочтем противными праву, и дали бы им фуэро, по которому они жили бы в праве отныне и впредь, Мы собрали совет со всем Нашим двором и с людьми, сведущими в праве, и даем им это фуэро, записанное в этой книге, чтобы судились в соответствии с ним как мужчины, так и женщины; и повелеваем, чтобы это фуэро соблюдалось вечно и чтобы никто не осмеливался поступать вопреки ему.

Страница «Королевского фуэро». XIII в.

Этот текст дает понять, что автора «Королевского фуэро» вдохновляли законы 2 и 3 второго титула Первой книги «Книги приговоров»¹² (*Fuero Juzgo*), посвященного «созданию закона»¹³. Принимая во внимание, что «Фуэро Хузго» — это не что иное, как осовремененная романская версия древней «Книги приговоров»¹⁴ (*Liber Iudiciorum*), ясно, почему «Королевское фуэро» позаимствовало описательное определение закона, вместо того чтобы привести «настоящее» определение этого термина, как сделал, например, Исидор Севильский: «Закон есть установление для народа, по-

¹² Не существует также и качественного критического издания «Книги приговоров». Мы пользуемся изданием: El Fuero Juzgo. Estudios críticos y transcripción, ed. de J. Perona. Murcia, 2002.

¹³ FJ I.2.2 (=Lex Visigothorum I.2.2): «Что такое закон. Закон нужен для указания на Божественное, он указывает, как правильно жить, и он источник знания, и указывает право, и создает и насаждает добрые обычаи, и управляет городом, и любит правосудие, и наставляет в добродетели, и в нем жизнь всего народа». FJ I.2.3 (= Lex Visigothorum, I.2.3): «Что делает закон. Закон управляет городом и управляет человеком во всю его жизнь. И поэтому он дан мужчинам, как и женщинам, и большим, как и малым, и также мудрым, как и необразованным, и также идалго, как и вилланам, и дается он прежде всего прочего ради благополучия правителя и народа, и сияет он, как солнце, защищая всех». Я подчеркнул совпадения между FJ и FR, скорее смысловые, чем буквальные.

¹⁴ Цит. по изд.: Zeumer K. Leges Visigothorum // Monumenta Germaniae Historica. Vol. I. Hannover, 1902. P. 33–456.

средством которого благородные вместе с простолюдинами повелели нечто» (*Lex est constitutio populi, qua maiores natu simul cum plebibus aliquid sanxerunt*)¹⁵.

Если составление «Королевского фуэро» началось¹⁶ в первые три месяца 1255 г., то его редакция происходила одновременно с редакцией «Зерцала», причем последняя была прервана в том же самом году. Почему перед редактором «Королевского фуэро» не было титула, посвященного закону, из «Зерцала», и ему пришлось позаимствовать законы из «Фуэро Хузго»?

Несколько лет назад я выдвинул гипотезу о том, что первым крупным юридическим проектом Мудрого короля было «Зерцало», но либо поскольку создание текста затянулось дольше, чем предполагалось, либо поскольку король понял, что правовая унификация Кастильского королевства с помощью текста, обладающего данными характеристиками, обречена на провал, монарх повелел прервать составление «Зерцала» и переключился на создание текста, в большей степени отвечающего потребностям кастильских городов. Таким текстом и стало «Королевское фуэро». Однако на сегодняшний день я в большей степени убежден, что «Королевское фуэро» разрабатывалось независимо от других проектов, реализовывавшихся в королевском скриптории. Если, как полагает Мартинес Диес¹⁷, к 1252 г.

¹⁵ Etym.V.10.

¹⁶ Впервые это фуэро было дано местечку Агилар де Кампоо 14 марта 1255 г. Город Саагун получил его 25 апреля 1255 г. Рукопись, опубликованная Мартинесом Диесом, происходит из канцелярии Альфонсо X. Она предназначалась для Санто Доминго де ла Кальсада и датируется 18 июля 1255 г.

¹⁷ В 1979 г. Гонсало Мартинес Диес указал в качестве возможной даты окончания редакции FR 1249 г. По его мнению, связь между законом из FR о гонорарах адвокатов и одной из глав «Цветов законов» (*Flores de las Leyes*), приписываемых магистру Хакобо, подтверждает эту гипотезу. Началась полемика о датировке этого последнего произведения, в ходе которой часть исследователей (А. Гарсия-и-Гарсия, А. Иглесия Феррейрос и А. Перес Мартин) отнесли его составление ко времени, когда Альфонсо X уже был королем, в ответ на что Мартинес Диес сослался на рукописную традицию «Цветов законов», пытаясь доказать, что это сочинение было посвящено Альфонсо X еще когда тот был принцем, то есть в эпоху правления Фернандо III. Этот исследователь пришел к выводу, что ни в рукописной традиции, ни в тексте, ни в контексте «Цветов законов» не содержится аргументов, подтверждающих, что адресатом сочинения был кто-то, кроме Альфонсо X, или, как утверждают некоторые, Альфонсо Фернандеса, незаконного сына Альфонсо X, хотя сам ученый склоняется к первой версии. Мартинес Диес вновь обратил внимание на сведения о монетах, содержащиеся в законе I.8.1 «Королевского фуэро», однако имеющиеся у нас сведения о соотношении монет разных чеканок эпохи правления Альфонсо X не позволяют сопоставить их с таблицей для публичных писцов, содержащейся в законе I.8.1 «Королевского фуэро». Поэтому Г. Мартинес Диес склонен предположить, что FR составлено явно до 1255 г. и с высокой долей вероятности до 1252 г. См.: *Martínez Díez G. Leyes de Alfonso X. II. Fuero Real. Ávila, 1988. P. 91–103.*

Миниатюра из «Фуэро Хузго». 1241 г.

редакция «Королевского фуэро» уже была завершена, то это, по его мнению, объясняет, почему редактор не имел перед глазами «Зерцало» и ему пришлось опираться на «Фуэро Хузго». Отказ от использования сочинения масштаба «Зерцала» заставляет нас думать, что либо редакция «Королевского фуэро» происходила за пределами королевского скриптория — несмотря на то, что впоследствии ее просмотрели «мужи, сведущие в праве» (*omnes sabidores de derecho*), либо «Королевское фуэро» составлялось до начала редакции «Зерцала».

Однако вернемся к первому закону. Обратите внимание, что «Королевское фуэро» ни разу не определяет и не описывает закон как юридическую норму, эта идея проступает только там, где говорится о законе как о «уложении добрых обычаев». Из этого фрагмента можно заключить, что основной источник закона — это обычаи; что законодатель ограничивается тем, что поднимает на уровень правовой нормы и без того общепринятую практику, превращая ее в «законное право». В этом случае речь идет не об акте «создания» нового права, а лишь о подтверждении или придании законной силы старому праву¹⁸, которое кроется

¹⁸ О «старом праве» и «новом праве» см.: *García Pelayo M. La idea medieval del derecho, en: Del mito y de la razón en el pensamiento político. Madrid, 1968. P. 66–140.*

в обычаях. Но анализ законов «Королевского фуэро» может подтвердить, что памятники обычного права вовсе не являются основным источником «Королевского фуэро». В действительности, среди источников, использованных в «Королевском фуэро», присутствуют 157 законов из «Фуэро Соррии»; 116 законов из кастильского текста «Книги приговоров»; 17 — из «Старого фуэро Кастилии»; 103 — из провансальского сборника *Lo Codi*; 10 — из «Институций»; 5 — из «Дигест»; 23 — из «Суммы Кодекса Юстиниана»; 32 — из «Декреталий» и 82 из других неидентифицированных источников (или обычаев?). Если оставить в стороне последнюю группу и считать правом обычного происхождения законы, взятые из «Фуэро Соррии» и «Старого фуэро Кастилии», общим числом 174, то они составляют 37% от содержания «Королевского фуэро». Следовательно, обычное право, традиционное для фуэро, вовсе не является важнейшим источником «Королевского фуэро».

Ни в одном законе указанного титула «Королевского фуэро» не говорится, кто имеет право создавать закон, а также в чем состоит процесс нормотворчества. В предисловии Альфонсо X сообщает, что он держал *«совет со всем нашим двором и с мужами, сведущими в праве»*. Отсюда очевидно, что король не сам лично составлял фуэро¹⁹; и независимо от того, кто был фактическим автором или авторами текста, из «Пролога» явствует, что текст был проверен придворными юристами.

Из «Королевского фуэро» со всей очевидностью следует, что только король обладает властью творить законы, но это обстоятельство упоминается исключительно в прологе к этому сочинению: *«Поскольку... подобает королю... творить законы»*. В этом же фрагменте законодательная власть монарха оправдывается тем, *«чтобы знали люди, как следует жить, а разлады и тяжбы, возникающие между ними, разрешались бы так, чтобы поступающие дурно несли бы наказание, а добрые люди жили в безопасности»*. Следовательно, создание «нового права» — это потребность общества и лишь в последнюю очередь проявление судебной власти мо-

¹⁹ Хотя всеми признается, что Альфонсо X был автором FR, невозможно установить степень личного участия монарха в составлении этого сочинения, которым, по признанию того же пролога, занимались «мужьи, сведущие в праве». В XVI в. Франсиско де Эспиноса назвал фактическим редактором FR юриста Хакобо Законника, и с этой гипотезой соглашался А. Перес Мартин. Тем не менее Г. Мартинес Диес, исходя из содержания FR, отвергает ее, хотя и признает, что в FR можно найти элементы общего права. Однако по его мнению данное сочинение является попыткой синтеза традиционного кастильско-леонского права с «Книгой приговоров» и местными фуэро, что ставит под сомнение участие в его составлении иностранца, недавно прибывшего в Кастилию, каким был магистр Хакобо (*Martínez Díez, Leyes de Alfonso X... P. 104–106*).

нарха²⁰. Эта власть вновь появляется в «Королевском фуэро» I.6.3, источником которого опять является «Фуэро Хузго»²¹: *«Вот какова причина, подвигнувшая нас творить законы: чтобы они обуздывали злодейство людей и жизнь добрых была бы в безопасности, а злые отказались бы от совершения преступлений под страхом наказания»*.

В «Королевском фуэро» I.6.2 указано, какими качествами должен обладать закон: он должен быть «ясным», то есть признанным всеми; подходящим для общины, «честным», «справедливым», «равным» и «полезным»²². И вновь бросается в глаза связь «Королевского фуэро» с «Фуэро Хузго»²³; так же как и в следующем законе, где оно излагает общий принцип, по которому незнание закона не освобождает от обязанности его выполнять²⁴.

В четырех законах, прокомментированных нами выше, не заложен архетип или парадигма указанных норм. В действительности, указанная норма (деонтическая) имеет структуру, состоящую из трех элементов. Во-первых, предлог в грамматическом смысле слова, именуемый «нормативным» или «деонтическим» предлогом; во-вторых, юридическая, или деонтическая

²⁰ В FR I.5.3 указано, что король получил имя и власть от Иисуса Христа, но эта власть вручена ему, чтобы *«творить правосудие на земле»*, без указания на законотворчество. Эта прерогатива является следствием предыдущей, что подтверждает и «Пролог».

²¹ FJ I.2.5 (=Lex Visigothorum, I.2.5): *«Для чего создается закон. Создаются же законы по той причине, чтобы страхом перед ними обуздывалась людская испорченность, и чтобы жизнь невинных была безопасна среди преступников, и те, подвергшись законной каре, отвернулись бы от преступлений из страха новых наказаний»*. Корни этого закона, в свою очередь, лежат в «Этимологиях» Исихора Севильского: Etym.V.20: *«Для чего делаются законы. Законы делаются для того, чтобы обуздать ими человеческую дерзость, чтобы невинные были в безопасности среди бесчестных, и даже среди бесчестных желание вредить обуздывалось страхом наказания»*.

²² FR I.6.2: *«Закон должен быть ясным, чтобы всякий мог понять его и не обмануться, и подходящим для этого места, для людей и для этого времени, а также честным, и справедливым, и равным, и полезным»*.

²³ FJ I.2.4 (=Lex Visigothorum, I.2.4): *«Каким должен быть закон. Закон должен быть ясным, чтобы он не вводил никого в заблуждение. Его следует соблюдать по обычаю города, и он должен соответствовать месту и времени. И он должен быть справедливым и равным, честным и достойным, полезным и необходимым...»* Ср. с FR I.6.2, приведенным в предыдущей сноске.

²⁴ FR I.6.4: *«Всезнание устраняет незнание, поскольку написано, что тот, кто не желает понять, не желает поступать хорошо. И поэтому мы повелеваем, чтобы никто не подумал поступить дурно, говоря, что не знает законов и права, и если он поступит вопреки закону, незнание закона не извинит его преступление»*. FJ II.1.2: *«О том, что каждый должен знать законы. Всякое знание справедливо презирает незнание, как написано: человек не пожелал узнать, как поступать правильно. И из этого следует, что желающий узнать имеет вкус к праведным поступкам. И поэтому пусть никто не осмелится поступать дурно, говоря, что не знает законов и права, ведь поступивший дурно не должен остаться безнаказанным, даже если отговорится, что не знает законов и права. Король дон Флавий Рецесвинт»*.

норма, то есть суть провозглашенного; именно это высказывание мы называем «нормой» в узком смысле термина. Наконец, положение вещей — это «нормативное» или «деонтическое отношение»; иначе говоря, отношение между субъектом — или совокупностью субъектов — и действием — или совокупностью действий.

Нормативный предлог подразумевает великое множество лингвистических выражений, но среди них есть группа так называемых «модельных». Это значит, что определенные термины выступают как лингвистические генераторы категории правовых предлогов²⁵. Указанные термины-генераторы (базовые или первичные операторы) — это «обязательно», «запрещено» и «разрешено», а также их синонимы. Следовательно, любой нормативный предлог в первую очередь должен содержать намек на один из этих генераторов.

Однако в нормативных предлогах помимо генераторов «обязательно», «запрещено» и «разрешено» можно выделить и еще два компонента. Во-первых, присутствует «описание действия человека» или суть нормы, а во-вторых, «описание условий применения нормы», которые могут быть выражены или подразумеваться²⁶.

«Описание действия человека» в нормативных предлогах часто выражено простым глаголом («убить», «украсть», «клеветать», «нарушать»...), однако порой оно гораздо более подробно («судья, который сознательно вынесет несправедливый приговор против обвиняемого в уголовном деле...» — в отношении злоупотребления; или «тому, кто насильственно или запугиванием захватит недвижимое имущество или узурпирует королевское право на чужую собственность» — о противоправном захвате чужого имущества). Описания содержат выражения, которые являются частью нормативных предлогов, но не являются таковыми, потому что в них нет нормативного генератора или *функтора*.

В свою очередь, «описания условий применения нормы» не обязательно должны быть выражены словесно, как другие категории. Они ссылаются на фактическую ситуацию, которая обусловила введение нормативного предлога: «судья, который сознательно вынесет несправедливый приговор...»; «тому, кто насильственно или запугиванием захватит недвижимое имущество...». Наконец, нередко «описания», связанные с нормативным предлогом, ссылаются на другие нормы.

²⁵ Об этих терминах см.: von Wright G.H. Norma y acción: una investigación lógica. Madrid, 1979; Kalinowski G. Introducción a la lógica jurídica. Buenos Aires, 1973; Idem. La lógica del discurso normativo. Madrid, 1975; Capella J.R. El derecho como lenguaje. Barcelona, 1976; Idem. Elementos de análisis jurídico. Madrid, 3ª ed., 2004, особенно с. 61–77.

²⁶ Capella J.R. Elementos de análisis jurídico. P. 65 ss.

Король запрещает отчуждать церковное имущество.
Первая Партида. Рукопись Британского музея

Однако в сфере права мы можем также различать непосредственно выраженные нормы (предлоги, обозначающие нормы) и «оценки» или суждения, которые являются основанием для нормы. Благодаря этому различению нормативные предлоги не путаются с оценочными предлогами, которые могут содержаться в нормах.

Указанные четыре закона из «Королевского фуэро» можно отнести к последней группе, то есть к категории законов, содержащих оценочные предлоги. В них содержатся суждения относительно того, каким должен быть закон: «указывает на Божественное»; «наставление в законе и правосудии»; «охрана народа и его жизни»; «подобает королевству и народу»; «честный, и справедливый, и равный, и полезный»; призванный обуздать людские пороки... В этих законах мы не только не обнаруживаем никакого лингвистического генератора или функтора нормативных предлогов, но и не видим никакого описания действий человека или условий применения нормы. В этих законах субъект и действие не связаны друг с другом нормативными узлами.

В связи с вышесказанным я полагаю, что гораздо интереснее содержание закона 5, который завершает этот титул. В нем монарх с самого начала заявляет, что терпимо относится к людям, которые признают «другие законы», поскольку благодаря этому люди становятся более «понимающими» и «мудрыми», но после этого говорит: «Мы не желаем» (запрет = базовый

оператор, функтор), чтобы кто-то судил или разбирал (описание действия человека) тяжбы иначе как *«по законам этой книги, которую Мы даем Нашему народу и приказываем соблюдать»* (описание условия применения нормы). А если кто-то воспользуется в суде другой книгой законов, чтобы судить и разбирать по ней, пусть заплатит королю 500 суэльдо; но если некто будет судить по законам, совпадающим с законами этой книги, и воспользуется ими, то он волен делать это и не понесет никакого наказания»²⁷.

Основные адресаты этого распоряжения — судьи, поскольку речь идет о тяжбах, которые следует судить и разбирать в соответствии с законами, содержащимися в «Королевском фуэро». Но кроме того, распоряжение содержит еще один фундаментальный аспект юридических норм — меру воздействия. Предписанные в нормах санкции состоят в насильственных действиях власти и применяются в случае нарушения этих норм.

В отличие от оценочных предлогов, содержащих суждение, в юридической норме предусмотрено, что в случае нарушения фактического условия, присутствующего в условиях применения (судить и разбирать тяжбы в соответствии с законами, отличными от законов «Королевского фуэро»), норма предписывает наказание за такое нарушение. В данном случае «Королевское фуэро» устанавливает возмещение королю в размере 500 суэльдо. Однако в том же законе предусмотрено исключение: если использованные законы совпадают с нормами королевского законодательства, то судья может прибегать к ним, не опасаясь предусмотренного наказания.

Какие законы имел в виду Альфонсо X? Выше мы говорили об источниках, которыми пользовался автор «Королевского фуэро» при составлении своего труда. Больше всего заимствований (157) было сделано из *Фуэро Сории*²⁸, но этот город 19 июля 1255 г. получил от самого Альфонсо X *Королевское фуэро*, с условием, что алькальды Сории могут обращаться к старому фуэро в той мере, в какой его установления совпадают с «Королевским фуэро». Но это скорее исключение. В свою очередь, «Фуэро Хузго» имело гораздо более широкое распространение (в Леоне, Толедо, Севилье, Кордове, Хаэне и Мурсии) и, следовательно, было гораздо лучше известно. Из этого я заключаю, что сохранялась возможность судить и разбирать тяжбы в соответствии со 116 установлениями «Фуэро Хузго», которые совпадали с «Королевским фуэро», но это фуэро Мудрый король использовал, главным об-

²⁷ FR I.6.5.

²⁸ В 1120 г. Альфонсо I Арагонский даровал Сории краткое фуэро; это фуэро с рядом новых привилегий подтвердил Альфонсо VII Кастильский в 1143 г.

разом, в Кастилии, то есть в королевстве, где вестготская юридическая традиция не сохранилась. Также я полагаю, что вряд ли возможно было привлекать законы, происходящие из *Lo Codi*, поскольку это сочинение имело гораздо менее широкое хождение; в отличие от *Старого фуэро Кастилии*, однако из последнего в «Королевское фуэро» вошло лишь 17 законов.

Тем не менее остается вопрос, который представляется мне самым важным: в «Королевском фуэро» не предусмотрено никакого дополнительного права; другими словами, при отсутствии нужной нормы невозможно, например, воспользоваться старым местным фуэро или обычаем. Так же как и в других правовых текстах не указано, что в случае лакуны следует обратиться к королю, чтобы тот издал новое постановление. Конечно, как указал в свое время А. Иглесия, именно это было одной из целей внедрения «Королевского фуэро» в Кастилию — положить конец системе свободного создания права, царившей в Кастилии и Эстремадуре²⁹, чтобы предусмотреть отсутствие заменяющей нормы в случае правового вакуума.

С помощью «Королевского фуэро» Альфонсо X в первую очередь заявил о своей законодательной монополии, не только потому что только король обладает властью писать законы — новое право, — но еще и для того чтобы положить конец свободному созданию права из обычая, традиционных законов или прецедентов, которые запрещалось даже привлекать в качестве дополняющего права в случае отсутствия подходящей нормы в «Королевском фуэро». Другими словами, монарх заменял порядок, основанный на традиционном праве, порядком, рационально организованным по воле законодателя — Альфонсо X.

Во-вторых, Мудрый король обновил с помощью «Королевского фуэро» кастильское право, выпустив новый корпус, состоящий из текстов различного происхождения. Лишь треть из них имеют кастильские корни — *Фуэро Сории* и *Старое фуэро Кастилии*, а две трети взяты из других источников. Самые важные с политической точки зрения законы взяты из «Фуэро Хузго», то есть происходят из римско-вестготской традиции.

В-третьих, нововведение Альфонсо X предполагало введение законодательной монополии короля в главных городах Кастилии, на которые было распространено «Королевское фуэро». В действительности, в соот-

²⁹ См. об этом: *Iglesia Ferreirós A. Alfonso X el Sabio y su obra legislativa: algunas reflexiones. Anuario de Historia del Derecho Español (AHDE)*, N 50 (1980). P. 445–465; «Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores». *Historia Instituciones Documentos*, N 9 (1982). P. 9–112; «Fuero Real y Espéculo». *AHDE*, N 52 (1982). P. 111–191; «Cuestiones alfonsinas». *AHDE*, N 55 (1985). P. 95–149; *La labor legislativa de Alfonso X el Sabio. en: España y Europa. Un pasado jurídico común. Murcia*, 1986. P. 275–599.

ветствии с «Королевским фуэро», назначение алькальдов должно было оставаться прерогативой монарха³⁰, что представляло собой прямой выпад против привилегий самоуправления, которые кастильские города накапливали с XII в.

Наконец, «Королевское фуэро» также использовалось как инструмент юридической унификации права в Кастилии, а впоследствии также в Эстремадуре, под предлогом, что те *«судятся по прецедентам и различным суждениям людей, и по несправедливым и противоправным обычаям»*.

Юридическая монополия и конец всего предшествующего права оказались достаточными причинами, чтобы королевская политика оказалась неудачной; как известно, в 1272 г. Альфонсо X был вынужден отозвать «Королевское фуэро» и подтвердить старые законы всех кастильских городов и местечек.

2. Теория закона в «Зерцале»

Нам неизвестна дата, когда начали составлять *«книгу, являющуюся зеркалом права»*, а также когда этот труд был закончен или прерван. Из пролога к «Зерцалу» можно логически вывести некоторые сведения. В первую очередь предназначение, которое монарх видел для этого текста:

И поэтому Мы, дон Альфонсо... понимаем и видим зло, порожденное и восставшее в Наших землях и Наших королевствах из-за множества фуэро, существовавших в различных городах и краях, так, что одни судились по фуэро из неполных и незавершенных книг, а другие — по несправедливым и противоправным прецедентам, а некоторые из тех, кто владеет указанными неполными книгами и судят по ним, уничтожают и изменяют тексты на пользу себе и во вред людям. И по всем этим причинам убывали справедливость и право, ведь те, кто должен был судить, не могли выносить верные и полные приговоры, а те, кто понес ущерб, не могли добиться права, как должны были. И поэтому Мы, упомянутый король дон Альфонсо, видя и понимая все это зло, умножившееся по указанным

³⁰ FR I.7.2: «Никто пусть не осмелится разбирать тяжбы, если он не алькальд, назначенный королем, или если стороны не выбрали его к обоюдному согласию, чтобы рассудить их, или если король не уполномочил его специальным письмом разобрать определенную тяжбу...»

*причинам, которые Мы упомянули, составили эти законы, записанные в этой книге, являющейся зеркалом права, чтобы судились в соответствии с ними все люди наших королевств и нашей сеньории*³¹.

Как видно, существует известное сходство между прологом «Королевского фуэро» и прологом «Зерцала». Мудрый король оправдывает дарование «Королевского фуэро» всем жителям указанного города, поскольку *«до настоящего времени у них не было фуэро, и они судились по прецедентам и обычаям людей, дурным и противоправным обычаям, от чего происходил большой вред и ущерб людям и народу...»* Теперь он оправдывает составление «Зерцала» *«множеством фуэро, существующих в городах и землях и различающихся во многом, когда одни судятся по искаженным и незавершенным фуэро, а другие — по несправедливым и противоправным и бесправным прецедентам...»*

В первом случае составление «Королевского фуэро» объяснялось отсутствием фуэро, в связи с чем людям приходилось судиться в соответствии с прецедентами, обычным правом и *«несправедливыми обычаями»*. Во втором случае составление «Зерцала» обусловлено множеством фуэро, существовавших в городах. Одни управляются фуэро, которые записаны в *«искаженных и неполных книгах»*, и, как будто этого недостаточно, другие скрывают и изменяют содержание установлений, записанных в этих фуэро. В свою очередь, в третьих городах используют *«несправедливые и противоправные прецеденты»*. Представляется очевидным, что в данном случае Альфонсо X имел в виду кастильские города и местечки, но имел ли он в виду Леонское королевство, говоря о городах, которые руководствуются фуэро из *«книг»*? Возможно. И я считаю, что это возможно, поскольку немного ниже монарх излагает источники, положенные в основу его новой книги: *«и мы выбрали из всех фуэро наиболее действительное и лучшее и изложили его, как по Фуэро Кастилии, так и по Фуэро Леона, и по фуэро других мест, которое мы сочли справедливым и разумным, не забывая о законе, которому они должны соответствовать»*. Новая книга задумывалась для того, чтобы по ней судились *«все люди наших королевств и нашей сеньории»*. Следовательно, если одной из целей «Королевского фуэро» была унификация права Кастилии и Эстремадуры, то с помощью «Зерцала» король рассчитывал унифицировать право всех своих королевств.

³¹ Espéculo, proem., ed. cit. P. 101–102.

Так что поначалу, после восшествия на престол в 1252 г., политика короля ограничивалась унификацией права Кастилии; с этой целью прежде чем начать составлять «Зерцало», он поручил редактировать «Королевское фуэро» хорошему знатоку кастильско-леонского права (Фернандо Мартинесу де Саморе? В Серватосе?). После этого он задумался об унификации уже не только кастильского права, а всего права всех своих королевств; именно тогда коллективу придворных юристов было доверено составление «Зерцала». Но, возможно, из-за трудностей, с которыми столкнулся этот проект, когда в 1255 г. было закончено составление «Королевского фуэро», он решил прервать и работу над «Зерцалом» и инициировать другое, более амбициозное начинание, имевшее другие цели.

В любом случае, сейчас мне хотелось бы подчеркнуть, что посредством «Зерцала» Мудрый король хотел начать реализацию амбициозного плана по унификации права всех *«королевств и наших владений»*, а не только в Кастилии. В рамках этого плана он также собирался обновить традиционное право с помощью нового юридического текста, где монарх присваивал себе монополию не только в управлении правосудием, но и в создании нового права.

Если в «Королевском фуэро» содержалось пять законов, посвященных теории права, то «Зерцало» посвящает этому вопросу 13 законов. Очевидно, назначение самого текста оправдывало более внимательное отношение к этой теме, и здесь можно обнаружить позицию, отличающуюся от той, которую мы видели в «Королевском фуэро».

Так же как и в «Королевском фуэро», объяснение, что такое закон, не ссылается на короля, однако здесь присутствует прием, указывающий на источник — и этот прием мы увидим впоследствии также и в Партидах (PART)³². По этому поводу «Зерцало» сообщает, что *«Закон означает то же, что наказание и наставление, записанное, чтобы человек, прочитав его, не поступал бы дурно, или которое заставляет его стать законопослушным, поступая по праву»*. Но обратите внимание, что авторы «Зерцала» не ищут терминологического эквивалента и не объясняют слово посредством других, более употребительных слов. Вместо этого они указывают на последствия закона или, лучше сказать, на последствия,

³² О техниках дефиниций, используемых в «Партидах», см.: Rubio Moreno L.M.^a. Leyes de Alfonso X. III. Contribución al estudio de las definiciones léxicas de «Las Partidas» de Alfonso X el Sabio. Ávila, 1991. P. 11–14. Не содержит теоретического обзора, но придерживается римских текстов исследование: Zurita R. Textos de definiciones romanas y de Partidas. Madrid, 1973. Также полезен словарь: Allen Van Schoy H. A Dictionary of Old Spanish Terms Defined in the Works of Alfonso X. Madison, 1986.

которые наступят в случае нарушения закона, то есть на наказание. Синонимом закона будет не норма или приказание, а кара. И эта кара будет наложена на человека, чтобы он не поступал дурно и действовал бы по праву.

В законе 1 первого титула Первой книги мы встречаем другое определение закона, в данном случае выраженное с помощью иных синонимов: *«Эти законы являются соглашениями и установлениями и фуэро, чтобы люди знали, как себя вести и придерживаться веры Господа нашего Иисуса Христа сполна, какова она есть, а также чтобы люди жили друг с другом по праву и справедливости»*. Обратите внимание, что текст гласит, что законы, собранные в «Зерцале», представляют собой три различных типа норм: «соглашения», «установления» и «фуэро». Стоит спросить, а являются ли «соглашения», «установления» и «фуэро» подвидами законодательного жанра? Или это разные типы норм, которые король благодаря присущей ему законодательной власти превратил теперь в законы? Рассмотрим этот вопрос по частям.

а. «Соглашения» (*posturas*). Термин «соглашение» означает договор, контракт, условие³³. «Зерцало» (I.1.7) определяет его не описательно, а через королевское постановление: *«А соглашением называется всякий добрый уговор, который устанавливает король или другой человек по его приказу, или заключают люди между собой, и который служит общему благу королевства или отдельных указанных мест, и после этого король утверждает его, и подтверждает посредством привилегии или хартии, или приказывает соблюдать»*. Но я хотел бы обратиться к конкретным «соглашениям», которые обладают особой ценностью, поскольку были приняты кортесами.

Традиционно считается, что первыми кортесами на Пиренейском полуострове была Курия, созванная королем Альфонсо IX Леонским, на которой присутствовали *«выборные граждане из нескольких городов»* (*electis civibus ex singulis civitatibus*). Оставив пока в стороне проблему датировки этого собрания³⁴ — по всей вероятности, оно состоялось в первые годы XIII в., а не в 1188 г., как принято считать — в данный момент

³³ См. примеры, собранные в словаре: *Sánchez N. Diccionario español de documentos alfonseís*, dirigido por. Madrid, 2000, «postura». P. 344.

³⁴ О проблемах, связанных с этими кортесами, см.: *Estepa Díaz C. La Curia de León de 1188 y los orígenes de las Cortes*, en: *Las Cortes de Castilla y León 1188–1988*. Valladolid, 1990. Vol. I. P. 19–39. В этом же сборнике см. также: *Prieto y Prieto A. La autenticidad de los Decretos de la Curia de 1188 (Notas urgentes)*. P. 41–58.

мне хотелось бы отметить, что постановления, изданные там королем, приняли форму «*decreta*», а не «*leges*»³⁵. Это явление, вероятно, объясняется влиянием канонического права. Тем не менее в тот же период, после 1208 г., Альфонсо IX впервые созвал кортесы в Леоне и в открывшей их речи, в достоверности которой уже нет сомнений, сообщил, что после долгих размышлений «*со всеобщего согласия выпустил этот закон (legem), который надлежит соблюдать мне и всем моим потомкам*»³⁶. Можно предположить, что отраженная здесь разница между «*decreta*» и «*lex*» состоит в том, что последний является плодом добровольного согласия всех присутствующих. Мы встречаемся здесь с первоначальным смыслом, который имел термин «*lex*» в Древнем Риме, где он был синонимом договорной нормы, достигнутой в результате консенсуса всего «*римского народа*» (*populus romanus*). Эту традицию, как мы видели выше, позаимствовал для своих «Этимологий» Исидор Севильский³⁷. Но чуть ниже сам Альфонсо IX называет норму, провозглашенную на этих кортесах, «*нашей конституцией (nostri constitutionis)*»³⁸. «Закону» (*lex*) Исидор противопоставляет «конституцию или эдикт» (*constitutio vel edictum*), которые «*король или император постановил или издал*» (*rex vel imperator constituit vel edicit*), но всё, кроме Исидоровой традиции, указывает на то, что равнозначность «*lex*» и «*constitutio*», берущая начало в Риме III в., проникла в Леонское королевство через посредство «*Книги приговоров*», во многих нормах которой слова «*lex*» и «*constitutio*» используются как синонимы.

Следует указать на тот факт, что монарх пользуется возможностью создавать новое право, как предписывается старым вестготским кодексом и текстами Юстиниана, которые в тот период уже начали распространяться на Пиренейском полуострове³⁹. Соглашения, принятые кортесами, по воле короля превратились в «конституции».

³⁵ Cortes de los antiguos Reino de León y de Castilla (CLC). Madrid, 1861. I. P. 39–42.

³⁶ CLC. I. P. 47.

³⁷ Etym.V.10: Lex est constitutio populi, qua maiores natu simul cum plebibus aliquid sanxerunt.

³⁸ В старокастильском тексте этих кортесов сохранилось еще четыре соглашения. В параграфах 7 и 9 речь опять идет о характере «конституций», который монарх хотел придать им: «... после того как эти конституции будут опубликованы...» — CLC. I, 7 P. 50; «Также Мы создаем такую конституцию...»; «...после того как эти конституции будут обнародованы в их краях...»; «...после того как Мы вновь устанавливаем наши конституции в Леоне...» — CLC. I, 9. P. 51.

³⁹ Это отражено в материалах Леонских кортесов 1208 г.: как свидетельствует как цивильное, так и каноническое право, истец следует фуэро ответчика. — CLC. I, 5. P. 48.

Король представляет епископам светских патронов.
Первая Партида. Рукопись Британского музея

На первых кортесах, собравшихся в правление Альфонсо X, а именно на Севильских кортесах⁴⁰ 1252 г. король начал свою речь с заявления, что он видел «соглашения, которые заключили король дон Альфонсо, мой прадед, и король дон Фернандо, мой отец, ради блага своего, и своего народа и всего их королевства... и вы указали мне на вред, который претерпели из-за того, что соглашения не соблюдались так, как были заповеданы». После этого король признал, что практика заключения «соглашений» между монархом и представителями жителей королевства восходит ко временам Альфонсо IX и Фернандо III. Невыполнение этих договоров привело к тому, что пришлось вмешаться Альфонсо X, который говорит, что «соглашения же составляйте, посоветовавшись и заручившись согласием моего дяди дона Альфонсо де Молина и моих братьев дона Федерико, и дона Фелипе, и дона Мануэля, и епископов, и магнатов, и рыцарей, и монашеских орденов, и добрых людей городов, и других добрых людей из моего окружения»⁴¹.

⁴⁰ García Ramila I. Ordenamientos de posturas y otros capítulos generales otorgados a la ciudad de Burgos por el Rey Alfonso X. Hispania, t. V, N 19 (1945). P. 179–235; N 20 (1945). P. 385–439; N 21 (1945). P. 605–650. Первое «постановление», изданное в Севилье в 1252 г., опубликовано на с. 204–222; второе «постановление» Вальядолидских кортесов 1258 г. — на с. 224–235. Севильское «постановление» 1252 г. ранее уже издавалось М. Бальестеросом: Ballesteros M. Las Cortes de 1252. Anales de la Junta para ampliación de estudios e investigaciones científicas, t. III (1910). Memoria 3ª. P. 113–143.

⁴¹ Ordenamiento de posturas, ed. cit. P. 205.

Содержание «соглашений» самое разнообразное. Среди них преобладают документы экономического характера, в которых устанавливаются тарифы на разные товары, но немало также распоряжений фискального и процессуального характера.

Тем не менее я хотел бы отметить, что хотя «постановление» представляется нам плодом консенсуса, договоренности между королем и королевством, все «соглашения» начинаются с глагола «приказывать» («*приказываю*» / «*также приказываю*»), а в некоторых случаях король ссылается на эти документы, называя их «мое повеление» (*mio mandamiento*)⁴². Большинство «соглашений», соответственно, отражают реальность в форме нормативных предлогов, а многие из них содержат также санкции для нарушителей, которые поступят вопреки указанному.

На Вальядолидских кортесах 1258 г. мы обнаруживаем такую же ситуацию. Монарх приказывает, «*чтобы все грамоты, которые были составлены по поводу отдачи денег в рост до издания этого соглашения, пусть будут исполнены так, как было до этого соглашения, и пусть исполняются в течение четырех лет после этого соглашения, а потом станут недействительны. И если некто возьмет больше назначенного этим соглашением, пусть потеряет право требования*»⁴³. В конце протоколов кортесов содержится королевское распоряжение: «*И я, указанный король дон Альфонсо, приказываю вам, чтобы вы сохраняли и соблюдали все вышеизложенные соглашения. И повелеваю, чтобы никто не осмеливался нарушать их или преступать хоть в чем-нибудь, а нарушивший поплатится мне жизнью и всем своим имуществом. А если случится так, что кто-то нарушит их, то приказываю алькальдам и судье взять добрых поручителей и достойный залог, чтобы он предстал передо мной, а я назначу ему такое наказание, которое приличествует тому, кто преступает клятву и нарушает повеление сеньора*»⁴⁴. В свете этих текстов не остается сомнений, что договоры, утвержденные королем и представителями королевства в кортесах, имели статус «соглашений». Как и на Севильских кортесах в 1252 г., реализация соглашений происходит по приказу монарха, в соответствии со сказанным в «Зерцале»: «*а после этого провозгласил это король, и подтвердил привилегией и хартией, и повелел соблюдать*».

⁴² Как, например, в «соглашении» 12: *qualquiere que este mio mandamiento pasare* — ed. cit. P. 209.

⁴³ CLC. I, 30. P. 60.

⁴⁴ CLC. I, in fine. P. 63.

На Севильских кортесах⁴⁵ 1261 г. договорной характер постановлений не настолько прозрачен, хотя он и явствует из обращения короля к консехо епархии Асторги, составленного на этих кортесах: «...И на этот счет мы достигли согласия и будем блюсти те вещи, которых лучше всего следует придерживаться...»⁴⁶ Предписывающий характер протоколов несомненен, но важно иметь в виду, что данный документ содержит не сами протоколы заседаний кортесов, а сообщение об их решениях, направленное консехо Асторги, отсюда косвенное упоминание текста. Тем не менее решения кортесов все еще имели характер пакта. Это очевидно проявилось на Хересских кортесах 1268 г., на которых Альфонсо X утвердил систему, гарантирующую исполнение соглашений, достигнутых в его присутствии⁴⁷.

На кортесах, созывавшихся последующими королями, термин «соглашение» больше не будет использоваться, но это не помешало представителям консехо Кастилии, Леона и Эстремадуры на Паленсийских кортесах 1286 г. заявить Санчо IV о «некоторых обременениях», которые монарх счел правильным заслушать и возместить⁴⁸. В конце протоколов кортесов содержится сообщение, что король взял на себя обязательство блюсти все пожалования «твердо и неизменно» и «пообещал» не нарушать их; так, будто действие всех достигнутых там соглашений зависело исключительно от обещания монарха. По-видимому, слова короля проникнуты духом «соглашения», договора⁴⁹. И такой же характер обещания имеют некоторые ответы⁵⁰, данные Санчо IV на кортесах в Аро 1288 г. Однако на Вальядолидских кортесах 1293 г. обещания, данные королем представителям городов Кастилии⁵¹ и Леона⁵², не содер-

⁴⁵ См.: González Jiménez M. Cortes de Sevilla de 1261. HID, N 25 (1998). P. 295–311, особенно с. 301–305, откуда взяты цитаты.

⁴⁶ Севильские кортесы 1261 г., ed. cit. P. 301.

⁴⁷ *E para faser guardar todas estas cosas e posturas tengo por bien e mando que en todo lugar quelos alcalles o el merino, o el alguacil o la justicia, o los que y fueren, que tomen dos omme buenos e sabidores de cada collacion e que les fagan jurar sobre santos evangelios que guarden bien e conplida mente todas estas posturas, e cada domingo que rrecudan a ellos e queles digan e queles muestren aquellos quelas posturas pasaren, e los escarmienten e lieuen dellos los cotos e las penas asy como son puestas; e sy aquellos que dieren para esto non lo sopieren, o lo por otra parte sopieren, que entonces ayan aquella pena que los otros avian de ayer; et sy aquellos jurados les mostraren los que quebrantaren las posturas, e los alcalles o las justicias, o el merino o el alguacil que fueren enel lugar non lo escarmientaren asy como sobre dicho es, que yo faga enellos aquel escarmiento quello otros ouieren de ayer.* — CLC. I, 49. P. 84–85.

⁴⁸ О правлении Санчо IV см.: Nieto Soria J. M. Sancho IV (1284–1295). Palencia, 1994.

⁴⁹ CLC. I, in fine. P. 99.

⁵⁰ CLC. I, 20 и 21. P. 104–105.

⁵¹ CLC. I, in fine. P. 116–117.

⁵² CLC. I, in fine. P. 130.

жат формулы компромисса, наоборот, король говорит о «милостях», то есть о даровании постановлений. Термин «*соглашение*», обозначавший договоры, заключенные между королем и королевством, исчезает из актов кортесов. Чем объясняется такая перемена?

Разумеется, данная тема заслуживает более подробного исследования. Совершенно ясно, что монарх предпочел, чтобы договоры приняли характер милости или привилегии. Ответ на этот вопрос, возможно, содержится в одном из *Законов обычая* (*Leyes de Estilo*). Как известно, это сочинение представляет собой сборник из 252 «обычаев» или практик придворного суда, критического издания которого до сих пор не существует⁵³. Его составление, видимо, завершилось к 1300 г., и туда вошли «обычаи» эпохи Альфонсо X, Санчо IV и Фернандо IV.

В законе 238 придворного суда перечислены случаи, когда можно «отменить» писаное право, то есть законы. В соответствии с этим постановлением можно принять решение, противоречащее писаному праву, во-первых, по «*принятому обычаю... если он разумен*». Во-вторых, по «*соглашению, заключенному между сторонами*». В-третьих, по «*королевскому прощению, когда он отменяет приговор*». В-четвертых, «*когда создают новый закон, имея намерение его создать, хотя он противоречит иному писаному праву*». И наконец, по «*естественному праву*», когда оно «*противоречит позитивному праву*»⁵⁴.

Если верить упомянутому «обычаю», соглашение могло отменить писанный закон. Очевидно, монарх вряд ли был согласен с тем, что политические компромиссы, достигнутые на кортесах, были в состоянии отменить закон или королевское «повеление». Введение этого «обычая» в политический обиход означало ни больше ни меньше как разделение с представителями королевства «*власти провозглашать законы*» (*potestas condendi leges*). Если на уровне частного права пакт — «соглашение» — между сторонами превращался для тяжущихся в закон, то договоры, заключенные кортесами в ранге «соглашений», оказывались правомочны изменить королевское законодательство. Короли признавали, что, принимая во внимание шаткое экономическое положение, в котором они пребывали постоянно, представители королевства могли шантажировать

⁵³ В сборнике *Opúsculos legales del Rey don Alfonso el Sabio*, опубликованном Королевской исторической академией (Madrid, 1836. P. 235–338), содержится версия *Законов устава*, представленная в рукописи, которая хранится в библиотеке Эскориала и на которой основаны все последующие издания.

⁵⁴ *Leyes del Estilo*, 238, ed. cit. P. 332. Очень показательно, что *Партиды* не засчитывают «соглашений» среди вещей, способных отменить закон. См. P. I.2. проем.

Король-судья.
Миниатюра
из «Книги добрых
наставлений Санчо IV».
Рукопись XV в.

их посредством *«соглашений»* и заставить не только изменить все старое законодательство, но и создавать новое право. В свете этого обстоятельства становится яснее, что решения кортесов перестали технически быть *«соглашениями»*, и хотя политические переговоры никогда не прекращались, представители кортесов теперь *«просили милости»*, а монарх оказывал им ее. Милости, так же как и соглашения, имели вид *привилегий, грамот* или повелений.

С правления Санчо IV совокупность пожалований, сделанных королем в ответ на прошения, поданные ему представителями (прокураторами) королевства, начинают называть *«уложением» (ordenamiento)*⁵⁵.

В период малолетства Фернандо IV Леоно-Кастильское королевство переживало трудные моменты⁵⁶; поэтому неудивительно, что на первых кортесах, созданных доньей Марией де Молина и инфантом доном Энрике и состоявшихся в Вальядолиде в 1295 г., мы вновь находим компромиссы и обязательства уважать пожалования, сделанные там. Более того, опекуну, инфанту дону Энрике, пришлось поклясться на Евангелии

⁵⁵ В правление Альфонсо X, в 1274 г., состоялись важные кортесы в Саморе, от которых сохранилось несколько *«законов и уложений» (leys e ordenamientos; CLC. I. P. 87–94)*; однако, как указывал еще Колмейро в издании Королевской исторической академии, не сохранилось ни одной подлинной рукописи или позднейшего списка протоколов этих кортесов, на основании которых можно было бы издать их материалы. Опубликованный документ представляет собой отрывок из решений, принятых на этих кортесах, но выполненных после смерти Альфонсо X, в связи с чем мало доверия внушают слова *«законы и уложения»*, помещенные в заглавии изданных материалов, а также *«уложение»* в конце документа (p. 94).

⁵⁶ См.: González Múñez C. Fernando IV. 1295–1312. Palencia, 1995.

и кресте, что он будет соблюдать и исполнять все, что было принято на кортесах⁵⁷.

Тем не менее несколько лет спустя, по-видимому, произошли существенные изменения. В этом отношении очень показательно прошение, поданное монарху городами и местечками на кортесах в Медина дель Кампо в 1302 г., по поводу подтверждения их привилегий. Фернандо IV ответил, что он почел *«за благо, чтобы все утвержденное и пожалованное на кортесах нашего правления относительно прошений, поданных нам от жителей королевства в целом, и от указанных консехо в частности, было действительно и соблюдалось, и в этом не совершали бы никаких нарушений»*⁵⁸. Это прошение показывает, что договоры, принятые на кортесах, не имели законной силы; поскольку обычную норму, то есть закон, нет необходимости «подтверждать». Тогда как эти договоры имели обозначенный в «Зерцале» характер *«привилегий»*, которые монарх обязался уважать. В конце протоколов этих кортесов король называет пожалования городам «милостями». Пакт или компромисс — *«соглашение»* — заменила милость; милость, которую король превращает в *«уложение»*⁵⁹ (*ordenamiento*).

б. «Уложения». Теперь нам следует задаться вопросом о том, какова была законодательная сила *«уложений»*. Имели ли они характер закона? Я думаю, нет. И к такому ответу нас подталкивают протоколы кортесов в Медина дель Кампо 1305 г.

Документ, данный в этом городе кастильским консехо, Фернандо IV начинает с того, что одно из свойств, дарованных королям Богом, это *«оказывать благоволение и милость»*, и оказывающий их король должен учитывать три условия: *«первое, что милость оказывается тем, кто о ней просит; второе — польза и вред, которые могут произойти, если он ее окажет; третье — какой местности оказывается милость и заслуживают ли ее жители этой местности»*. Король продолжает: *«мы хотим, чтобы знали, посредством этой нашей привилегии...»*⁶⁰. Далее он рассматривает прошение представителей, которые ходатайствуют, чтобы король соблюдал *«свои фуэро, и привилегии, и хартии, и*

⁵⁷ CLC. I, in fine. P. 132–133. В том же духе выдержано уложение, пожалованное прелатам в ходе тех же кортесов (CLC. I. P. 134).

⁵⁸ CLC. I, 3. P. 162.

⁵⁹ CLC. I, 14. Otrosi a lo que me pidieron queles non mandase tomar chacelleria por estos ordenamientos; tengolo por bien et otorgo gelo.

⁶⁰ CLC. I, proem. P. 172–173.

милости, и вольности, и свободы, и **уложения**, и добрые обыкновения, и добрые обычаи...». На это монарх ответил, что он счел правильным уважать свои «фуэро, и свои привилегии, и хартии, и милости, и вольности, и свободы, и **уложения**, которые те имеют, и добрые обыкновения, и добрые обычаи, которых они всегда придерживались»⁶¹. Если бы «повеления» имели характер всеобщего закона, то не было бы нужды в их подтверждении.

В ответе на более позднее прошение Фернандо IV ссылается на одно из решений, записанных в протоколах кортесов, как на «привилегию»: «И также мы обещаем хранить и соблюдать все сказанное выше так, как написано в этой **привилегии**»⁶². Однако через два года, на Вальядолидских кортесах 1307 г., в ответ на аналогичное прошение король назвал содержание протоколов «**уложением**»⁶³. Так имело ли уложение, как форма выражения решений кортесов, характер привилегий или нет?

Термин «уложение» Фернандо IV вновь использует на Вальядолидских кортесах 1312 г., ссылаясь на норму, данную им для урегулирования функционирования придворного суда⁶⁴, хотя в конце говорится только о «*протоколах со всеми прошениями о милостях...*»⁶⁵.

На кортесах, созывавшихся в период несовершеннолетия Альфонсо XI, его опекуны⁶⁶ активно сопротивлялись употреблению термина «уложение» в отношении резолюций, принятых кортесами. Так, на Паленсийских кортесах 1313 г. инфант дон Хуан говорил о «*том, что написано в этих протоколах*», имея в виду соглашение с прокураторами королевства⁶⁷. В аналогичном смысле на кортесах, созванных в том же городе и в том же году королевой доньей Марией и инфантом доном Педро, были одобрены «*грамоты о вольностях и привилегиях, и фуэро, и обыкновениях, и обычаях, и свободах, и милостях... содержащиеся в этих протоколах...*»⁶⁸. По завершении этих кортесов представители заручились у опекунов подтверждением «*этих протоколов, и грамот,*

⁶¹ CLC. I, 11. P. 176. Прощение повторяется в грамоте, данной Эстремадуре и Толедскому королевству (CLC. I, 11. P. 182–183).

⁶² CLC. I, 19. P. 177.

⁶³ CLC. I, 35. P. 196.

⁶⁴ CLC. I. P. 197. См.: Benavides A. Memorias de Fernando IV de Castilla. Madrid, 1860, t. II. P. 732–738. Также см. рукопись, хранящуюся в Национальной библиотеке, ms. 5741.

⁶⁵ CLC. I, 103. P. 220.

⁶⁶ Об этом правлении см. мою книгу: Sánchez-Arcilla Bernal J. Alfonso XI (1312–1359). Gijón, 2007.

⁶⁷ CLC. I, 45. P. 232.

⁶⁸ CLC. I, proem. P. 234.

и привилегий, данных разным местностям...»⁶⁹. Представление о том, что договоры кортесов уже не являются «уложением», отражено также в протоколах Эрмандады, утвержденных на Бургосских кортесах 1315 г., на которых опекунов просили утвердить «фуэро, и льготы, и вольности, и добрые обыкновения и обычаи, и привилегии, и грамоты, и **протоколы, которые есть у нас**»⁷⁰. В нескольких случаях, в виде исключения, термин «уложение» используется применительно к содержанию протоколов⁷¹; или к распоряжениям, отданным предшествующими монархами⁷². Общее правило, действовавшее на кортесах, которые собирались при малолетнем Альфонсо XI, состояло в использовании слова «протоколы» (*cuaderno*). Так, на Каррионских кортесах 1317 г., говоря о сборе форальных платежей, опекуны упоминали «*протоколы, данные нами в прошлом году на кортесах в Бургосе...*»⁷³.

Термин «уложение» не встречается ни в «Зерцале», ни в Партидах, но он используется в документах эпохи Альфонсо для обозначения комплекса распоряжений⁷⁴. В свете проанализированных текстов можно утверждать, что слово «уложение» используется в отношении привилегий, данных монархом и выраженных в виде договоров — зафиксированных в «протоколах» и подтвержденных на кортесах представителями королевства. При этом «уложения» не имели всеобщего характера, как законы, а требовали подтверждения со стороны монарха: на Мадридских кортесах 1329 г. представители городов ходатайствовали у Альфонсо XI, чтобы он почел за благо «*одобрить и подтвердить фуэро, и привилегии, и грамоты, и свободы, и вольности, и добрые обыкновения, и обычаи, и протоколы, и уложения, которые есть у консехо этих городов и местечек и деревень во всей моей сеньории...*». На это монарх ответил, что под-

⁶⁹ CLC. I, 49. P. 246.

⁷⁰ CLC. I, проем. P. 248. Аналогичный смысл имеют тексты кортесов в Медина дель Кампо 1318 г. (CLC. I, 9 и 24, p. 332 и 336) и Вальядолидских кортесов 1322 г. (CLC. I, 43 и 56, pp. 337 и 368).

⁷¹ Бургосские кортесы 1315 г.: «Также приказываем, что те должники, которые не платят, но не в соответствии с буллой или папской декреталией или по другой причине, пусть заплатят в соответствии с этим повелением» (*Otrossi mandamos que ningunos delos debdores que sse non defiendan de pagar por bulda nin por decretal del Papa, nin por otra razon ninguna, ssi non que paguen ssegunt este ordenamiento*. — CLC. I, 28. P. 285). На кортесах в Медина дель Кампо 1318 г. упоминается «повеление, отданное в Бургосе...» (*ordenamiento que ffue fecho en Burgos...* — CLC. I, 4. P. 331).

⁷² Бургосские кортесы 1315 г. (CLC. I, 26. P. 282); Вальядолидские кортесы 1322 г. (CLC. I, 43 и 56, p. 348 и 353).

⁷³ CLC. I, 20. P. 308.

⁷⁴ *Diccionario español de documentos alfonsies*, на слово «ordenamiento». P. 303.

Альфонсо XI.
Миниатюра
из средневековой
рукописи

тверждает их фуэро, привилегии, грамоты, вольности и льготы, *«и каждый из добрых обыкновений и добрых обычаев, и протоколы, и уложения, созданные на кортесах королями, от которых я рожден...»*⁷⁵.

Начиная с 1325 г., когда Альфонсо XI стал совершеннолетним, слово «уложение» начинает использоваться все чаще — при том что термин «*протоколы*» не исчезает полностью.

Прежде чем завершить этот раздел, я хочу все же отметить, что на Вальядолидских кортесах 1325 г. мы впервые встретимся со словом «закон» применительно к одному из решений кортесов. Речь идет о прошении, поданном королю, чтобы тот не издавал грамот или рескриптов против *«того, о чем говорится в этих протоколах»*, и *«чтобы приказал в этом законе консехо и официалам и всем прочим, кого это касается, чтобы они не исполняли таковых»*⁷⁶. Следующего такого упоминания придется подождать еще двадцать лет, до кортесов в Алькала-де-Энарес 1345 г.⁷⁷

в. «Установления» (establecimientos). В «Зерцале», как мы уже говорили, первый закон первого титула начинается с указания, что собранные здесь законы являются *«соглашениями, установлениями и фуэро»*. Ниже, в за-

⁷⁵ CLC. I, 81. P. 433—434. На тех же кортесах Альфонсо XI обязался соблюдать фуэро, добрые порядки и обычаи, привилегии и грамоты так, как *«этот протокол и все прочие, изданные королями, от которых я происхожу...»* (este cuaderno e todos los otros que ellos tienen delos reyes onde yo vengo CLC. I, 90. P. 436).

⁷⁶ CLC. I. P. 388.

⁷⁷ Кортесы в Алькала-де-Энарес 1345 г.: CLC. I, 9. P. 480—481 *«Тем, кто просил нас о милости, чтобы мы приказали соблюдать закон, закрепленный в протоколах, данных нами на Мадридских кортесах всем жителям нашего королевства... На это отвечаем, что рассудили за благо соблюдать закон, записанный в указанных протоколах»*.

коне 7, дается определение, что такое закон, что такое соглашение и что такое фуэро. Однако авторы «Зерцала» забыли дать определение и объяснить, что они понимают под «установлением». Этот термин используется в документах эпохи Альфонсо X⁷⁸, но если истолковывать указанный закон буквально, можно предположить, что «установления» стали частью законов, вошедших в «Зерцало», так же как и соглашения. В свою очередь, в Партидах, в одной из версий, опубликованной Королевской академией истории⁷⁹, в титуле IV, посвященном таинствам, где говорится о крещении, «установление» определяется как «слово весьма емкое и весьма весомое, которое обозначает сделанное столь твердо, что его невозможно изменить»⁸⁰. Если, как мы сказали, «установления» — это юридические нормы, то они обладают такими характеристиками, как весомость и неизменность. Но неизменность как раз одно из неотъемлемых свойств права, так что определение Партид ничего особенного нам не проясняет. «Установления» и «повеления» (*mandamientos*), которые встречаются в документах Альфонсо X и некоторых кортесов⁸¹ — это одно и то же? Если мы согласимся с этой гипотезой, то «повеления» должны быть распоряжениями королевской власти в адрес конкретных местных властей, институтов и лиц, отданными с целью привести в исполнение те или иные приказы, не касающиеся всего королевства.

2. «Фуэро» (*fueros*). Термин «фуэро» происходит от значения, которое уже в постклассическую эпоху приобрело слово «*forum*» — то есть действие суда и продвижение в нем дела⁸². На самом деле, деятельность судей, связанная с толкованием права, приобрела огромное значение с VIII в. Закон — *Книга приговоров* — едва ли применялся в кругах, близких ко двору и в религиозных учреждениях, где можно было найти списки старого вестготского кодекса. Вместо него основным источником права стал обычай. Однако су-

⁷⁸ *Diccionario español...*, v. «establecimiento». P. 173.

⁷⁹ Издание Королевской академии истории (*Las Siete Partidas del Rey Alfonso el Sabio*, cotejadas con varios codices antiguos, Madrid, 1807, 3 tomos) долгое время считалось лучшим с исторической точки зрения, но в действительности критерии отбора рукописей, использовавшиеся при подготовке издания Академии (см. р. XXIII–XXIV), нельзя считать образцом тщательности. В этой публикации приводятся две версии Первой Партиды, одна из которых — Силосская, происходящая из Королевской библиотеки и датирующаяся XV в., сильно отличается от второй, взятой из рукописи XIV в., в которой можно найти больше совпадений с версией, опубликованной Грегорио Лопесом в XVI в.

⁸⁰ P.I.4.11 (ed. РАН, t. I. P. 54).

⁸¹ Кортесы в Хересе, 1268 г. (CLC. I, 44. P. 82).

⁸² *García-Gallo A. Aportación al studio de los fueros // AHDE 26 (1956). P. 387–446.*

ществовали суды, которые в качестве последней инстанции должны были оценивать существование и силу этого обычая. Были судьи, решавшие, что является правом, а что — нет.

Изначально, как отметил Гарсия-Галло, решения, вынесенные этими судами, именовавшиеся «*fazañas*» или «*iuditia*», напоминали о конкретных разрешенных ими случаях, но со временем имена тяжущихся сторон и решавших дело судей исчезали и оставалась абстрактная норма, применявшаяся далее. Таким образом «*fazaña*» превратилась в «*фуэро*», в синоним юридической нормы и утратила связь с судом, который вынес соответствующее решение⁸³.

Термин «*фуэро*» продолжал приобретать новые значения. Порой этим словом обозначалась конкретная норма, но начиная с XI в. его стали использовать в качестве синонима собрания норм, применяемых в одной местности. Поскольку большая часть этих норм не была записана, слово «*фуэро*» столь часто приравнивалось к обычаю, что при возникновении сомнений следовало доказать, что «*фуэро*» имеет хождение.

Понимая под «*фуэро*» норму или комплекс норм, короли и сеньоры издавали «*фуэро*» в момент заселения местности или с целью даровать новые привилегии жителям данной местности или поселения. Такие привилегии прибавлялись к существующим обычаям и прецедентам (*fazañas*) и составляли «*фуэро*» этой местности. Благодаря этому в документах появляется тенденция к различению «*добрых фуэро*», содержащих множество преимуществ и привилегий для обитателей данной местности, от «*дурных фуэро*».

В XII и особенно в XIII столетии концепция фуэро становится более абстрактной. Теперь, хотя толкование «*фуэро*» как комплекса норм, господствующих в данной местности, сохраняется, это слово начинают употреблять также в значении неформулированного, но всем известного правового уложения, в соответствии с которым жители города выработали целый ряд порядков, которые приобретают характер обычая или юридической нормы. Поскольку фуэро признано всеми, то судьи действуют в соответствии с его предписаниями, «*по праву фуэро*» (*a fuero de albedrío*)⁸⁴.

«Зерцало» (I.1.7) определяет фуэро «как писанный или неписанный закон, справедливо использующийся в течение долгого времени». Следовательно, фуэро иерархически занимает такое же положение, что и закон, и даже выше, поскольку может отменить его. Мы видим, что Мудрый ко-

⁸³ «Aportación al estudio...». P. 394.

⁸⁴ García-Gallo. Op. cit. P. 401–402.

роль подчеркивает в определении «фуэро» его характер как юридической нормы, которая применяется «справедливо» — не сказано, кем именно, — в течение долгого времени, вне зависимости от того, была она записана или нет. «Фуэро» противопоставляется «соглашению», составленному королем и обязательно подтвержденному впоследствии «привилегией, или грамотой, или приказанием соблюдать его». Похоже, что составители «Зерцала» использовали термин «фуэро» в значении комплекса норм, действующих в конкретной местности, по крайней мере, это утверждение верно для пролога к данному сочинению, где сказано: «...мы отобрали из всех фуэро самое ценное и наилучшее, и собрали это здесь, как из фуэро Кастилии и Леона, так и из фуэро прочих местностей, которые, по нашему мнению, справедливы и разумны, не забывая о праве, поскольку оно присуще им».

Определение фуэро, содержащееся в Партидах («фуэро — это вещь, в которой заключены две другие, о которых Мы сказали ранее, — обыкновение и обычай, — поскольку оба они должны войти в фуэро, чтобы обрести крепость»), было сформулировано в начале XIV в., то есть, очевидно, после Альфонсо X. Сейчас мне интересно отметить, что если в Партидах рассматриваются и регулируются «обыкновение», «обычай» и «фуэро», то «Зерцало» не углубляется в анализ этих форм правового творчества. Но к этому пункту мы вернемся позже.

д. Понимание закона в «Зерцале». В отличие от простоты «Королевского фуэро», «Зерцало» более подробно развивает теорию закона. Следуя принципам Юстинианова права, авторы «Зерцала» отдают законодательную монополию монарху: «Никто не может творить законы, за исключением императора, или короля, или другого лица по их приказанию; а если другие лица будут творить их без приказа, то это не будет законом, и ему не следует повиноваться или соблюдать его как закон, и он никогда не будет иметь силы» (I.1.3). После 1213 г., когда декреталия *Per venerabilem* уравнивала императорскую власть с королевской, власть создавать новое право, настоящие *leges* — которую римское право давало только императору — была предоставлена также тем королям, которые не имеют над собой никого на земле⁸⁵. Это обстоятельство отражено и в «Зерцале», в последнем законе первого титула⁸⁶.

⁸⁵ О политическом значении этой формулы см.: Calasso F. I glossatori e la teoria della sovranità. Milan, 1957.

⁸⁶ Esp. I.1.13: «...ибо по милости Божьей в мирских делах мы не имеем над собой никого».

Король дарует священникам привилегию.
Первая Партида. Рукопись Британского музея

Кроме того, «творцу законов» (*ffazedor de las leys*) недостаточно быть облеченным властью, он должен сочетать в себе целый ряд качеств: любовь к Богу, справедливость и правдивость; не должен быть алчным; должен обладать мудростью, чтобы отличать праведное от несправедливого; разумом, чтобы помогать тем, кто требует правосудия; быть твердым с жестокими и тщеславными, но милосердным с виновными и бедными; он должен быть смиренным, чтобы не впадать в гордыню или жестокость по отношению к своим людям; должен уметь подавать пример понимания законов и уважения к ним; должен быть терпеливым и внимательно выслушивать то, что ему говорят, и сдержанным, чтобы не позволять себе впадать в гнев ни словом, ни делом⁸⁷.

Также король-законодатель должен уважать законы как свою честь и себя самого; впрочем, это требование распространяется на всех жителей

⁸⁷ Esp.I.1.4: El ffazedor de las leys deue amar a Dios e temer e tenerle ante ssus oios quando las ffeziere por que las leys que ffeziere ssean conplidas e derechas. E deue amar iusticia e verdat e sseer ssin codicia para querer que aya cada uno lo ssuyo. E deue sseer entendudo por ssaber departir el derecho del tuerto, e apercebido de rrazon para rresponder ciertamente a los que la demandaren. E deue sseer ffuerte a los crueles e a los ssoberruios, e piadosso para auer merced a los culpados e a los mezquinos ol conuenier. E deue sseer omildosso para non sseer ssoberruiio nin cruo a ssus pueblos por ssu poder nin por ssu rrazon, e bien rrazonado por que ssepa mostrar como sse deuen entender e guardar las leys. E deue sseer ssoffrido en oyr bien lo quel dixieren, e messurado en non sse rrebatir en dicho nin en fecho.

королевства: духовного и светского звания, благородных и простолюдинов, богатых и бедных, мужского и женского пола⁸⁸. Причины, по которым не только король, но и все его подданные должны повиноваться законам, рассматриваются вместе: *«Всех людей следует обязать повиноваться законам, и особенно королей, по следующим причинам: во-первых, потому что они обладают почетом и властью благодаря законам; во-вторых, потому что законы помогают им вершить справедливость и право, что они обязаны делать; в-третьих, потому что они творцы законов, и справедливо, чтобы они сами повиновались бы им в первую очередь. Также и народ должен повиноваться им по трем иным причинам: во-первых, потому что они суть повеление сеньора; во-вторых, потому что это достойно и ограждает их от вреда; в-третьих, потому что это приносит им пользу»* — «Зерцало». I.1.9.

Важно отметить настойчивость, с которой «Зерцало» обязывает короля выполнять законы, тем самым делая его власть весьма далекой от абсолютной. Объяснение, на мой взгляд, состоит в том, что в рассматриваемый период Мудрый король был полностью погружен в процесс восстановления монополии закона как источника права в ущерб другим источникам, таким как обычай и фуэро. «Зерцало» не признает другого источника права, кроме себя самого. Так же как и в «Королевском фуэро», ничего не предусмотрено на случай правовой лакуны; не признается никакое дополнительное право. В момент составления текста король превратил в законы «соглашения», «установления» и «фуэро» (выбрав, напомним, лучшее из каждой группы, как в Кастилии, так и в Леоне).

В этом духе, подтверждения всех достоинств законов, выдержаны законы 5 и 6 «Зерцала»: *«Законы даруют мир и свободу, и дают людям добрую жизнь и добрые обычаи, и делают их богатыми, заставляя каждого желать своего, а не чужого, и наказывают зло, и воздают за добро, и возвышают сеньора, и умножают людей, и показывают путь к достижению любви Божьей»*⁸⁹. Но кроме того, *«...они наставляют его в познании Бога и после этого обучают, как следует любить и бояться Его. Также они наставляют в познании своего сеньора по рождению, и как следует повиноваться ему и хранить верность. И также они наставляют людей любить друг друга и воздавать друг другу по справедливости, и не делать им того,*

⁸⁸ Esp.I.1.10: *El rrey deve guardar las leys commo a ssu onrra e a ssu ffechura e el pueblo commo a ssu vida e a ssu guarda. E por esto todos sson tenudos de las guardar tan bien los de las órdenes commo los sseglares, tan bien los altos commo los baxos, tan bien los rricos commo los pobres, tan bien los omnes commo las mugieres.*

⁸⁹ Esp. I.1.5.

чего бы они не хотели для себя. И соблюдая все это, они живут по праву, в богатстве и в мире, и каждый пользуется принадлежащим ему, и об этом знают [другие] люди, и народ растет, а королевство увеличивается и богатеет»⁹⁰. И по всем этим причинам никто не должен уклоняться от исполнения законов⁹¹.

С формальной точки зрения законы должны удовлетворять определенным критериям: быть сообразными, продуманными и отобранными так, чтобы быть справедливыми и полезными для всех; в то же время они должны быть ясными и доходчивыми, чтобы их мог понять каждый. В них не должно содержаться исправлений или ошибок, чтобы вокруг них не

⁹⁰ Esp. I.1.6.

⁹¹ Esp. I.1.11. О том, что никто не может оправдаться, сказав, что не знает законов.

Ведь как от знания происходят все добро и все возможное благо, так же и от незнания происходит все зло и весь вред, и поэтому его именуют невежеством. И благодаря знанию человек познает Бога и понимает, как следует любить и почитать Его, и также понимает все прочее и узнает, как поступать с каждой вещью; и благодаря этому человек становится совершенен во всем хорошем и сторонится всего, что противоречит разуму. А в незнании человек грешит против Бога и не знает, как следует почитать Его, и также грешит против всего остального, потому что не знает, как поступать с каждой вещью; и о том, кто живет так, мы говорим, что он ведет жизнь звериную, и даже хуже, потому что зверь поступает по присущему ему чувству, а человек, не желающий знать, не может достичь того, чего достиг бы разумом. И так как столько добра происходит от знания и столько зла от незнания, то ясно, что не желающий знать не стремится и делать добро. И поскольку люди от природы стремятся все знать и особенно то, что пойдет им на пользу, то мы рассудили за благо, чтобы все жители наших королевств и нашей сеньории стремились узнать законы этой книги, от которых будет им польза и почет. И никто не может оправдаться, говоря, что не знает их; потому что если он не узнал их сам, пусть узнает от тех, кто знает; а поступивший иначе если совершит проступок, то не сможет оправдаться и избежать наказания, назначенного законом.

Оправдание незнанием возможно лишь в исключительных случаях: Esp. I.1.12: «...Однако есть основания, на которых некоторые люди могут оправдаться и избежать наказания, каковому они подлежат за совершенное ими по ошибке из-за незнания законов, и это рыцари, и лица младше 25 лет, и деревенские жители, простые и неразумные, которые трудятся на земле; также женщины в исключительных случаях, записанных в этой Нашей книге. Ведь рыцари могут оправдаться за совершенный проступок, потому что они обязаны владеть не законами, а оружием и всем прочим, что относится к рыцарскому обучению. А лица младше 25 лет — тем, что возраст их легкомысленен и несовершенно; а простые деревенские жители — поскольку они живут среди неразумных, где нет людей, сведущих в праве, а все их знания — как обрабатывать земельные участки; также и женщины могут оправдаться тем, что природа их слаба и легкомысленна, и еще тем, что им не приходится ни учить в школе законы, ни ввязываться в тяжбы, идущие среди мужчин. Но если кто-то из указанных лиц совершит такой проступок, который является дурным в соответствии с простым здравым смыслом, например, если он совершит предательство, или измену, или прелюбодеяние, или убийство, или кражу, или грабеж, или насилие, или другой подобный проступок, он не сможет избежать наказания, назначенного этими Нашими законами.

возникало споров⁹²; и их интерпретация всегда должна быть верной и справедливой⁹³.

Так же как и в «Королевском фуэро», большая часть предлогов, которые мы находим в законах первого титула «Зерцала», являются оценочными, и они прославляют исключительно достойные суждения. Единственные два закона, где содержатся нормативные предлоги, предусматривающие санкцию, это законы 11 и 12, которые, как мы знаем, регулируют возможность избежать наказания по незнанию права.

е. «Конституция» Альфонсо X. Составители «Зерцала», как мы видели выше, предоставили королю монополию на составление права, но добавили один закон, в котором попытались показать, почему Альфонсо X обладает властью создавать законы.

В этом законе приведено три аргумента: *«на основании рассудка, прецедента и права»*. В первую очередь король обладает такой возможностью благодаря легитимности, присущей наследственной монархии. На самом деле, если некоторые императоры и короли, вставшие во главе своих империй и королевств в результате выборов, могут составлять законы, то тем больше оснований делать это у Альфонсо X, который получил королевство по праву наследования. Во-вторых, дело в том, что в Испании с древнейших времен не только короли имели право составлять законы, но также и графы, судьи и аделантадо; следовательно, если эти люди, *«над которыми есть вышестоящие»*, могут составлять законы — а их законы сохранились до сих пор, — то тем более такой властью обладает Мудрый король, не признающий никого над собой в мирских делах. Наконец, основания законодательной власти Альфонсо X подкрепляются римским правом, каноническим и вестготским, так как в них во всех утверждается, что короли и императоры могут составлять законы, дополнять их, отменять и изменять, когда пожелают, *«посему, — заключает монарх, — по всем изложенным причинам мы имеем полную власть творить законы»*.

Оставив в стороне второй аргумент, ложный, поскольку здесь законы перепутаны с «фуэро», мне хотелось бы подчеркнуть важность этого за-

⁹² Esp.I.1.2: *Quales deuen sseer las leys. Conplidas dezimos que deuen sseer las leyes e muy cuydadas e muy catadas por que ssean derechas e prouechossas conplidamente a todos, e deuen sseer llanas e paladinas por que todo omne las pueda entender e aprouecharsse dellos a ssu derecho, e deuen sseer ssin escatima e ssin punto por que non pueda venir ssobrellas disputaçion nin contienda.*

⁹³ Esp.I.1.8: *Commo sse deuen entender las leys. El entendimiento de las leyes deue sseer conplido e ssano, e tomado todavia a la meior parte e más derecha e más aprouechossa e más verdadera.*

кона. Закон 13 первого титула Первой книги «Зерцала» был нормой, на которой покоилась вся политическая и юридическая система эпохи Альфонсо X; говоря нынешним языком, это был «конституционный закон» его правления.

По мнению Г. Кельзена, основание юридической нормы может находиться только в другой юридической норме, которая первое время занимает более высокую ступень в иерархии. Однако хотя одна норма основывается на другой, более важной, но эта цепочка не может развиваться до бесконечности; в какой-то момент она должна остановиться на норме, которая считается последней и наивысшей. На этой норме, которую Кельзен называет *Grundnorm*, покоится весь нормативный порядок, и она является общим источником для всех норм, входящих в него. Эта «норма-основательница» придает единство множеству законов, входящих в систему, поскольку представляет собой фундамент для действительности всех остальных норм⁹⁴.

Основная норма правового порядка должна содержать некое правило, которое определяет, как должны создаваться общие нормы и кто является авторитетом в нормотворчестве. Закон 13 из «Зерцала» определяет, кто именно обладает властью создавать нормы общего характера, законы, а в других законах первого титула устанавливается, как именно их следует создавать. Только одно лицо, в данном случае Альфонсо X, может создавать действительные нормы, законы, и его авторитет базируется на основной норме, которая позволяет ему устанавливать законы.

В действительности, норма, которая регулирует создание общих юридических норм, называется «конституцией» в материальном смысле. Конституция может возникнуть в повседневной жизни или посредством специального действия — законодательного акта (закон 13 «Зерцала»). В последнем случае конституция обязательно должна быть закреплена в тексте, и поэтому ее обычно именуют «писаной конституцией», то есть конституцией в формальном смысле. Следовательно, «Зерцало» стало «писаной конституцией» Альфонсо X, а основным законом этой «конституции» был закон 13.

Писаная конституция содержит не только нормы, регулирующие создание общих юридических норм — законов, но и нормы, регулирующие деятельность других важных политических институтов, например, монар-

⁹⁴ Kelsen H. Teoría pura del derecho. Mexico, 1983. P. 202 y ss. (рус. пер. С. Лёзова, Ю. Пивоварова: Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Вып. 1. М., 1987. С. 105 и далее).

хии — этому посвящена вся Вторая книга «Зерцала», — или органов, осуществляющих управление правосудием⁹⁵ (Четвертая книга).

Альфонсо X, разумеется, не осознавал, что составляет «формальную конституцию» для своих королевств, как ее описывает нам Кельзен, но он прекрасно осознавал важность контроля над творением права — что Жан Боден несколько веков спустя назовет первым и важнейшим признаком суверенитета. Следовательно, «Зерцало» знаменует передачу монарху монополии в области законодательства и управления правосудием⁹⁶. Но есть и еще кое-что.

Как мы говорили выше, «Зерцало» не признает другого юридического источника, кроме закона: попавшие в него *«соглашения»*, *«установления»* и *«фуэро»* превращаются в *«законы»*. Это означает, что после его публикации и провозглашения в качестве единственного закона во всех королевствах — как указано в прологе — все предшествующее традиционное право (фуэро, привилегии, обычаи и т. п.) было отменено. Только «Зерцало» и ничего кроме «Зерцала» могло использоваться в королевских судах.

Вернемся снова к Кельзену. Конституция в материальном смысле устанавливает, кто и как создает общие юридические нормы, законы, в юридической системе. Лишь основная норма может определить, какие органы могут их создавать; в нашем случае таким органом был Альфонсо X. Но чтобы суды могли применять другие нормы, отличные от основной, необходима авторизация. Следовательно, чтобы суды приняли обычай и/или фуэро в качестве норм, применимых при решении дел, «конституция» должна провозгласить обычай и фуэро действительными источниками права⁹⁷, тем более если обычное право может отменять изданные законы. В противном случае невозможно его применение органами, ответственными за осуществление правосудия.

Когда Альфонсо X в «Зерцале» обходит молчанием наличие других нормативных источников (обычай, фуэро) и не наделяет напрямую суды правом использовать эти источники, он по умолчанию отменяет в своих королевствах все предшествующее право.

Мог ли Мудрый король в 1255 г. осуществить такой амбициозный проект на практике? Были ли королевства готовы к «революции» такого рода? Как отреагировала бы знать на лишение ее права даровать фуэро? Как от-

⁹⁵ Kelsen H. Op. cit. P. 232–233 (там же, с. 111).

⁹⁶ В том числе на локальном уровне: Esp.IV.2.prom: *Алькальдов, поставленных, чтобы судить в городах и местечках, не может назначать никто, кроме короля...*

⁹⁷ Kelsen H. Op. cit. P. 233–234 (там же, с. 112).

Страница рукописи Первой Партиды. Рукопись Британского музея

реагировала бы она, увидев, что ее лишили судебных привилегий? Как отреагировали бы города на отмену их традиционного права? Как они бы отреагировали, лишившись привилегий самоуправления?

«Зерцало» в качестве политической «конституции» Кастильского королевства было невыполнимым проектом. Оно было «мечтой» Альфонсо X. Перед тем как убедиться, что эта мечта неосуществима, король, как я полагаю, сделал попытку пойти другим, менее радикальным путем. С одной стороны, он воскресил старый проект, начатый, возможно, как отмечает Г. Мартинес Диес, еще когда он был принцем, то есть «Королевское фуэро». По уже изложенным причинам я склонен полагать, что «Королевское фуэро» было составлено коллективом юристов, которые начали работать при дворе во время редактирования «Зерцала».

В «Королевском фуэро» соединилось несколько целей: признание законодательной монополии; юридическая унификация; обновление права и монополия на судебную власть. Оно должно было вступить в силу не во всех королевствах одновременно, как это предполагалось для «Зерцала», а для начала только в Кастилии — впоследствии его распространили на Эстремадуру — под предлогом, что там «судились по прецедентам, и по различным суждениям людей, и по несправедливым и противоправным обычаям». Пожалование «Королевского фуэро» предполагало отмену всех обычаев, фуэро, местных обыкновений и привилегий самоуправления, позволявших

жителям самим назначать себе алькальдов. Результат этой политики Мудрого короля нам уже известен: в 1272 г. ему пришлось пойти на попятную, отменить «Королевское фуэро» и подтвердить старые фуэро.

Остановка в работе над его «конституцией», «Зерцалом», не препятствовала тому, чтобы ряд материалов последнего был использован при разработке «Законов верховных аделантадо», ордонансов, направленных алькальдам Вальядолида, законов о ростовщичестве и норм ведения следствия. Но, прервав составление «Зерцала», король решил изменить ориентацию сочинения, которое отражало его несбыточную политическую мечту, и в 1256 г. повелел начать составление другого текста, имеющего назидательный или энциклопедический характер и вобравшего в себя все юридическое знание того времени. Этим текстом и стали *Партиды*.

3. Теория закона в Партидах

Как мы отметили в начале, критического издания Партид до сих пор не существует. Это обстоятельство вынуждает нас погрузиться в море конъектур, хотя я должен признаться, что в тот день, когда такое издание выйдет в свет, видимо, останется еще масса невыясненного, поскольку пока что неизвестно, как передавался текст в период между 1263–1265 и 1348 гг. Я полагаю, что для того, чтобы сделать определенные выводы, важнее заниматься исследованием содержания законов, чем кодикологическим анализом и сопоставлением рукописей с целью выяснить, где какой закон отсутствует или добавлен.

Похоже, нет никаких сомнений, что самый древний манускрипт, в котором содержится Великий кодекс Альфонсо X, это рукопись Первой Партиды, хранящаяся в Британском музее и опубликованная в свое время Х.А. Ариасом Бонетом⁹⁸. Установлено, что рукопись датируется 1290 г. В ней заметны существенные отличия от версии Первой Партиды, присутствующей в манускрипте, известном под названием Силосского⁹⁹ и опубликованном в 1807 г. Королевской академией истории. Х.Ариас Бонет объяснял расхождения с помощью гипотезы, что уже в правление Альфонсо X существовали различные редакции Партид. Одна из них была плодом работы комиссии юристов, собранной для редакции «Семичастника» (*Setenario*),

⁹⁸ *Alfonso X el Sabio. Primera Partida* (Manuscrito Add. 20.787 del British Museum), ed. de J. A. Arias Bonet, Valladolid, 1975. (далее в сносках — Part BM).

⁹⁹ То есть, происходящего из монастыря Святого Доминика в Силосе. Сейчас эта рукопись хранится в Национальной библиотеке Франции (Париж), ms. Espagnol 440. — *Прим.ред.*

и, следовательно, отличается многословием, характерным для этого сочинения; другую редакцию составили юристы, ранее создававшие «Зерцало». Но король — по мнению Ариаса Бонета — не отдавал предпочтения какой-либо одной из этих версий¹⁰⁰.

Мне не хотелось бы сейчас вдаваться в обсуждение вопросов, имели ли редакторы Партид перед собой определенную модель и существовала ли некая промежуточная, ныне утраченная версия. Как я сказал в начале этого раздела, мои соображения касаются содержания законов и их связи с политической и юридической ситуацией того времени.

Первая проблема, к которой я хотел бы обратиться, связана с очевидной преимуществом между первым титулом Первой Партиды из Британского музея с первым титулом Первой книги «Зерцала». За исключением закона 5 из «Зерцала» (*Какова польза от законов*), которую переписчик не включил (забыл?) в текст Партид, хотя это упущение не получило развития¹⁰¹, остальные законы явно воспроизведены дословно с незначительными разночтениями.

Тем не менее следует обратить внимание на весьма выразительную деталь. Заголовок закона 13 из «Зерцала», который мы называли «основной нормой конституции» Альфонсо X, гласил: *«Этим законом показывается, каким образом король дон Альфонсо может творить законы и могут творить их его наследники»*. Однако заголовок этого же закона, дословно воспроизведенного в Партидах (Брит. музей), изменен: *«Указание всех справедливых причин, по которым вышеназванный король дон Альфонсо обладал властью творить эти законы»*.

Изменение времени глагола с настоящего на прошедшее указывает, на мой взгляд, на два обстоятельства. Во-первых, когда копировалась рукопись Партид, хранящаяся ныне в Британском музее, Альфонсо X уже умер. Любопытно, что в тексте закона Мудрый король все еще говорит о себе в первом лице (*...что Мы, вышеназванный король дон Альфонсо, обладаем властью творить эти законы...*), но несомненно, что переписчик просто не осмелился изменить содержание закона и ограничился лишь добавлением нового заголовка.

¹⁰⁰ *Alfonso X el Sabio...*, см. в предыдущем примечании, PP. LI—LII.

¹⁰¹ В действительности, закон 5 «Зерцала» рассматривает преимущества, происходящие от законов, однако закон 6 обращается к той же теме и гораздо многословнее. В связи с этим случайное или сознательное невключение его переписчиками в рукопись Part VM не изменяет ни содержания, ни смысла титула, посвященного законам. С другой стороны, пролог к первому титулу «Зерцала» в Part VM превратился в закон 1, поэтому в конечном итоге первый титул содержит ровно столько же законов (13), сколько и в «Зерцале».

Во-вторых, здесь присутствует более существенное, на мой взгляд, упущение. В действительности, в заголовке закона 13 «Зерцала» объясняется, что король *«может творить законы»*, а также что *«могут творить их его наследники»*. Это последнее замечание переписчик рукописи из Британского музея опустил. Значит ли это, что Санчо IV, в правление которого была составлена рукопись, не имел права писать законы? Если бы рукопись вышла из кругов, близких ко двору Санчо IV, столь важное замечание обязательно бы присутствовало. Достаточно, однако, другого объяснения: признать, что в тот момент Партиды не имели законной силы; что это сочинение было составлено Альфонсо X, а его наследник Санчо IV не имел намерения провозглашать или добавлять к нему новые распоряжения. В «Зерцале» — «конституции Альфонсо» — действительно было важно отметить, что также и наследники Мудрого короля облечены властью составлять законы. Но в Партидах, не имевших статуса закона, отсутствие этой фразы не имело никакого значения.

Кроме того, я хотел бы обратить внимание на другой вопрос, который представляется мне важным и ответ на который дается в Партидах (Брит. музей): когда в 1256 г. в королевском скриптории началось составление нового свода, юристы, трудившиеся при дворе, сохранили в целости первый титул «Зерцала», в котором содержалась вся теория закона, и он перешел в версию Партид (Брит. музей) — древнейшую из дошедших до нас. Это тем более правдоподобно, что, как мы только что сказали, этот раздел имел исключительно «теоретическую» ценность, поскольку у Партид не было силы закона.

Очевидно, что сочинение, целью которого было соединение всего юридического знания того времени, не могло игнорировать такое важное явление реальности, как обычай. Если мы признаем, что Лондонская рукопись содержит одну из древнейших версий Партид, несомненно, что в ней сохранился дух «юридической революции» Альфонсо X. Но как мы сказали, поскольку Партиды превратились в своего рода энциклопедическое сочинение, необходимо было включить в него другой важный источник средневекового права. Поэтому в начале XIV в., примерно в 1310 или 1312 г., некий юрист решил восполнить эту серьезнейшую лакуну. Поскольку Партиды представляли собой «открытый» текст, он добавил в Первую книгу второй титул об обычае и фуэро. В этой новой версии, содержащейся в рукописи Нью-Йоркского Испанского общества¹⁰², со-

¹⁰² *Alfonso X el Sabio. Primera Partida* (Ms. HC. 397/573) Hispanic Society of America, ed. F. Ramos, Bossini, Granada, 1984 (далее в сносках — PART.HS).

ставлявший ее юрист сохранил все законы первого титула так же, как и в рукописи из Британского музея, но с одной разницей: он опустил закон 13, который, как мы знаем, был основополагающим законом юридического порядка Альфонсо X. В начале XIV в. эта норма была бессмысленной и абсолютно анахроничной. Наоборот, нужно было добавить теорию об обычае и фуэро.

В Силосской рукописи, опубликованной Королевской исторической академией, представлена еще одна версия — с целым рядом добавлений — из множества версий, существовавших и использовавшихся юристами при переписывании.

4. К новой «конституции» королевства

В течение первой трети XIV века юристы все больше интересовались Партидами; может быть, в силу авторитета Мудрого короля, а может быть, потому что в них были собраны на романском языке законы и принципы *ius commune*, на которых они учились в университетах; в любом случае очевидно, что Партиды приобрели широкое распространение. Поскольку законной силы это сочинение не имело, точность в передаче текста была не столь важна, и поэтому порой некоторые законы сознательно опускали, а другие соединяли с сочинениями юристов того времени, например, Джованни Андреа¹⁰³. В середине XIV в. между имевшимися версиями уже существовали существенные расхождения.

Правление Альфонсо XI представляет собой важную веху в консолидации королевской власти. После беспокойного периода несовершеннолетия, завершившегося в тридцатые годы XIV в., этот монарх начал проводить в жизнь политику, направленную на восстановление престижа королевской власти. Но необходимость заручиться помощью в противостоянии мусульманской угрозе (война за Гибралтарский пролив) заставила его вступить в союз со знатью и городской олигархией. В этом контексте легче понять, почему в эту эпоху была узаконена власть олигархий на местах¹⁰⁴.

¹⁰³ Джованни Андреа (Иоанн Андреа) (1275–1348) — один из наиболее известных и влиятельных канонистов европейского Средневековья. Согласно «Закону о цитировании», изданному Хуаном II в 1427 г., мнения Дж. Андреа и Н. Тедески в вопросах канонического права следовало предпочитать всем прочим юристам, высказывавшимся по этому вопросу. — Прим. ред.

¹⁰⁴ См.: Sánchez-Arcilla J. Algunas consideraciones acerca del origen de los corregidores en Portugal y España, en: Justicia y Derecho Tributario. Madrid, 2008. P. 803–820.

Я полагаю, что первым проявлением этого союза стало Уложение Вильяреала¹⁰⁵ 1346 г.; на будущий год он обсуждался на Сеговийских кортесах¹⁰⁶ 1347 г., а в 1348 г. был подтвержден и дополнен на кортесах в Алькала-де-Энарес.

Как известно, кортесы в Алькала-де-Энарес имеют особое значение для историков права, поскольку на них было принято знаменитое «уложение», в котором определялся порядок предпочтения источников в юридической системе Леоно-Кастильского королевства. Однако параграф 64 этого уложения следует толковать в свете следующего за ним параграфа. Действительно, в параграфе 65¹⁰⁷ недвусмысленно признаются судебные права сеньоров (*прелаты, а также магнаты, и рыцарские ордена, и прочие церкви, и монастыри, и рыцари, и другие лица нашей сеньории имеют города и местечки, в которых обладают собственной сеньорией и юрисдикцией*), и все они могут и дальше получать судебные сборы так, как получал их король «для нашей казны в этих местах». Альфонсо XI отказался от большей части судебной власти, признав судебные привилегии знати и

¹⁰⁵ Gibert R. «El Ordenamiento de Villa Real, 1346», AHDE, N 25 (1955). P. 703–729. По мнению Хиберта, из текста не следует, что указанное Уложение было утверждено какими-либо кортесами, хотя скупые сообщения «Хроники Альфонсо XI» относительно событий 1345 и 1346 гг. не позволяют полностью исключить эту гипотезу. В любом случае, договорной характер Уложения вовсе не обязательно предполагает, что соглашение между королем и знатью было подписано на кортесах. Более того, тот факт, что впоследствии параграф 18 Уложения Вильяреала был повторен на Сеговийских кортесах, прошедших годом позже, позволяет предположить, что текст данного Уложения был подготовлен в этом городе Ла-Манчи, но ратифицировали его в Сеговии, а потом, два года спустя, в Алькала-де-Энарес, при этом дополнив, как мы увидим ниже. Параграф 18 Уложения Вильяреала совпадает с параграфом 29 Уложения Сеговии 1347 г., приведенного в следующем примечании.

¹⁰⁶ Cortes de Segovia, 1347, cap. 29: *Porque muchos delos nuestros rengos assy perlados como ricos omnes e ordenes de caualleria et otras iglesias e monasterios et caballeros e otras personas del nuestro sennorio e jurisdicción et es nuestro [blanco] de proveer que entodo el nuestro sennorio sea guardada e mantenida justícia e derecho, tenemos por bien e mandamos que todas estas cosas contenidas en este nuestro ordenamiento sean auídas por leyes et que las guarden e fagan guardar cada vno en las villas e logares don an sennorio e la justícia e la jurisdicción; e otrossy que aya cada vno dellos en ssus logares que dichos sson la meatad de las penas sobre dichas, segund que las nos retenemos para la nuestra camara en los nuestros logares. Et qual quier de los dichos ssenores que lo assynon guardaren, errar lo hayan, como aquellos que non quieren guardar las leyes fechas por ssu rey et por su señor; et nos conpliremos la justícia en el lugar do se menguare en la manera que deuieremos* — ed. G. Sánchez. «Ordenamiento de Segovia 1347», Boletín de la Biblioteca Menéndez y Pelayo, n° 4 (1922). P. 301–320, цитата на с. 319–320). Текст соответствует Уложению кортесов в Алькале, 28, 2.

¹⁰⁷ «Уложение кортесов в Алькале», 28,2 в систематизированной версии. Ср. с текстом, приведенным в предыдущем примечании.

Страница рукописи Первой Партиды. Рукопись Британского музея

церкви, а также их право пользоваться выгодами, получаемыми от исполнения правосудия; в ответ на это сеньоры признавали, что *«все указанное в этой книге они будут признавать законом и соблюдать это во всех королевствах и краях нашей сеньории; и будут следить за соблюдением всего этого в городах и местечках, находящихся под их властью и юрисдикцией»*¹⁰⁸. Следовательно, за применение королевского законодательства во владениях местных сеньоров приходилось платить не чем иным, как подтверждением их судебных привилегий и перераспределением судебных сборов, полагающихся монарху в силу верховенства его власти, причем, по-видимому, сеньоры уже получали эти сборы за счет королевской казны.

Если нам приходится толковать этот пакт — «соглашение», как называл бы его Альфонсо X — *a sensu contrario*, мы можем предположить, что до этого момента королевское законодательство вовсе не применялось в сеньориальных наделах, или его применение было крайне ограниченным, а его «сила», если пользоваться кельзеновским термином, в сеньориях зависела в конечном итоге от воли сеньоров. Иначе говоря, признание законодатель-

¹⁰⁸ Монарх также добавляет: CLC. I, cap. LVI. P. 543: «И всякий из этих сеньоров, который не станет соблюдать этого, согрешит, и с ним поступят как со всяким, кто не соблюдает законов, установленных его королем и сеньором. И Мы свершим правосудие в этом месте подобающим Нам образом».

ной власти короля во всех его королевствах состоялось в пакте, заключенном знатью.

Мы уже видели, что в законе 13 первого титула Первой книги «Зерцала» Альфонсо X попытался установить *Grundnorm*, или основную норму юридического порядка посредством одностороннего акта, провозглашенного исключительно его волей. Эта норма означала учреждение краеугольного камня в создании права. Она стала исходной точкой процесса создания позитивного права. Мы также отметили, что «юридическая революция» Мудрого короля так и осталась нереализованным проектом, поскольку ее применение оказалось невозможным из-за сопротивления со стороны сеньоров и городов, которые сочли, что ущемляют их судебные привилегии и их право даровать «*фуэро*». Альфонсо XI, напротив, добился целей, поставленных его прадедом, но другим путем — посредством пакта.

Кельзен четко разделял понятия «действительности» и «эффективности», хотя между ними и существует определенная взаимосвязь. Для того чтобы некая норма была «действительна», вовсе не обязательно, чтобы она применялась и конечные адресаты ее исполняли. Норма является «эффективной», во-первых, когда те, для кого она предназначена, признают ее, а во-вторых, когда она используется в судах. Норма «действительна», если ее провозгласили в соответствии с предусмотренным для этого процессом и никакая последующая норма ее не отменила. Но если норме недостает эффективности, то сколь бы действительной она ни была, она не выполняет свою социальную функцию и не регулирует поведение человека. Так что действительность предполагает не только правильный процесс выработки и провозглашения, но и известную долю эффективности. Более того, норма может утратить действительность в силу *desuetudo*, то есть когда ей не подчиняются, а суды ее не применяют.

Альфонсо XI осознавал, что эффективность — а не действительность — королевского законодательства зависела от пакта со знатью: пакта, заключенного на Сеговийских кортесах 1347 г. и дополненного годом спустя в Алькала-де-Энарес.

Выше мы сказали, что «конституция» содержит нормы, регулирующие создание писаных законов общего характера или, другими словами, указывает, кто имеет право провозглашать юридические нормы общего характера. Но кроме того, конституция устанавливает, какие суды уполномочены применять указанные нормы. Параграф 29 кортесов в Сеговии 1347 г. (= «Уложение кортесов в Алькале» 28.2) не только признает законодательную монополию Альфонсо XI, но также наделяет сеньориальные суды полномочиями легитимных органов для применения закона. Но есть и еще кое-что.

Альфонсо X в первом титуле «Зерцала» признает закон единственным источником, создающим право. Провозглашение этого правового кодекса предполагает прекращение действия всего традиционного права и отмену привилегий сеньоров и городов. Со своей стороны, Альфонсо XI знал, что невозможно внедрить изменение такого масштаба, особенно в тот момент, когда он так нуждался в ресурсах для ведения войны за Гибралтарский пролив.

Пакт, заключенный в Сеговии в 1347 г., был ратифицирован на следующий год в Алькала-де-Энарес, но король добавил в «Уложение кортесов в Алькале» целый ряд важных штрихов по сравнению с прошлогодней версией. На самом деле, именно с этого момента можно говорить о введении *Grundnorm*, на которой должно было покоиться все юридическое устройство Кастильско-Леонского королевства. Эта норма содержится в «Уложении...» 28.1, где провозглашаются «определенные законы, по которым должны разрешаться тяжбы и споры».

В этом распоряжении Альфонсо XI в первую очередь открыто признал, что хотя придворный суд и некоторые городские суды королевства пользуются «фуэро законов» (то есть “Королевским фуэро”), в иных местностях действуют «различные другие фуэро», и порой тяжбы и конфликты невозможно «разрешить при помощи фуэро». Далекий от того, чтобы отменять традиционное право, Справедливый король¹⁰⁹ проявил уважение к фуэро, ратифицировав их «в тех аспектах, в которых они используются, за исключением тех, которые Мы сочли нуждающимися в улучшении и дополнении». Следовательно, для применения фуэро в разрешении гражданских и уголовных тяжб оно, прежде всего, должно было быть действующим, то есть в суде использовались только те нормы, которые сохраняли силу. Однако использования фуэро было недостаточно, и поэтому король оставил за собой право улучшать и дополнять их в любой момент. Это обстоятельство понятно, если иметь в виду, что фуэро имели характер привилегии.

Кроме того, судьям нельзя было применять те нормы фуэро, которые противоречат Богу, разуму и «законам, содержащимся в этой Нашей книге», даже если они имели хождение. В этом случае использованию местного права препятствовала другая важная оговорка. Нет никаких сомнений в том, что имеет в виду «Уложение кортесов в Алькале», говоря о фуэро, которые «противоречат Богу»; совершенно очевидно, что речь идет о каноническом праве. Также не представляет трудностей коллизия между нормами местного права и законами, содержащимися в самом «Уложении...». Од-

¹⁰⁹ С п р а в е д л и в ы й (J u s t i c i e r o) — прозвище Альфонсо XI. — Прим. ред.

нако указание на «разум» не так однозначно. Подразумевал ли король под этим термином *естественное право*? Намекал ли он на римское Юстинианово право? Или это выражение аналогично *sensum naturalem* арагонских и каталанских текстов? Ясно, что двусмысленность этой фразы могла дать юристам основания идентифицировать «разум» с Юстиниановым правом (*ratio scripta*). В любом случае, правильно будет подчеркнуть примат королевского права («законов этой нашей книги») над местным правом в случае противоречий в нормах.

Законы, собранные в «Уложении...», превратились в право, которое использовалось по преимуществу в судах и на местах — с указанными выше оговорками, — но только в случае недостаточности упомянутых законов. Альфонсо XI распорядился, что при отсутствии действующих норм судьи должны придерживаться «законов, содержащихся в книгах «Семи Партид», которые повелел составить король дон Альфонсо, наш прадед, хотя до сегодняшнего дня они не публиковались и не использовались в качестве законов».

Я неоднократно обращался к проблеме значения этой фразы, и поэтому сейчас не буду на нем останавливаться. Достаточно отметить, что она прозрачно указывает, что до этого момента Партиды не были правовым текстом, применявшимся в Кастильском королевстве. Альфонсо X никогда не провозглашал («публиковал») Партиды. Но его правнук сообщает нам и другие ценнейшие сведения:

Но Мы повелели разыскать, и проверить и исправить [Партиды] в тех местах, где это необходимо. И в проверенном виде и с дополнениями, взятыми и почерпнутыми из высказываний святых отцов, из права и высказываний множества древних мудрецов, и из фуэро и древних обычаев Испании, Мы объявляем их нашими законами. А чтобы они были верными и ни у кого не было причин сокращать их, или дополнять, или изменять в них что-либо по собственному желанию, Мы приказали изготовить их в двух книгах, и одна из них будет запечатана нашей золотой печатью, а другая будет запечатана нашей свинцовой печатью, и хранить их в нашей казне, чтобы всякий раз, когда возникнет сомнение, справляться с ними.

Из слов короля можно сделать следующие выводы: во-первых, в 1348 г. имели хождение разные версии Партид, разница между которыми была значительно существеннее, чем если бы это были просто разные копии, до такой степени, что пришлось сверять их (*conçertar*) и исправлять (*emendar*).

Во-вторых, при дворе в это время не было ни одного экземпляра Партид, даже того, который должен был принадлежать самому Альфонсо X, — в противном случае королю не нужно было бы разыскивать (*rrequerir*) экземпляры этой книги; достаточно было бы истребовать экземпляр, хранившийся в королевской казне или канцелярии. Если же Партиды были действующим нормативным текстом и применялись в судах, то как могло случиться так, что не оказалось ни одного списка в королевском придворном суде? В-третьих, из текста также следует, что юристы вносили в текст целый ряд вариаций и интерполяций («чтобы ни у кого не было причин сокращать их, или дополнять, или изменять в них что-либо»). Это обстоятельство было возможным только потому, что Партиды не имели силы закона¹¹⁰, в противном случае букву закона изменять было бы нельзя. В-четвертых, по той же причине король распорядился, чтобы после сверки и исправления, то есть после выработки окончательного текста, два экземпляра книги, одна с золотой печатью, а другая со свинцовой, хранились в королевской казне.

Тем не менее применение Партид в судах все равно было ограниченным, поскольку в случае расхождения между ними и содержанием законов «Уложения кортесов в Алькале» или любых других норм, происходящих из действующих фуэро, Кодекс Альфонсо должен был склониться перед их авторитетом, поскольку они стояли выше его в иерархии источников права.

Также Альфонсо XI пришлось признать существование фуэро в отдельных регионах, находившихся под его властью¹¹¹, обычаев и порядков, связанных с вызовами на поединок, и на тех же кортесах даровать отдельное уложение для идалго. Наконец, Альфонсо XI не только настоял на своей монопольной власти создавать законы (*potestas condendi leges*)¹¹², но и на праве истолковывать их (*ius interpretandi*)¹¹³.

¹¹⁰ Эта гипотеза подтверждается ниже, когда король заявляет: *et tenemos por bien que sean guardadas e valederas de aquí adelante en los pleitos e en los juicios...*

¹¹¹ ОА 29: *Et porque los fijosdaldos de nuestro Regno han en algunas comarcas fuero de alvedrio, e otros fueros porque se judgan ellos e sus vasallos, tenemos por bien que les sean guardados sus fueros a ellos e a sus vasallos segunt que lo han de fuero, e les fueron guardados fasta aquí.*

¹¹² «И поскольку королю принадлежит право создавать фуэро и законы...».

¹¹³ *Tenemos por bien que si en los dichos fueros, o en los libros de las Partidas sobredichas, o en este nuestro libro, o en alguna o en algunas leys de las que se contienen, fuere menester interpretación o declaración, o emendar, o annadir, o tirar, o mudar, que nos que lo fagamos. Et si alguna contrariedad paresciere en las leys sobredichas entre si mesmas, o en los fueros, o en qualquier dellos, o alguna dubda fuere fallada en ellos, o algunt fecho porque por ellos non se puede librar, que nos seamos requeridos sobrello porque fagamos interpretación, o declaración, o emienda do entendieramos que cumple, e fagamos ley nueva la que entenrieremos que cumple sobrello porque la justicia o el derecho sea guardado.*

Представляется очевидным, что те версии Партид (как рукопись Британского музея), которые больше всего приближались к «Зерцалу» («конституции Альфонсо»), никак не соответствовали новой политико-юридической ситуации королевства, закреплённой в «Уложении...», поскольку эта «конституция», как мы попытались доказать, не только признавала за королем законодательную и судебную монополию, но и отменяла собой все сеньориальное и традиционное право Леоно-Кастильского королевства. «Уложение...», помимо признания судебных привилегий сеньоров и сохранения силы — с отмеченными оговорками — сеньориальных и городских фуэро, превращением версии Партид в официальный текст, посредством его провозглашения («публикации»), вводило теорию не только закона, но и обыкновения, обычая и фуэро, такую, как закреплённая в версии Партид (Исп. общество). Когда же в Партиды был добавлен 2-й титул («Об обыкновении, обычай и фуэро»)?

Во втором титуле Партид (Исп. общество) регулируются исключительно «обычай» и «фуэро», тогда как три закона, посвященные «обыкновению» и появляющиеся в некоторых версиях, здесь отсутствуют. Датировка этой версии Первой Партиды лишена точности¹¹⁴, ее обычно относят к первой трети XIV в. Если эта рукопись была составлена до 1348 г., то вставка во второй титул была заслугой частного лица, причем, как мы уже отметили, это обстоятельство не имело большого значения, если учесть, что текст Альфонсо не имел силы закона. По той же причине возможно, что версия Партид (Исп. общество) — это промежуточный этап между версией Британского музея и Силосской рукописью Первой Партиды. Но я чрезвычайно далек от того, чтобы вдаваться в безбрежное море текстуальных отношений между кодексами Партид. Я хочу лишь отметить

¹¹⁴ Рамос Боссини, издатель рукописи HS, рассуждая о датировке рукописи, указывает, что в версии Партид HS содержится больше совпадений с Партидами (BM), чем с версией, сохранившейся в Силосском кодексе. По мнению Рамоса, Part (HS) представляют собой «настоящую амальгаму, в которой соединяются и смешиваются обе редакции [BM и Силосская], а кроме того, введено порядка тридцати девяти новых законов». На основании «повторов одной и той же идеи в разных законах, аббревиатур, существующих в тексте, вариантов редакции некоторых законов, взаимное расположение которых в титуле соответствует логике углубления темы, а также на основании всей совокупности предложенных исправлений, мы склонны предполагать, — продолжает Рамос, — что писцы, составлявшие Ms. HC 397/573, должны были трудиться в первой четверти XIV в., не позже» (F. Ramos Bossini. «Notas de introducción a las Partidas de Alfonso X el Sabio», в издании Первой Партиды, указанном в прим. 98). Лично я придерживаюсь мнения, что датировку этого кодекса следует пересмотреть по результатам совместного исследования филологов, кодиков и палеографов.

Король и монахи. Первая Партида. Рукопись Британского музея

некоторые моменты, которые представляются интересными для рассматриваемой темы.

В регулировании «обыкновения» (того, что рождается из человеческих высказываний и дел и длится непрерывно на протяжении долгого времени, ничем не прерываясь; Part.I.2.2) учитывается возможность, что «обыкновение» возникает «по приказу сеньора, имеющего власть» (Part.I.2.3); и если оно устанавливается «по их взаимному согласию, если они понимают, что это принесет им большую пользу», то сеньор тоже должен дать согласие. Следовательно, действительность обыкновения в конечном итоге зависит от воли сеньора. Но кроме того, обыкновение не может «противоречить установленным нормам права».

В случае с «обычаем» (фуэро, которое не записано, которым люди руководствовались на протяжении долгого времени; Part.I.2.4) мы сталкиваемся с похожей ситуацией. Действительно, рассматривая, кто именно может устанавливать обычай, закон говорит, что если «народ» (соединение всех людей того королевства, где они проживают; P.I.2.5) делает нечто в течение десяти или двадцати лет, то эта привычка может перейти в разряд обычая, если «сеньор страны будет знать об этом и не будет возражать, но будет считать это правильным». Далее тот же закон провозглашает: «И также говорим, что обычай, который народ пожелает установить и которому следовать, должен быть согласен праву и не быть

противным ни закону Божьему, ни сеньории, ни естественному праву, ни общей пользе всего того королевства, в котором он устанавливается...». Мне кажется, что связь с параграфом 28 «Уложения кортесов в Алькале» здесь очевидна.

Такую же связь можно найти и в Part.I.2.6, где указывается, что обычай «будучи установлен разумно, имеет очень большую силу», и если он регулирует вопросы, «о которых не говорится в писаных законах», то в этом случае «он имеет силу закона». За обычаем признается возможность «устранять древние законы, созданные прежде его появления», но только при условии, что на это согласится король. Наконец, обычай не только можно заменить другим обычаем «по приказу сеньора», но и «писаными законами или фуэро», учрежденными впоследствии.

Наконец, «фуэро» (вещь, в которой заключены две другие, о которых мы сказали ранее, — обыкновение и обычай; Part.I.2.7) должно охранять «разум, право, справедливость и правосудие» (Part.I.2.8). Фуэро должно состояться «по совету людей добрых и знающих, и по воле сеньора, и к удовольствию тех, для кого оно устанавливается».

Регулирование «обыкновения», «обычая» и «фуэро», содержащееся в Партидах, полностью соответствует великому «конституционному» пакту, утвержденному на кортесах в Алькала-де-Энарес в 1348 г.: триединство обыкновение-обычай-фуэро обусловлено в первую очередь волей сеньора этой земли, а во вторую очередь — королевскими законами¹¹⁵.

5. Выводы

Осознавая, что эти выводы могут иметь исключительно предварительный характер в силу отсутствия пока критического издания Партид, я полагаю, что анализ «теории закона», содержащейся в «Королевском фуэро» и «Зерцале», может дать нам определенные основания для прояснения загадочной законодательной политики Мудрого короля.

Вопреки моему же предыдущему утверждению я полагаю более вероятным, что «Королевское фуэро» составлялось вне скриптория, работавшего при дворе короля, что подкрепляет гипотезу, выдвинутую в свое время

¹¹⁵ Альтернативную точку зрения на теорию обыкновения, обычая и фуэро в законодательстве Альфонсо X см. в статье: Марей А.В. Обыкновение и обычай как источники права в кастильской правовой доктрине XIII века (P.I.2) // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева. М.: Статут, 2013 и цит. там библиографию. — Прим. ред.

Мартинесом Диесом относительно того, что этот текст был написан в монастыре Серватос Фернандо Мартинесом де Самора. В противном случае, непонятно, почему редактор или редакторы «Королевского фуэро» обращались не к «Зерцалу» — уже завершённому или почти завершённому в 1255 г., но обращались к «Фуэро Хузго» в процессе разработки немногочисленных норм, касающихся «теории закона».

Цель, ради которой «Зерцало» было включено в политико-законодательный проект монарха, прекрасно обозначена в прологе к этому сочинению. «Зерцало» соединяло в себе все замыслы Альфонсо X: монополию на создание права, судебную монополию, юридическую унификацию и обновление.

Закон 13 первого титула Первой книги «Зерцала» был «основной нормой» политического проекта этого монарха, поскольку там определялось, кто именно может создавать нормы общего характера, то есть законы. Законодательная власть признавалась только за королем, а новый кодекс отменял собой все предшествующее традиционное право. Закон 13 «Зерцала» стал кельзеновской *Grundnorm*, а все «Зерцало» — «формальной конституцией» королевства. Однако этот проект оказался нежизнеспособным; для его осуществления требовалась настоящая революция, а значит — столкновение со всеми сословиями королевства. Другими словами, война.

Возможно, по той же самой причине король решил прервать работу над «Зерцалом» и воплотить свои идеи в сочинении со строго определенными функциями, а именно в энциклопедическом или дидактическом труде, не претендующем на «позитивность», где были собраны разнообразные политические и юридические представления Мудрого короля. Таким образом, редакторам Партид удалось без проблем позаимствовать теоретические рассуждения из первого титула «Зерцала» и перенести их в Партиды. Этой фазе соответствует версия Первой Партиды, сохранившаяся в рукописи Британского музея, в которой, вслед за «Зерцалом», еще не было общей теории «обычая» и «фуэро». Эту теорию добавили позже, в других версиях, во множестве ходивших на территории королевства. Наконец, к этому же второму титулу были добавлены — возможно, уже в 1348 г. — три закона, касающихся «обыкновения».

Почти век спустя Альфонсо XI смог даровать Леоно-Кастильскому королевству новую «конституцию» в виде пакта, заключенного с сословиями. Теперь *Grundnorm* стал параграф 28 «Уложения...», который можно понять только в связи со следующим параграфом того же текста. Нет необходимости напоминать о распространении этой нормы, которая вос-

производилась и повторялась в самых важных последующих кастильских юридических текстах, таких как «Законы Торо»¹¹⁶, «Новое собрание»¹¹⁷ и «Новейшее собрание»¹¹⁸. Но мне хотелось бы отметить, что теория закона, обыкновения, обычая и фуэро, содержащаяся в официальной версии Партид, приобрела гораздо большее значение в политическую эпоху, когда был утвержден «конституционный пакт» в Алькала-де-Энарес, чем во времена Мудрого короля.

¹¹⁶ Leyes de Toro, ley 1.

¹¹⁷ Nueva Recopilación, 2, 1, 3.

¹¹⁸ Novísima Recopilación, 3, 2, 3.

REFERENCES

1. *Allen Van Scoy H.* A Dictionary of Old Spanish Terms Defined in the Works of Alfonso X. Madison, 1986.
2. *Ballesteros M.* Las Cortes de 1252 // *Anales de la Junta para ampliación de estudios e investigaciones científicas*, t. III (1910), Memoria 3ª. P. 113–143.
3. *Calasso F.* I glossatori e la teoria della sovranità. Milan, 1957.
4. *Capella J.R.* El derecho como lenguaje. Barcelona, 1976.
5. *Capella J.R.* Elementos de análisis jurídico. Madrid, 3ª ed., 2004.
6. *Estepa Díaz C.*, La Curia de León de 1188 y los orígenes de las Cortes // *Las Cortes de Castilla y León 1188–1988*. Valladolid, 1990. Vol. I. P. 19–39.
7. *García Pelayo M.* La idea medieval del derecho // *Del mito y de la razón en el pensamiento político*. Madrid, 1968. P. 66–140.
8. *García Ramila I.* Ordenamientos de posturas y otros capítulos generales otorgados a la ciudad de Burgos por el Rey Alfonso X // *Hispania*, t. V, N 19 (1945). P. 179–235; N 20 (1945). P. 385–439; N 21 (1945). P. 605–650.
9. *García-Gallo A.* Aportación al studio de los fueros // *AHDE* 26 (1956). P. 387–446.
10. *García-Gallo A.* El Libro de las Leyes de Alfonso de Sabio. Del Espéculo a las Partidas // *AHDE* 21 (1951). P. 345–528.
11. *González Jiménez M.* Cortes de Sevilla de 1261 // *HID*, N 25 (1998). P. 295–311.
12. *González Mínguez C.* Fernando IV. 1295–1312. Palencia. 1995.
13. *Iglesia Ferreirós A.* Alfonso X el Sabio y su obra legislativa: algunas reflexiones // *AHDE* 50 (1980). P. 445–465.
14. *Iglesia Ferreirós A.* Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores // *HID*, N 9 (1982). P. 9–112.
15. *Iglesia Ferreirós A.* Cuestiones alfonsinas // *AHDE* 55 (1985). P. 95–149.
16. *Iglesia Ferreirós A.* Fuero Real y Espéculo // *AHDE* 52 (1982). P. 111–191.
17. *Iglesia Ferreirós A.* La labor legislativa de Alfonso X el Sabio // *España y Europa. Un pasado jurídico común*. Murcia, 1986. P. 275–599.
18. *Kalinowski G.* Introducción a la lógica jurídica. Buenos Aires, 1973.
19. *Kalinowski G.* *La lógica del discurso normativo*. Madrid, 1975.
20. *Kelsen H.* Teoría pura del derecho. Mexico, 1983.
21. *MacDonald R.A.* Leyes de los Adelantados Mayores. New York, 2000.

22. *Martínez Díez G.* Leyes de Alfonso X. II. Fuero Real. Ávila, 1988. P. 91–103.
23. *Nieto Soria J. M.* Sancho IV (1284–1295). Palencia, 1994.
24. *Prieto y Prieto A.* La autenticidad de los Decretos de la Curia de 1188 (Notas urgentes) // Las Cortes de Castilla y León 1188–1988. Valladolid, 1990. Vol. I. P. 41–58.
25. *Rubio Moreno L.M^a.* Leyes de Alfonso X. III. Contribución al estudio de las definiciones léxicas de «Las Partidas» de Alfonso X el Sabio. Ávila, 1991.
26. *Sánchez-Arcilla Bernal J.* Alfonso XI (1312–1359). Gijón, 2007.
27. *Sánchez-Arcilla Bernal J.* La obra legislativa de Alfonso X el Sabio. Historia de una polémica // El Scriptorium Alfonsí. De los Libros de Astrología a las Cantigas de Santa María. Madrid, 1999. P. 17–81.
28. *Sánchez-Arcilla Bernal J.* La obra legislativa de Alfonso X el Sabio // Revista General de Legislación y Jurisprudencia, III época, 2003, N 1 (enero–marzo). P. 107–135; N 2 (abril–junio). P. 267–297.
29. *Sánchez-Arcilla J.* Algunas consideraciones acerca del origen de los corregidores en Portugal y España // Justicia y Derecho Tributario. Madrid, 2008. P. 803–820.
30. *Wright G.H., von.* Norma y acción: una investigación lógica. Madrid, 1979.
31. *Zurita R.* Textos de definiciones romanas y de Partidas. Madrid, 1973.

Ключевые слова:

«Зерцало», «Семь Партид», Альфонсо X Мудрый, Кастилия, теория права

José Sanchez-Arcilla Bernal

«THEORY OF LAW» IN LEGISLATIVE ACTIVITIES OF ALFONSO X THE WISE

his paper presents the main stages of the legislative policy of Alfonso X. Based on the data of various regulatory sources of the second half of the 13th — first half of the 14th c. the author consistently builds his own vision of the Castilian Monarch's legal ideology. According to the author's version, Alfonso X claimed to radically reorganize the entire legal system of his kingdom, with a view to which the Mirror was made at his court. In a separate development, but exempt from the Royal Scriptorium, the Royal Fuero was written, which was subsequently granted by the King to a number of cities of Castile and Andalusia. However, the reformation, expected by introduction of the Mirror, had such a revolutionary nature that Alfonso X had to put an end to them by ending work on this code and transferring its basic ideas to another work, which had no strength of law during in his rule — to the Seven-Part Code or Partidas. Thus, the Partidas were represented as a didactic and encyclopedic abridgment which had no direct application and did not even exist in complete form until the famous Cortes in Alcalá de Henares in 1348, at which King Alfonso XI gave them the power of an auxiliary legal source.

 Хосе Санчес-Арсилья Берналь

профессор истории права, директор департамента истории права
и государства, Комплутенский университет (Мадрид, Испания)

Х. Вальехо

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ «КОРОЛЕВСКОГО ФУЭРО»¹

1. Основание, аргумент и гипотеза

Несложно найти основания, которые оправдывали бы выбор «Королевского фуэро» в качестве объекта нашего исследования. В творчестве Альфонсо X, которого традиционно называют «испанским Фридрихом II», соединяется целый ряд характеристик, делающих его исключительным и придающих значительность тем выводам, к которым может прийти такое исследование. Речь идет о законченном сборнике законов, завершенном в соответствии с первоначальным планом и фундаментальным образом отличающемся от так называемого «Зерцала», еще одного произведения Альфонсо X, которое, по самым убедительным предположениям, так нико-

¹ Статья впервые опубликована по-испански в составе коллективной монографии: «Colendo iustitiam et iura condendo». Federico II legislatore del Regno di Sicilia nell'Europa del Duecento. Per una storia comparata delle codificazioni europee. Atti del Convegno Internazionale di Studi / *Romano*. A. Roma, 1997. P. 485–514. Пер. с исп. на русский осуществлен с разрешения автора.

Перевод статьи выполнен Л.В. Черниной и А.В. Мареем при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование "Семи Партид" Альфонсо X Мудрого»; редакция перевода проведена А.В. Мареем.

гда и не было закончено². «Королевское фуэро» также представляет собой сборник законов, которые эффективно действовали практически сразу с момента их создания в разных местах (в разных городах и при дворе короля) и на протяжении долгого времени (вплоть до XIX в.)³, в отличие от «Семи Партид» — вершины деятельности кастильского монарха в качестве *творца законов* (*conditor legum*) — которые, однако, получили распространение довольно поздно и лишь на ограниченной территории. Их провозгласили дополнительным правом второй степени в 1348 г., в королевской прокламации, из которой следует, что в предшествующие десятилетия они не применялись. Даже если оставить в стороне проблемы с практическим применением, книга «Семи Партид» по масштабу и характеру не имеет никаких аналогий в свою эпоху, чего нельзя сказать о «Королевском фуэро». Последнее по всем параметрам является лучшим детищем своего времени и своего региона, тесно связанным с живой кастильской юридической традицией королевского права, ведущей начало еще от вестготов. Его можно поставить в один ряд как с многочисленными муниципальными фуэро того времени, так и с другими сборниками законов, возникшими тогда в различных частях западного христианского мира по обе стороны Пиренеев.

Принимая во внимание все сказанное, «Королевское фуэро» представляется мне подходящим текстом, на основании которого можно построить

² Iglesia Ferreirós A. La labor legislativa de Alfonso X el Sabio // España y Europa, un pasado jurídico común, Actas del I Simposio Internacional del Instituto de Derecho Común. Murcia, 1986. P. 275–599, особенно см. p. 281 и 400–455; эта работа представляет собой весьма убедительную попытку доказать гипотезу, которую автор выдвинул много лет назад; следует указать в связи с этим прежде всего на его статьи: *Id.* Las Cortes de Zamora de 1274 y los casos de corte // AHDE 41 (1971). P. 945–971, особенно см. с. 952–957, и: *Id.* Fuero Real y Espéculo // AHDE 52 (1982). P. 111–191, особенно с. 176–184. Принимая во внимание некоторые идеи, высказанные в настоящей работе, и невзирая на определенные разногласия, в этом первом примечании мне представляется не лишним подчеркнуть, что даже имея в виду весьма относительную точность наших знаний по этому вопросу и ограниченность критериев, с которыми обычно подходят к этой теме, работа А. Иглесии Феррейроса представляет собой единственную глобальную оценку юридического творчества Альфонсо X — это признание, отметим мимоходом, нельзя считать новым. Пространное изложение интерпретационной модели Акилино Иглесии с ответом на возражения можно найти в указанных работах и в других разнообразных публикациях, появлявшихся, главным образом, в AHDE начиная с 1980 г. Немало страниц в его статьях представляют собой прямое опровержение идей Альфонсо Гарсии-Гальо, на которых мы не будем здесь останавливаться. Две обобщающие идеи Акилино Иглесии, которые я разделяю, предлагая одновременно свою собственную, будут изложены ниже, в прим. 5.

³ Pérez Pujol E. Apuntes sobre la fuerza obligatoria del Fuero Real // Revista General de Legislación y Jurisprudencia. 1882. 30 (60). P. 488–506; на сегодняшний день изложение этой работы проще всего найти в кн.: Romeu Alfaro S. Eduardo Pérez Pujol: vida y obra, Valencia, 1979. P. 227–242.

серию умозаключений, представляющих, на мой взгляд, определенный интерес, как в силу достоинств самого памятника, так и, прежде всего, в контексте работы, посвященной отношениям между законом и правовой доктриной на судебном материале. Говоря об отношениях между законом и правовой доктриной, я имею в виду самую очевидную из возможных связей: юридические комментарии к закону, поэтому я, за редкими исключениями, не буду сосредоточиваться исключительно на том, что средневековые юристы писали на основе «Королевского фуэро»⁴. Меня интересует анализ соотношения текста закона с повседневной судебной практикой, законами «Королевского фуэро» и сочинениями тех, кто принадлежал к юридической культуре того же времени и региона и выступал в качестве посредников и толкователей. В связи с этим в сфере юрисдикции я коснусь понимания вопроса власти в связи с концепцией *iurisdictio*, то есть «провозглашения закона» (*ius dicere*) и «установления справедливости» (*aequitatem statuere*), и в целом затрону нормативную плоскость этого понятия, в которой интерпретация описывается выражениями «учреждать право» (*condere ius*), «учреждать закон» (*condere legem*), «создавать закон» (*facere legem*) и т. п.⁵

В аргументации, изложенной на последующих страницах, мы будем отталкиваться от противоречия. И это противоречие коренится не в историческом дискурсе и не в той плоскости, которая объединяет средневековые законы «Королевского фуэро» с судебными интерпретациями того времени и о которой мы уже упоминали. Противоречие, о котором нам хотелось бы поговорить в самом начале работы, исключительно историографическое, и его можно обнаружить только в дискурсе работ историков, занимавшихся или указанными законами, или указанными интерпретациями. *Status quaestionis* по поводу «Королевского фуэро», как в монографиях, так и в

⁴ Самые подробные глоссы к «Королевскому фуэро» составил, как известно, Алонсо Диас де Монтальво. Они были напечатаны еще при жизни автора, в конце XV в., и с тех пор постоянно переиздаются: см. описание изданий в кн.: *Fuero Real: edición y análisis crítico* / por G. Martínez Díez // *Leyes de Alfonso X. II*. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 1988. P. 12 ss. Сведения о различных глоссах к этому Фуэро см.: Pérez Martín A. *El estudio de la Recepción del Derecho común en España* // Cerdá J. y Salvador P. (eds.). *I Seminario de Historia del Derecho y Derecho privado. Nuevas técnicas de investigación*. Barcelona, 1985. P. 241–325, особенно с. 278, 279, 281 и 283.

⁵ Здесь в первую очередь следует сослаться на книгу: Costa P. *Iurisdictio. Semantica del potere politico nella pubblicistica medievale (1100–1433)*. Milano, 1969; заложенным в ней идеям следует и развивает их на новом материале моя работа: Vallejo J. *Ruda equidad, ley consumada. Concepción de la potestad normativa (1250–1350)*. Madrid, 1992. Эта книга закладывает основные идеи и излагает немалую часть аргументации данной статьи; и если нижеследующие примечания создадут у читателя впечатление излишней склонности к самоцитированию, то причина тому — прежде всего в стремлении к краткости и удобству, а не к престижу.

Титульный лист «Королевского фуэро». Издание 1541 г.

обобщающих трудах, указывает на то, что в этом памятнике уже есть проявления *ius commune*, хотя обычно делают ряд оговорок в отношении конкретного интересующего нас вопроса⁶. Однако даже если согласиться, что

⁶ О генетической связи «Королевского фуэро» с рецепцией *ius commune* см., напр.: Martínez Díez, G. El Fuero Real y el Fuero de Soria // AHDE 39 (1969). P. 545–562; *Id.* Los comienzos de la recepción del Derecho romano en España y el Fuero Real // Diritto comune e diritti locali nella storia dell'Europa, Atti del Convegno di Varenna (12–15 giugno 1979). Milano, 1980. P. 251–262; Pérez Martín A. Op. cit. P. 286 ss. Хотя эти исследования сами по себе, разумеется, не отражают всех существующих мнений по данному вопросу, они свидетельствуют о генеральном направлении мысли в обобщающих трудах. Что касается этих последних, то в силу их разнообразия трудно рассуждать о них сразу, но можно сослаться на ряд текстов, уже ставших классическими: Gilbert R. Historia General de Derecho Español. Madrid, 1978. P. 45–48; Lalinde Abadía J. Iniciación histórica al Derecho español, Barcelona, 1983. P. 126–127; Tomás y Valiente Fr. Manual de Historia del Derecho Español. Madrid, 1983. P. 163–164. См. также другие работы, более близкие нам по времени: Gacto E., Alejandro J.A. y García Marín J.M. El Derecho histórico de los pueblos de España (temas y textos para un curso de Historia del Derecho). Madrid, 1992. P. 267–269; Peset M. y otros. Historia del Derecho. Valencia, 1994. P. 136–140. По причинам, изложенным в прим. 1, отдельного упоминания заслуживают многие страницы из двух масштабных сочинений А. Иглесии Феррейроса: Iglesia Ferreirós, A. La creación del derecho. Una historia del Derecho español. Lecciones. Vol. 2. Barcelona, 1988. P. 264 ss.; *Id.* La creación del Derecho. Una historia de la formación de un derecho estatal español. Manual. Vol. 2. Barcelona, 1992. P. 6 y ss.

в данном вопросе законодательство «Королевского фуэро» больше обязано вестготской юридической традиции, чем обращению к судебным принципам, сформулированным в ходе разворачивающегося процесса развития *ius commune*, именно эти принципы в любом случае формируют контекст, в котором читали и толковали королевские законы. И если *ius commune* в целом имеет судебное происхождение, можно ожидать, что судебные подходы соответствовали подходам «Королевского фуэро», по крайней мере, настолько, чтобы сделать возможным адекватное прочтение и истолкование законов. Очевидно, тем не менее, что это соответствие было неполным: обсуждение другого спорного вопроса, относящегося к судебному толкованию юридической реальности в интересующий нас период, привело к самым разнообразным выводам, которые делают из установлений «Фуэро»⁷. Хотя сборник законов Альфонсо, похоже, является областью эксклюзивной королевской юрисдикции, правовая доктрина указывает нам на постоянный конфликт между юрисдикциями различного происхождения и непохожей структуры. Хотя кажется, что сборник королевских законов исключает любую норму некорольевского происхождения, доктрина показывает, каким образом выносились судебные распоряжения в самом широком смысле этого слова — как совокупность норм, объединенных лишь гомогенностью и согласованностью — разного происхождения и разного характера. Хотя царственный автор законов, похоже, провозгласил себя истинным создателем норм, включенных в сборник, правовая доктрина считает выработкой норм задачу провозглашения, определения и толкования права на основе принципов, еще недоступных монарху.

Поскольку заинтересованный читатель легко увидит противоречие, можно без большого риска предположить, что историки права, которым приходится обратить на него внимание, по мере возможности пытаются его объяснить. И действительно, если историк соглашается с аномальностью того противоречия, о котором мы сказали, то он может повести себя по-разному. Некоторые, и таких исследователей абсолютное большинство вне зависимости от занимаемой эпистемологической позиции, игнорируют парадокс, разрешая обусловившее его противоречие. Тем самым можно снять аномалию и вдобавок еще укрепить эпистемологические принципы, лежащие в основе рассуждения. А поскольку существует целый ряд возможных объяснений, то мы остановимся сейчас на некоторых из них. Интересно отметить, что эти объяснения кажутся реальными, однако в представленном виде они могут не соответствовать другим объяснениям, в той

⁷ О сути вопроса и связанной с ним литературе см. прим. 4.

или иной степени разработанным историками. Элементы, из которых они состоят, я полагаю, легко можно найти в историографии вопроса.

Первое объяснение, дорогое сердцу как историков, так и юристов, придает правовой доктрине исключительно теоретическое, а не практическое значение⁸. Творчество юристов *ius commune* якобы было исключительно интеллектуальным и академическим конструктом, возникшим в школах и обреченным на развитие и воспроизведение только в схоластической среде. На основе римского права и в соответствии с его анахроническим учением было разработано учение, которое трудно или невозможно было связать — не только в доктринальном, но и в сугубо практическом приложении — с основами *iura propria*, более адекватными времени и месту. Главное возражение, которое можно адресовать этой позиции, состоит в том, что оно является частью современного предрассудка. Принято считать, с одной стороны, что только законы, но не юридические толкования, могут сразу и непосредственно применяться на практике, и что их создают именно для того, чтобы применять в заданных границах, а с другой — что эти интерпретации служат, самое большее, для изложения, а не для применения права. Есть историки, которые обращаются только к законам, интересуясь практикой, действительной или потенциальной, тогда как можно почерпнуть информацию из источников судебного происхождения.

Существуют также объяснения, которые не выказывают такого пренебрежения к правовой доктрине. Самые влиятельные правовые школы, участвовавшие в разработке и первичном применении «Королевского фуэро», — и в связи с этим лучше всего известные нынешним историкам, — располагаются не на испанской почве. Поэтому можно подумать, что их установления соответствуют юридическому опыту тех территорий, на которых они находились, в той мере, в которой юридический дискурс отходит от римского текста и приближается к живому праву, к юридическому опыту, свойственному территориям, где находились эти школы. Отсюда всего один шаг до вывода, что эти установления совершенно не соответствуют кастильской реальности, которая лучше отражена в законах королевского сборника. Этот шаг делается тем проще, что можно опереться на богатейшую историографию, которая с собственных позиций изучала эти неиспанские школы, но в реальности не

⁸ Здесь достаточно двух примеров, один — с полным изложением позиции, а второй — с молчаливой убежденностью в правоте этой позиции: Reynolds S. *Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300*. Oxford, 1984; и Leroy B. *Pouvoirs et sociétés politiques en Péninsule Iberique (XIVe–XVe siècles)*. Paris, 1991. Обе монографии удостоились рецензий в указанном духе, соответственно в AHDE 57 (1987). P. 1040–1045, и в Ius Commune, 22 (1995). P. 381–383.

создала истории общего права без больших или меньших территориальных ограничений. В любом случае, это соображение не обязательно подразумевает недооценки сочинений юристов, но непременно исключает все достижения выдающихся представителей итальянских и французских школ, которые, кроме всего прочего, были первыми, кто воспользовался преимуществами печатного станка. Порой отмечают возможное присутствие в «Королевском фуэро» правовой доктрины, особенно испанской, но на это обстоятельство не всегда обращают внимание, хотя оно весьма достойно освещения⁹. Конечно, можно сказать, что пока это не сделано, невозможно узнать, отличалась ли испанская доктрина от аналогов, созданных в ведущих школах континента, и так ли она близка к буквальному прочтению законов Альфонсо, как можно было ожидать. Но в любом случае не нужно ждать этого момента, чтобы задаться вопросом о причинах полного исчезновения такой юридической литературы, особенно позднесредневековой, в эпоху печатного станка и потенциального присутствия кастильского королевского законодательства в испанском пространстве. И главная претензия, которую можно предъявить этой позиции, состоит в том, что она переоценивает национальную окраску средневековой юстиции, или, что то же самое, не видит общего в общем праве¹⁰.

Третье объяснение происходит от устоявшегося понимания исторического феномена, который принято обозначать термином «рецепция». С рассматриваемой точки зрения этот термин применительно к общему праву подразумевает установление на территории внешнего и чужеродного юридического порядка при сопротивлении собственного местного права, сформировавшегося в раннем Средневековье (чуть позже или чуть раньше). Результатом этой конфронтации становится появление нового права, происходящего от усвоения или отторжения элементов, соответственно, в большей или меньшей степени отвечающих традициям собственного права¹¹. Такая концепция при правильном применении легко допускает различия, даже радикальные, в

⁹ По этому вопросу, связанному с определением точных источников «Королевского фуэро», высказывались или редко и излишне бегло, или недостаточно. См. причины, изложенные в статье: *Pérez Martín A.* Op. cit. P. 292 и *Id.* El Fuero Real y Murcia // *ANDE* 54 (1984). P. 55–96. В связи с этим также представляют интерес многие страницы из труда: *García y García A.* El derecho común en España. Los juristas y sus obras. Murcia, 1991.

¹⁰ Относительно того периода, который представляет наибольший интерес, лучшее мнение одновременно является самым оригинальным: *Dolezalek G.* Observaciones sobre el desarrollo del Derecho común hasta la época de Alfonso X el Sabio // *España y Europa...* P. 27–44.

¹¹ Критический комментарий к этой позиции см. в статье: *Petit C., Vallejo J.* La categoria giuridica nella cultura europea del Medioevo // *Storia d'Europa*. Vol. 3: Il Medioevo (Secoli V–XV) / a cura di Gh. Ortalli. Torino, 1994. P. 721–760.

отношении собственного права, в силу того, что оно считается основным элементом, но не в отношении общего права, если попытаться осознать реальность законодательства, фактически действовавшего на данной территории. В нашем случае понятно, что правовую доктрину подчиняют королевским законам Альфонсо. Возражение, которое можно выдвинуть к этой позиции, состоит в том, что она видит в собственном праве способность управлять принципами отношений между собой и общим правом, что в реальности маловероятно, если исходить из предпосылки, что именно общее право формирует юридическую культуру, в рамках которой истолковывается местное право.

Помимо изложенных, могут порой возникать и другие концепции, построенные на других эпистемологических основаниях, в том числе и представляющие точки зрения, радикально отличающиеся от описанных выше. Можно, например, предложить гипотезу, базирующуюся на том, что сконструированным абстрактно и без должной связи с реальностью было как раз «Королевское фуэро» — сочинение короля, который отразил в нем юридический идеал, *desideratum*. Этот идеал невозможно было реализовать в условиях распыленной структуры власти, существовавшей на территории, где должна была действовать эта книга, плюрализма, который можно было преодолеть только с помощью доктрины, учитывающей реальную практику и не обращающей особого внимания на один-единственный из существующих центров власти. Против этой концепции тоже можно выдвинуть возражения: здесь трудно будет согласиться, что король XIII столетия, тем более носивший имя Мудрого, мог счесть подобный политический проект реальным.

Таким образом, объяснения указанного принципиального противоречия могут быть не менее разнообразными, чем возражения, которые можно им адресовать, не говоря уже о том, что аргументы в пользу этих концепций не более убедительны, чем аргументы против них. Это соображение дополнительно подтверждает возможность, о которой мы будем говорить на этих страницах: мы не будем пытаться объяснить противоречие, сформулированное несколькими абзацами выше, добавляя еще одну гипотезу к списку перечисленных, а наоборот, докажем, что это противоречие, столь бросающееся в глаза в историографии, исторически может оказаться несуществующим. За основу будет взята простая предпосылка: сведения, которые оставили нам средневековые юристы, можно черпать не только из оставленных ими сочинений, но и из того, как именно эти сочинения написаны. Другими словами, средневековая юриспруденция учит не только тому, что написано напрямую, но и тому, как именно это следует читать. В этом утверждении нет ничего новаторского, но я полагаю, что именно эту теорию следует применить к прочтению «Королевского фуэро». Таким образом, мы сможем обратить особое внимание на

характер текста «Королевского фуэро», то есть выделить характер исследования, предложенного в этой небольшой работе. Интересно отметить, что тем самым «Королевское фуэро» не превращается просто в литературный текст, не имеющий дополнительного смысла и лишенный юридического значения. Мы не будем удаляться из сферы права, поскольку будем исходить из посылки, что с помощью юридического текста (правовой доктрины) можно научиться читать другой юридический текст (королевские законы нашего фуэро). Даже признание того, что эти группы текстов (доктрина и законы), будучи каналом изложения или провозглашения права, обладают разным характером, не может вызвать искажения. Чуть выше отмечалось, что тот, кто читает доктрину, учится читать доктрину, поскольку в ней содержатся собственные ключи к прочтению. Если это так, то тем более тот, кто изучает доктрину, прежде всего знакомится с методом, с помощью которого юристы общего права читали правовые тексты, поскольку именно законы (*leges*), а не что-то иное, считались средоточием *corpora iuris*, которые они комментировали. Излишне говорить, что обратный путь эпистемологически невозможен: законы не учат читать правовую доктрину, в силу своей цели предлагая лишь минимальные критерии для понимания и оценки юридической литературы.

В связи с этим данная работа представляет собой попытку нового прочтения законов «Королевского фуэро», понимаемых как собственно законы, на указанных принципах. Я не собираюсь истолковывать «Королевское фуэро» как исключительно виртуальный юридический порядок, больше ориентированный на символическое вмешательство и нацеленный на утверждение образа короля как высшего источника справедливости, чем на нормативное вмешательство, действительно призванное определять поведение людей. Именно так однажды определили королевское право позднего Средневековья и раннего Нового времени вообще, тем самым указывая на его тесную связь с доктринальными концепциями и объясняя с этой точки зрения то обстоятельство, что эти концепции также не были нацелены на повседневное моделирование юридической практики. Независимо от историографической ценности, которую может иметь развитие этой гипотезы, ее принятие в качестве отправного пункта заставит нас выйти за правовые и судебные рамки, в которые мы поставили себя с самого начала¹².

Еще одно обстоятельство побуждает нас предпринять попытку нового толкования: дело в том, что единственное прочтение «Королевского фуэро»,

¹² Эта концепция лучше всего отражена в работах Антонио Мануэля Эспаньи; укажем лишь самую последнюю и самую выразительную из них: *Hespanha* A.M. *Lei e justiça: história e perspectiva de um paradigma* // *Id.* *Justiça e litigiosidade: história e perspectiva*. Lisboa, 1993. P. 5–58.

то есть современное его прочтение, не в состоянии избавиться от привычки рассматривать этот текст как один из «испанских кодексов» XIX в. Навсегда исчез собственный социальный, политический и юридический контекст «Королевского фуэро», остался только текст, напечатанный, размноженный и читавшийся на протяжении десятков лет, как должен был быть напечатан, размножен и прочитан несуществующий кодекс — поздний плод мучительного и долгого процесса кодификации в Испании¹³. Нынешний способ прочтения, который может показаться спонтанным, не вполне свободен от исторической детерминированности. Напротив, нынешнее прочтение непосредственно происходит из аномальной ситуации, которую я только что описал, и именно это прочтение наиболее очевидно связано с конкретными обстоятельствами данной эпохи и данного места, в наибольшей степени смоделировано историко-юридической культурой того времени, которое мы называем своим. Есть смысл потрудиться и предложить новое прочтение.

2. Доктринальное многообразие

Начнем мы с того, что перенесем акцент, который принято ставить на определенные законы для объяснения глобального характера «Королевского фуэро». Стандартное прочтение, предпочитая не начинать с пролога, выбирает отправной точкой закон FR I.7.2, сформулированный яснее, чем можно было ожидать от обычной сугубо королевской юстиции:

Никто да не осмелится разбирать тяжбы, кроме алькальда, назначенного королем¹⁴.

¹³ *Petit C.* El Código inexistente (I). Por una historia conceptual de la cultura jurídica en la España del siglo XIX // *Anuario de Derecho Civil*, 12 (1995). P. 49–90.

¹⁴ Для цитирования в данной работе текстов «Королевского фуэро» я использую издание Гонсало Мартинеса Диеса, подготовленное вместе с Х. М. Руисом Асенсио и С. Эрнандесом Алонсо: *Fuero Real: edición y análisis crítico / por G. Martínez Díez // Leyes de Alfonso X. II. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 1988*, в дополнение к которому, особенно в дополнение к «Критическому анализу», предпосланному этому изданию и подготовленному также Г. Мартинесом Диесом, следует обязательно иметь в виду пространную рецензию: *Iglesia Ferreirós A.* En torno a una nueva edición del Fuero Real // *ANDE* 59 (1989). P. 785–840. Х. М. Руис Асенсио в «Палеографическом исследовании», включенном в это издание (Р.133 ss.), показывает, что рукопись, положенная в основу публикации, происходит из королевского скриптория, тем самым опровергая мнение, распространенное ранее среди специалистов. См. напр.: *MacDonald R.A.* Law and Politics: Alfonso's Program of Political Reform // *Burns R.I. (ed.)*. The Worlds of Alfonso the Learned and James the Conqueror. Intellect and Force in the Middle Ages. Princeton, 1985. P. 150–202.

Есть искушение считать это заявление официальной формулировкой или, по крайней мере, политической целью, провозглашающей единственной юрисдикцией королевскую власть; это явный пережиток прочтения XIX в., отражающего стремление этого столетия к передаче единой законодательной власти в руки государства. Мы же начнем с другого места Фуэро, которое кажется менее важным в силу своего положения в общем порядке. Речь идет о законе из Второй книги, включенном в титул, который, по-видимому, регулирует отдельные вопросы, касающиеся частного права, приобретения или утраты собственности на предмет с течением времени. Это закон FR II.11.5:

Ничто из принадлежащего (*cosa*) сеньории короля не может быть утрачено с течением времени, но, когда бы он или его представитель ни затребовали бы это, пусть он его получит. Мы также приказываем, чтобы имущество святой Церкви не утрачивалось бы по прошествии времени, меньшего, чем установили святые отцы.

Как явствовало бы из терминологического анализа «Королевского фуэро», если бы таковой понадобился, термин *cosa* относится не только к материальной или вещественной собственности, а термин *señorío* обозначает не только «владение» в смысле, наиболее близком к современному понятию¹⁵.

¹⁵ В свете отсутствия лингвистического исследования, охватывающего хоть сколько-нибудь кастильских рукописей «Королевского фуэро» — статья С. Эрнандеса Алонсо, включенная в издание, которым мы пользуемся, слишком короткая и представляет собой лишь «Введение», каковым и является — я полагаю, что следует взять за основу исследование из перевода книги королевских законов на португальский язык: *Azevedo Ferreira, J. de. Afonso X. Foro Real. Lisboa, 1987*; особенно см. термин «*cosa*», р. 506 и 553 в т. I, и р. 78 в т. II; термин «*señorío*», р. 271 в т. II. Следует иметь в виду, что сделанные Ж. де Феррейрой выводы близки к реальности, но все же остаются приблизительными и допускают определенные вариации. Заметим вскользь, что в потенциальном компаративном исследовании настоящих кастильских рукописей тоже было бы невозможно оценить первый из указанный терминов — *cosa*: хотя, по подсчетам Феррейры (I, р. 506) он встречается в «Королевском фуэро» 424 раза, его практически невозможно определить иначе как при чтении или при анализе текста компьютерными методами. Термин *señorío* дает больше возможностей для выделения оттенков смысла: Феррейра отмечает 27 случаев его употребления в различных формах; лично я встретил его в тексте 29 раз. В 26 случаях транскрипция португальской рукописи и использованного кастильского издания совпадает; в португальском, но не в кастильском тексте он встречается лишь однажды (FR III.2.2 «*de donadío de señor*» вместо «*doutro senhorío*»), а в кастильском, но не в португальском — трижды, причем в одном из случаев расхождение объясняется отсутствием в португальской версии титула о вызовах (FR IV.21 или 25, в зависимости от расположения в кастильских изданиях и рукописях), а два других явно демонстрируют определенное понимание кастильского текста (в FR I.2.2 в одном из

Король Альфонсо VI. «Книга завещаний королей Леона», XII в.

Следовательно, к «принадлежащему сеньории короля» относятся также полномочия, признанные за ним в силу его верховного политического статуса в королевстве, власть, которая присуща его юрисдикции. В отношении них закон провозглашает отсутствие срока давности, и об этой декларации вспомнят почти сто лет спустя (в Алькала-де-Энарес в 1348 г.) в королевском постановлении противоположного характера, указав попутно на конкретную сферу, выраженную в терминах, по меньшей мере, двусмысленных для современного читателя «Королевского фуэро»¹⁶.

В данный момент мы не будем руководствоваться терминами, определяющими королевские права в середине XIV в., нас интересует середина XIII в.; но это действительно были королевские права. Приобретение юрис-

случаев, где по-кастильски встречается термин «sennorio» [del rey], по-португальски он превращается в «reyno», а преступления «contra sennorio del rey» [против сеньории короля] в FR II.1.3 по-португальски становятся преступлениями «contra el rey» [против короля].

¹⁶ См. об этом недавнюю работу: Vallejo J. *Leyes y jurisdicciones en el Ordenamiento de Alcalá* // *Textos y Concordancias del Ordenamiento de Alcalá* / ed. por Fr. Waltman y P. Martínez de la Vega Mansilla. Madison, 1994. P. 1–19. После 1348 г. текст FR II.11.5 в любом случае могли истолковывать в соответствии с новой нормой: *Alonso Díaz de Montalvo*, глосса ‘ninguna: de señorio de rey’ к FR II.11.5: *Hodie tamen de jure Regni praescribitur jurisdictio civilis, & merum Imperium contra Regem spatio centum annorum. Et quod hic dicitur, intelligitur de majoritate iustitiae, quae nullo temporis spatio potest praescribi* (= Ныне однако в королевском праве предписано, что гражданская юрисдикция и власть короля распространяются на сто лет. А сказанное тут толкуется в духе величия правосудия, которое не может быть ограничено никаким течением времени); я использую снабженное глоссами издание, *El Fuero Real de España*, Madrid, 1781.

дикции в обход короля запрещается, поскольку можно допустить, что подобное приобретение станет причиной усиления судебной власти различных должностных лиц. Допускается возможность — а с ней и реальность — применения другими людьми полномочий, которые считаются королевскими с претензией на исключительность. Тот, кто поступает таким образом, считается узурпатором, хотя в рассматриваемом юридическом контексте у него есть достаточно аргументов противодействовать решительному вмешательству короля, направленному на восстановление эксклюзивных прав в судебной сфере, пусть даже эти аргументы негативного характера¹⁷. Кроме того, нужно еще посмотреть, какие полномочия — или, точнее, в какой степени — имеются в виду под эксклюзивной и неотъемлемой королевской сеньорией, однако к этому вопросу мы обратимся ниже.

Однако для начала необходимо завершить анализ разбираемой нормы разбором отсылки к Церкви, которая также представляет особый интерес¹⁸. При том что норма касается той же сферы, то есть юрисдикции, в ней применительно к судебным полномочиям Церкви утверждается то же, что отрицается применительно к юрисдикции короля: хотя смысл нормы представляется ограничительным, то есть Церковь может потерять свою юрисдикцию с течением времени, все же тот, кто отправляет публично и мирно судебные полномочия, изначально приписанные церковным властям, укрепляет свою позицию, приобретая собственность на них. Следует понимать, что если владелец является мирянином, отправляемые им полномочия не должны быть несовместимы с его статусом¹⁹.

Я полагаю, что по результатам комбинированного рассмотрения двух норм, включенных в FR II.11.5, можно сделать вполне очевидный вывод, что контекст, в который вмешиваются королевские законы, — это контекст судебного плюрализма, признанного самим «Королевским фуэро». Это судебный плюрализм, который в целом нельзя назвать статичным — в той части, которая касается способов приобретения и утраты — за исключением юрисдикции короля, в данном случае при условии исключительности, которая, конечно, никогда не была очевидной, если брать за отправную точку декларацию об исключительности, содержащуюся в FR I.7.2.

Тот факт, что множественность юрисдикций приводит к множественности норм, не обязательно выводить из позднесредневекового определения

¹⁷ Vallejo J. Ruda equidad... P. 101 ss.

¹⁸ Мы также приказываем, чтобы имущество святой Церкви не утрачивалось бы по прошествии времени, меньшего, чем установили святые отцы. — *Прим. ред.*

¹⁹ Достаточно сослаться на базовый справочник: Dumas A. Jurisdiction ecclésiastique (Histoire de la) // Dictionnaire de Droit Canonique / dir. par R. Naz. T.VI. Paris, 1957. Cols. 236–283.

iurisdictio. Из того самого закона, который мы рассматриваем, это совершенно ясно, поскольку он без особенных уточнений ссылается на указания святых отцов, нормативный характер которых должен иметь строго юридическую природу, ведь они, по меньшей мере, должны подразумевать сугубо юридический режим приобретения юрисдикции с указанием сроков. В системе «Королевского фуэро» речь идет о первой ссылке на юридический порядок, внешний по отношению к самому сборнику законов; первой, но не единственной, поскольку в последующих законах вновь появляются такие отсылки, всегда на каноническое право. Особую важность представляет ссылка в FR III.12.5, поскольку она использует формулу — «установленное святой Церковью» — более конкретную, чем просто ссылка на патристику, как это было раньше.

Это признание чужих полномочий, причем действительных, интересно отметить, особенно в связи с материальной стороной или смыслом норм королевского права, которые они ущемляют. И это не просто отсылка к ним, но и включение в «Королевское фуэро» норм, которые для начала должны были находиться по этой логике в собственном правовом корпусе Церкви. В FR I.5.2 король провозглашает неотчуждаемость всего, что приобретет или приумножит прелат от имени своей церкви:

Также мы приказываем, что ни епископ, ни аббат, ни другой какой-либо прелат не может продавать или отчуждать что бы то ни было из того, что он приобрел или приумножил от имени своей церкви, но если он приобретет или унаследует нечто сам по себе, то пусть делает с этим что пожелает.

С одной стороны, можно сделать вывод, что этот закон не касается вопросов юрисдикции — но это трудно предположить: помимо того, что постановка проблемы в нем имеет характер общий и неопределенный, не следовало бы толковать в ограничительном духе норму, созданную в интересах Церкви и направленную на сохранение и поддержание легитимно установленной ситуации. В противном случае получается, что этот закон плохо сопоставим с FR II.11.5, который мы только что рассмотрели и который определяет наличие срока давности для церковного имущества. Здесь интересно отметить возможное противоречие, основанное на неадекватности нормы «Королевского фуэро» принципу судебной аргументации, который предполагает совпадение отсутствия срока давности и неотчуждаемости. Это значит, что если об этом сказано — что явно неизбежно в силу применения канонического постановления с прилагающейся к нему весьма подробной правовой доктриной, — то дискуссия относительно раз-

решения этого противоречия обязательно должна была присутствовать за пределами или на полях книги королевских законов²⁰. Это, разумеется, не исключает возможности, что в самой книге разъясняется, как могут мирно сосуществовать обе нормы. На самом деле, определение любой некоролевской юрисдикции как подчиняющейся сроку давности могло быть только выгодным королю, в чью пользу работал этот механизм, поскольку именно он был лицом, обладавшим изначальной юрисдикцией. Аналогичным образом, декларируемая неотчуждаемость территорий, находящихся в собственности Церкви, также могла стать препятствием увеличению за их счет иных сеньориальных доменов. Это так и в любом случае, если руководствоваться логикой понимания и толкования, предложенными вне фуэро. Данная логика ни при каких условиях не может не отражать напряженную игру конкурирующих юрисдикций, в чем можно убедиться в том же титуле I.5 «Об охране имущества святой Церкви», где помощь светской королевской власти, провозглашенная в законах 4 и 6 — с явным признанием в последнем некоролевского «правосудия», — компенсируется кажущимся признанием со стороны Церкви исключительности королевского правосудия в отношении преследования определенных преступлений²¹.

Королевская исключительность остается именно в этом пункте. Она, разумеется, присутствует в «Королевском фуэро», поскольку формулировка FR.I.7.2 вовсе не ложна, и сейчас мы можем вернуться к этому вопросу с более глубоким пониманием дела. Мы уже знаем, чего именно *не* могли хотеть сказать лаконичным: «Никто да не осмелится разбирать тяжбы, кроме алькальда, назначенного королем»²². Рассмотрим теперь, с другой стороны, как исключительность королевской юрисдикции может сочетаться с множественностью юрисдикций, ясно видной из постановлений того же Фуэро.

²⁰ Об этой дискуссии см: *Vallejo J. Ruda equidad...* P. 114 ss.

²¹ В любом случае, нужно иметь в виду, что FR I.5 — это титул с особой структурой: в отношении прежде всего используемого нами издания см.: *Iglesia Ferreirós A. En torno a una nueva edición...* P. 825 ss; о самом важном из законов этого титула, посвященном десятинам, см.: *Id. Fuero Real y Espéculo...* P. 181–182 и *Id. El privilegio general concedido a las Extremaduras en 1264 por Alfonso X. Edición del ejemplar enviado a Peñafiel el 15 de abril de 1264 // AHDE 53 (1983).* P. 456–521.

²² Тот факт, что это заявление содержит в себе более глубокий смысл, чем кажется на первый взгляд, я полагаю, лучше всего отражен в глоссе Диаса де Монтальво, которая кратко вводит FR I.7.2 в точный исторический контекст — парадоксальным образом не являющийся одновременно более широким. Эта глосса помогает понять буквальный смысл, указывая на нормы, предшествующие этой (*Liber Iudiciorum* II.1.15; *Fuero Juzgo* II.1.13 — и конечно 16) и наследующие ей (Постановление в Алкала 27, 2). См.: *Alonso Díaz de Montalvo, глосса к 'ningun home debe juzgar', Fuero Real I.7.2: Concordat foro juz. lib.2 tit.1. l.16. potest tamen ille qui jurisdictionem praescripsit: foro novo, tit.27. l.2.*

Разумеется, такая комбинация представляется изначально невозможной, но в реальности оба эти явления — исключительность и множественность — составляют юрисдикционную основу «Королевского фуэро». Я обращался к этому вопросу несколько лет назад, не зная тогда ответа на него и оставив его открытым, в связи с так называемыми «делами королевского правосудия» (то есть уголовными делами. — *Прим. ред.*)²³.

Тогда речь шла о процессуальной категории, описанной в книге королевского права, которая изначально, по-видимому, отсылала к различению между гражданским и уголовным процессом или, по меньшей мере, к определению, закрепленному для данной эпохи в ставшей уже классической историографии, уголовного процесса, отделенного от гражданского, общего порядка судебного разрешения конфликтов. Фактически, хотя это определение имело уголовно-правовой характер, оно было лишено точности: процессуальные особенности, позволявшие индивидуализировать «дела королевского правосудия», касались лишь случаев рассмотрения преступлений особой тяжести, которые иногда просто перечислялись, а иногда лишь упоминались в связи с соответствующими наказаниями. Ни одно из двух определений так и не обрело достаточной точности, поскольку различные упоминания рассматриваемых преступлений, вместе или поодиночке, не всегда совпадали, как и отсылки к характерным мерам наказания. Но если границы были плохо прописаны, то, по меньшей мере, существовало несомненное ядро «дел королевского правосудия»: дела по преступлениям, каравшимся смертной казнью или телесными наказаниями. Из специфических особенностей процесса по «делам королевского правосудия» стоит упомянуть лишь то, что по преступлениям, которые рассматривались в этой категории, предусматривалось начало разбирательства без обязательного вмешательства обвинителя.

В результате анализа этих элементов можно сказать, что, с точки зрения правовой доктрины, современной «Королевскому фуэро», пользуясь ее терминологией, книга законов Мудрого короля формирует конкретную сферу высшей юрисдикции, то есть исключительной власти (*merum imperium*), ограничиваемой обычно элементами уголовно-правового порядка, такими

²³ *Pleitos de justicia* — так назывались уголовные дела, традиционно подлежавшие суду короля (они же известны как *casos de corte*). — *Прим. ред.*

См.: Valle J. Fuero Real 1,7,4: pleitos de justicia // Historia, Instituciones. Documentos, 11 (1984) (= Homenaje al Pfr. Dr. D. José Martínez Gijón). P. 343–374, с дополнительными разъяснениями: *Id.* Historia del proceso, procedimiento de la historia. Diez años de historiografía procesal en España (1979–1988) // Hispania. Entre derechos propios y derechos nacionales, Atti dell'incontro di studio, Firenze-Lucca 25, 26, 27 maggio 1989 / a cura di B. Clavero, P. Grossi, Fr. Tomás y Valiente. Milano, 1990. P. 885–921.

как определенные преступления и наказания, которые выделяются особо в силу своей тяжести²⁴.

Именно эту судебную власть монарх и требует лишь для себя. Нормы, регулирующие производство по уголовным делам, с ясностью показывают, как, в случае возникновения оснований для подобных дел, исключается любая возможность возмещения ущерба или иного урегулирования вопроса без вмешательства королевской власти. Король требует себе, исключительно и в полной мере, и основания, и право осуществления исключительной власти, высшего вида власти судебной, которая в то время, когда кастильский монарх разрабатывал сборник законов, считалась не однородной и единой, а распределенной по разным инстанциям. И если в самом «Королевском фуэро» пределы исключительной власти, то есть границы, которые отделяют ее от других видов, степеней и разделов судебной власти, не представлены, как было показано, с полной ясностью, то столь же нечетки они были в правовой доктрине, особенно связанной с фуэро²⁵. Согласно как законам, так и правовой доктрине, к ведению одного лишь короля относились дознание по наиболее тяжким преступлениям, наложение и приведение в исполнение подходящих наказаний, а следовательно, и их предварительное нормативное определение. В понимании того, зачем король резервирует за собой эту сферу в нормативной системе, предполагавшей, изначально, что вся юрисдикция относится к королю, могут помочь взгляд, охватывающий всю эту юрисдикцию в ее полноте, и внимательное чтение заявлений фуэро, которые могут доказывать идею королевской юрисдикционной монополии.

С точки зрения множественности юрисдикций определенные предписания фуэро, которые изначально, в буквальном смысле, должны были бы рассматриваться с позиций единства юрисдикции, можно понять и по-другому. Так, определения фуэро в наиболее строгом процессуальном смысле этого термина²⁶ или закрепление сферы компетенции алькальдов могут рассматриваться уже не как неизбежное следствие точного раздела территории королевства на судебные округа и развертывания в этих округах сети судей, назначенных королем, а как предупреждение будущих кон-

²⁴ Связь между уголовными делами и исключительной властью была отмечена в статье: *Iglesia Ferreirós A. La labor legislativa...* P. 305, 374–381.

²⁵ *Vallejo J. Power Hierarchies in Medieval Juridical Thought. An Essay in Reinterpretation // Ius Commune*, 19 (1992). P. 1–29.

²⁶ То есть, как территории, на которой действуют нормы того или иного фуэро. Альфонсо X, публикуя «Королевское фуэро» и раздавая его множеству кастильских городов, преодолевал, тем самым, характерный для средневекового феодального общества правовой плюрализм, выражающийся, в том числе, и в постоянном конфликте юрисдикций разного порядка. — *Прим. ред.*

фликтов между различными юрисдикциями. Королю было особенно важно обеспечить такие условия для реализации своей — высшей — юрисдикции, чтобы ему не могли бы помешать судебные полномочия отдельных сеньоров. Я полагаю, что именно так можно истолковывать первый закон второй книги «Королевского фуэро», который открывает собой не только серию законов о юрисдикции судей, но и наиболее важную часть регламентации судебного процесса в собственной системе кодекса Альфонсо X:

Если какой-либо человек, проживающий в чьей-либо сеньории, совершит дурной поступок, за который он должен понести телесное или имущественное наказание, перейдет в другую сеньорию, то пусть отвечает и принимает приговор перед тем алькальдом, в чьем краю было совершено преступление, и он не сможет отказаться от суда, говоря, что переехал жить в другое место.

Столь нечеткая формулировка, использованная в содержании приведенного выше закона, лишь расширяет возможности его применения. Ведь королевское правосудие действует не только в выделенной им для себя сфере. Если цель состоит в том, чтобы сделать правосудие неизбежным, то можно предположить, что эта норма также является отражением принципа, не сформулированного в «Королевском фуэро», который, тем не менее, кажется мне не чуждым его содержанию. Я имею в виду принцип верховенства правосудия, то есть эффективное вмешательство королевской судебной власти в случае недостаточной действенности местной юстиции, не делающей того, что нужно было бы сделать²⁷. Судебное вмешательство короля, таким образом, потенциально имеет всеобщий характер и не ограничивается тесными пределами собственной исключительной сферы. Подобное действие, разумеется, имеет не только судебный характер: так, фундаментальное положение, содержащееся в прологе к «Королевскому фуэро», который оправдывает его составление и дарование различным родам, указывает именно на ситуацию ущербного правосудия, которую

²⁷ Выражение этого принципа не совсем отсутствует в «Королевском фуэро», но оно видно лишь в контексте закона FR I.5.3, где указанный недостаток влияет на саму королевскую юстицию: «И поскольку воля Наша такова, чтобы в Наше время не ущемлялись и не терялись бы права Господа из-за недостатка Нашего правосудия... посему мы приказываем и устанавливаем навечно, чтобы...»; о недостатках правосудия в целом см. недавнюю основательную работу: *Garriga C. Control y disciplina de los oficiales públicos en Castilla: la 'visita' del Ordenamiento de Toledo (1489) // AHDE 61 (1991). P. 215–390.*

король должен исправить²⁸. В первых же абзацах король утверждает, что в кастильских городах

не было фуэро вплоть до Нашего времени, и судились по прецедентам, и по различным суждениям людей, и по несправедливым и противоправным обычаям...²⁹

Он не претендует на то, чтобы модифицировать действующее право — его задача состоит в том, чтобы ослабить неизбежно негативный эффект отсутствия подходящих норм. Существующие обычаи и прецеденты не являются правом, и поэтому их наличие создает объективно нежелательную ситуацию, с которой король должен покончить. Можно сказать, что это сугубо политический аргумент: возможно, но этим объясняется и его важность в качестве свидетельства доминирующих представлений.

3. Создание законов

Хотя нельзя сказать, что «Королевское фуэро» с самого начала предполагалось применять в обход всех прочих источников права, следует еще раз признать здесь, что буквальный смысл некоторых законов вполне вписывается в такого рода представление об исключительности. Здесь уместно вспомнить текст закона FR I.6.5:

Мы охотно допускаем и желаем, чтобы всякий человек знал другие законы, чтобы люди были более сведущими и мудрыми, но Мы не желаем, чтобы кто-либо судился или разбирал тяжбы по ним. Пусть все тяжбы решаются по законам этой книги, которую Мы даем Нашему народу и повелеваем соблюдать. И если кто-либо принесет книгу других законов на суд, чтобы судить или разбирать тяжбы по ней, пусть заплатит 500 суэлько королю; но если кто-либо будет ссылаться на законы, совпадающие с законами этой книги и подкрепляющими их, то он волен делать так и не понесет никакого наказания.

²⁸ Vallejo J. Leyes y jurisdicciones. Cit., p. 12-13.

²⁹ О прологе к «Королевскому фуэро» см.: Iglesia Ferreirós A. La labor legislativa de Alfonso X el Sabio. Cit., p. 293 ss.

Титульный лист Liber Iudiciorum (Вестготская правда). Издание 1600 г.

Весьма вероятно, что этот закон отражает несомненно существовавшую процессуальную практику, относительно которой, однако, нет специально регулирования. В начале процесса стороны доказывают свою позицию перед судьей, указывая на конкретные места как в «Королевском фуэро», так и в других сборниках законов, которые юридически поддерживают их позиции. У приведенного закона существует очевидный предшественник в вестготском королевском законодательстве (*Liber Iudiciorum* II.1.11, закон Рецесвинта), а это неизбежно предполагает, что либо описанная процессуальная практика с древности укоренилась на испанской земле, либо Альфонсо X или конкретные редакторы его законов полагали уместным возрождение такого способа ведения судебного процесса, как *recitatio*, считая его особенно удачным. Как бы то ни было, включение этого закона в «Королевское фуэро» приближает его к реальности, которую он должен был регулировать; к реальности, где существовало множество различных уложений, которые знали и на которые, по всей видимости, ссылались при обращении к судьям, обязанным решать тяжбы. По отношению к этим уложениям действия позднесредневекового короля-законодателя были явно более сдержанными, чем действия его вестготского предшественника. Включение нормы из «Книги приговоров» в «Королевское фуэро» сопровождалось удалением пассажа, обязывавшего судью уничтожить книгу законов, содер-

жание которой не соответствует официальной книге, под страхом такого же наказания, какое грозит стороне, ссылающейся на него³⁰.

В суде ссылались на разные книги — вот первое, что можно вынести из закона, изначальная цель которого, изложенная выше, состоит в том, чтобы запретить применение других законов помимо содержащихся в «Королевском фуэро». Это опять нельзя понимать однозначно. Запрет распространяется в полном масштабе на те сферы, где объективная юрисдикция короля действует эксклюзивно, либо в тех случаях, когда она должна действовать эффективно и не страдать от ограничений, связанных с недостатками применения, либо в тех местах, которые посредством соответствующих компенсаций согласились использовать фуэро в виде привилегии, вместо действовавших там ранее местных норм³¹. Сила данного закона, таким образом, неизбежно становится относительной, хотя его возможности и возрастают иным путем: FR I.6.5 также является законом, описывающим, каким образом «Королевское фуэро» встраивалось в существующие и конкурирующие с ним правовые порядки, которые оно, в целом, не собиралось вытеснять. То, что возникает необходимость привлекать иное юридическое уложение, кроме королевских законов, при этом содержащее нормы, совпадающие с этими законами, означает лишь намерение сторон подкрепить свою позицию, как бы легитимируя нормы фуэро наличием аналогичных им законов в иных источниках, хотя бы и полностью лишенных силы. Более того, тот факт, что эти законы совпадают с «Королевским фуэро», легко может означать, что они не противоречат ему, и что они находятся по отношению к королевским законам в позиции норм *praeter legem*, а не только *secundum legem*. Сам тон «Королевского фуэро» способен натолкнуть читателя на след того, чего нет в его законах, а в результате трудно предположить, что юридическая реальность, существовавшая помимо фуэро, была неважна. Если даже сами привилегии, которыми жаловалось «Королевское фуэро», могли стать основанием для использования норм, касавшихся внутригородских

³⁰ О Liber Iudiciorum II.1.11 см.: Petit C. De negotiis causarum (II) // AHDE 56 (1986). P. 5–165; о значении вестготского процессуального законодательства для «Королевского фуэро» см.: Vallejo J. La regulación del proceso en el Fuero Real: desarrollo, precedentes y problemas // AHDE 55 (1985). P. 495–704. О значении рассматриваемого нами закона «Королевского фуэро» с рассмотрением вестготского права и в целом позицию, отличную от представленной нами, см.: Iglesia Ferreirós A. La labor legislativa de Alfonso X el Sabio. Cit., p. 303 ss. Позиция Альфонсо Гарсии-Гальо, выдержанная в другом интерпретационном ключе см.: García-Gallo A. La obra legislativa de Alfonso X. Hechos e hipótesis // AHDE 54 (1984). P. 97–161.

³¹ О процессе распространения «Королевского фуэро» см.: González Jiménez, M. Alfonso X y las oligarquías urbanas de caballeros // Glossae: European Journal of Legal History, 5–6 (1993–1994). P. 195–214.

отношений, не отраженных среди законов «Королевского фуэро», то редчайшее присутствие терминов, указывающих на феодальные отношения, указывает, что почти ничтожное институциональное присутствие этих отношений в королевских законах, в том числе в таких специфических титулах «Королевского фуэро», как III.13 — «О вассалах и о том, что дают им сеньоры», а также в титуле «О вызовах» (IV.21), не могло бы соответствовать реальному влиянию сеньориального права, без сомнения, бывшего более влиятельным³². В этом контексте нормативную совокупность, которая могла бы существовать *praeter legem*, за пределами королевских законов, вряд ли можно было бы ликвидировать путем применения того же самого фуэро³³.

Я полагаю, что этот аргумент убедительный и сочетается с нормой, содержащейся в FR I.7.1, которая на первый взгляд полностью отрицает его. Этот закон примыкает к рассмотренному выше, хотя и располагается в другом титуле, и является выводом из предыдущего:

Мы приказываем, чтобы... алькальды... судили по законам, записанным в этой книге, а не по другим. А если случится тяжба, которую нельзя решить по этой книге, то пусть пошлют к королю, чтобы он провозгласил закон, по которому следует судить, и закон, данный королем, пусть включают в эту книгу.

И вновь, опираясь на предшествующую вестготскую традицию, проблеме заполнения лакун в процессе применения «Королевского фуэро» пытаются решить прямым обращением к королю³⁴. Помимо утверждения заявленной ранее законодательной монополии монарха, этот закон стремится лишь приспособить фуэро к условиям времени и места, которым должны отвечать эти законы, по утверждению самого фуэро³⁵. Подобные меняющиеся условия могли сделать необходимым провозглашение новых норм,

³² Clavero B. Behetría, 1255–1356. Crisis de una institución de señorío y de la formación de un Derecho regional en Castilla // AHDE 44 (1974). P. 201–342.

³³ Подобное прочтение в итоге было весьма распространено, хотя в иной период, после составления «Королевского фуэро» и уже в иной правовой ситуации в Кастилии: Alonso Díaz de Montalvo, глосса 'bien sofrimos deste libro', к FR I.6.5: Ex quo infertur a contrario sensu, quod hodie licitum est, alias leges in causas praeter istas allegare.

³⁴ О предшествующем вестготском материале и возможном пути его попадания в «Королевское фуэро» см.: Vallejo J. La regulación del proceso en el Fuero Real: desarrollo, precedentes y problemas. Cit., p. 582–583.

³⁵ FR I.6.2: Закон должен быть ясным, чтобы всякий мог понять его и не обмануться, и подходящим для этого места, для людей и для этого времени, а также честным, и справедливым, и равным, и полезным.

отвечающих новым потребностям — к этому вопросу юриспруденция того времени обращается постоянно, что объясняется претензией на вечный характер уже установленного права. Эта претензия, отраженная также и в самом «Королевском фуэро»³⁶, логично вытекает из представления о том, что установление права — это акт не творения, а декларирования или позитивирования более высокого порядка норм поведения, установленного высшей Божественной волей. Наиболее практичный и видимый эффект этой концепции состоял в достижении чрезвычайной стабильности законодательства³⁷.

Это особенно верно применительно к FR I.7.1, потому что лаконичное обоснование этого закона направлено не на отрицание того, что существуют законы некорольского происхождения, а на провозглашение куда менее масштабного принципа: лакуны в книге королевских законов должен заполнять король. В таком истолковании закону FR I.7.1 соответствует нормативный контекст, отличный от того, в котором следует рассматривать предыдущий закон — FR I.6.5. Схематично говоря, последний закон шестого титула направлен вовне «Королевского фуэро», а первый закон седьмого — вовнутрь книги королевских законов; FR I.6.5 представляет собой образец отношений с другими уложениями законов, а FR I.7.1 предлагает способ заполнения лакун внутри самого королевского уложения.

Интеграция, которая производится без привлечения творчества, как мы только что сказали, а в процессе, природа которого ближе к юридическому толкованию, призвана превратить короля в посредника между чистой справедливостью, столь же объективной, сколь и неопределенной, и справедливостью, узаконенной и сформулированной в виде позитивной нормы. Рассуждать об этих вопросах на основании буквального смысла законов действительно сложно, поскольку конкретное доказательство того, что эта концепция породила идеи «Королевского фуэро», отсутствует. Закон — результат процесса, который ему самому объяснять не нужно, и не следует удивляться тому, что этот результат чрезвычайно редко отражается в текстах изучаемой нами королевской книги.

Существуют ли другие пути исследования? Разумеется, существуют, и некоторые из них уже использовались, всегда давая спорные результаты. Как мы вскоре увидим, они мало могут дать для достижения наших целей.

Например, ни к чему не приводит семантический и частотный анализ глаголов, которые вводят нормы, хотя от этого метода изначально можно было

³⁶ FReal, Prooem.: ...И повелеваем, чтобы это фуэро соблюдалось вовеки...

³⁷ Vallejo J. Ruda equidad, ley consumada. Cit., p. 302 ss.

ожидать существенного эффекта³⁸. Такие глаголы — обычно это следующие наиболее распространенные формы: «Мы приказываем» (*mandamos*), «Мы желаем» (*queremos*), «Мы запрещаем» (*defendemos*), «Мы постановляем» (*establecemos*) — используются слишком произвольно, и невозможно сказать, что составители «Королевского фуэро» вкладывали в них определенный и постоянный смысл. Обратите внимание, например, на использование слова «Мы приказываем», глагольной формы, которая на первый взгляд должна подразумевать решительный императив и наличие смысловых оттенков для демонстрации исключительности личной воли монарха. В некоторых случаях это слово используется для введения норм, связанных с соблюдением постановлений, не исходящих от короля³⁹, в других — для норм сугубо декларативного или толковательного характера⁴⁰; нередко оно вводит лишь одну из норм, содержащихся в данном законе⁴¹. Остальные случаи применения занимающей нас формы глагола *mandar* также недостаточно показательны для выработки какой бы то ни было однородной характеристики законов, в которых он присутствует, а следовательно, и для отличения их от законов, где норма вводится другим глаголом⁴². Дополнительные основания для такой позиции дают те случаи, где допускается взаимозаменяемое использование слов «приказываем» (*mandamos*) и «постановляем» (*establecemos*)⁴³, или те,

³⁸ Реальный предел выводов, которые можно извлечь из этого исследовательского метода, представляющегося мне бесплодным в нашем конкретном случае, см. в работе: *José de Azevedo Ferreira. Afonso X. Foro Real*, cit., I, p. 417 ss. С другой стороны, из простой констатации нельзя сделать вообще никаких выводов, см.: *García-Gallo A. La obra legislativa*, cit., p. 107 и 154.

³⁹ О FR II.11.5 см. выше в тексте; FR III.1.1: Постановляем и приказываем, чтобы все браки совершались словами, которые приказывает святая Церковь.

⁴⁰ FR III.11.1: И поскольку некоторые сомневаются, является ли продажей, если одну часть наследственного владения или какую-либо вещь отдают за коня или за другое наследственное владение или за деньги, Мы приказываем, чтобы это считалось обменом.

⁴¹ Обычно оно вводится посредством слова *otrosí*: FR I.5.2; II.9.8; II.11.2; II.12.2; III.4.9; III.5.12; III.6.10; III.12.7; III.15.7; IV.20.15; IV.22.5, хотя и не всегда: FR II.10.3; III.1.8; III.3.2; III.4.17; III.10.6; III.13.6; III.16.6; IV.5.2; IV.11.4; IV.12.2; IV.15.4; IV.17.8; IV.19.1; IV.21.25.

⁴² Термин «*mandamos*» («приказываем») используется особенно часто; доказательство тому см. *FRReal, Prooem.*; I.1; I.2.2; I.3.1; I.5.1; I.5.2; I.5.3; I.5.4 (относительно этого закона см. критический аппарат к используемому изданию); I.7.1; I.7.8; I.8.3; I.9.4; I.10.17; I.10.19; II.5.1; II.8.2; II.8.19; II.11.8; II.11.10; II.14.2; II.15.1; II.15.2; II.15.5; III.2.2; III.5.7; III.8.1; III.8.3; III.10.1; III.13.2; III.13.5; III.19.5; IV.5.1; IV.9.2; IV.11.1; IV.18.5; IV.20.10; IV.21.11; IV.21.19; IV.22.4; IV.24.1; IV.25.1.

⁴³ FR I.2.2: И посему постановляем... Также приказываем...; FR I.5.2: поэтому постановляем... и приказываем это. Также важны примеры из FR III.5.5 и 7, поскольку первый из этих законов вводит с помощью «постановляем» норму, близкую по масштабам норме второго закона, начинающегося с «приказываем». Более того, португальская версия FR III.5.5 начинается со слов «Постановляем и приказываем» (*Establecemos e mandamus*). См.: *José de Azevedo Ferreira. Afonso X. Foro Real*, cit., I, p. 211.

где термин «приказываем» усилен терминами «постановляем»⁴⁴ или «желаем»⁴⁵, если предположить, что эти последние нельзя выделить в отдельную категорию, но они придают особую специфику законам, где используются только эти две глагольные формы⁴⁶. Особенно неустойчиво все, что касается «постановляем» — термина, от которого в наибольшей степени можно было бы ожидать значения установления права в собственном смысле слова⁴⁷. Наконец, «запрещаем» (*defendemos*) — это глагольная форма, использование которой предполагает негативный смысл фразы, что, впрочем, не дает нам делать определенных выводов на основании ее употребления⁴⁸.

Если указанный путь ведет в никуда, то и другие, которые можно попробовать использовать, ведут туда же. Я считаю приемлемым использовать следующую отправную гипотезу: чтобы понять природу действий короля в творении законов, следует обратить внимание на структуру этих законов и особенно на их порядок и формальное расположение в тексте⁴⁹. Но в силу особенностей стиля, использованного составителями «Королевского фуэро», которые в большинстве случаев ограничивались максимально лаконичным изложением нормы, а не ее обоснованием, объяснением или изложением ее оснований, данная гипотеза оказывается практически недоказуемой, хотя возможно, она может дать результаты для других юридических сочинений Альфонсо X⁵⁰.

⁴⁴ FR I.5.3 и III.1.1.

⁴⁵ FR I.1: И мы желаем и приказываем, чтобы всякий христианин придерживался этой веры и соблюдал ее... В издании Королевской академии истории есть еще один пример в титуле о паломниках: FR IV.23.2: мы желаем и приказываем, чтобы паломники... могли... составлять распоряжение о своем имуществе...

⁴⁶ «Желаем» не всегда появляется в значении императива, порой вводя собой объяснение нормы. См. FR IV.20.6: ...ибо мы не желаем, чтобы он по малолетству утрачивал свое право против того, кто нанес ущерб.

⁴⁷ Этот термин используется не так часто, как можно было бы ожидать. См. FR I.2.1; I.2.2; I.5.2; I.5.3; I.6.4; I.8.1; I.10.10; II.1.8; II.1.7; III.1.1; III.4.10; III.5.5; III.10.9; IV.20.1.

⁴⁸ См. FR III.5.10 в отличие от FR III.5.5 («постановляем») и FR III.5.7 («приказываем»); а также FR III.5.19 в отличие от III.19.2. В тексте FR IV.11.1 и FR IV.24.1 связь с «приказываем» видна особенно ясно.

⁴⁹ См. пример такого подхода: *Herzog T. The 'Recopilación de Indias' and its discourse. The Spanish Monarchy, the Indies and the Seventeenth Century // Ius Commune, 20 (1993). P. 143–163.*

⁵⁰ Они способны предоставить некоторые дополнительные аргументы, хотя, возможно, и не окончательного свойства. См., напр., показательный пример из «Зерцала» III.2.1, где присутствует цепочка деклараций, выстроенных в следующем порядке: 1. «Считаем согласным праву», что поведение X недостойно для подражания; 2. Причиной тому является то, что поведение X приводит к ущербу А и В, а тот, кто поступает таким образом, грешит тремя способами: С, D и E. 3. Поэтому «приказываем», что тот, кто поступает X, умрет. 4. И это так, потому что «таково право», и нужно придерживаться поведения Y.

Тем не менее нельзя сказать, чтобы аргументы совсем отсутствовали, и пусть даже язык законов «Королевского фуэро» дает ничтожно мало сведений о себе самом, но законы кое-что говорят о себе. Послушаем их в завершение. Существует определение закона, причем определение в широком смысле, которое отбрасывает формальные аспекты и сосредоточивается на сущности и функции. Речь идет о FR I.6.1:

Закон любит божественное и наставляет в нем, он источник просвещения и учитель права и справедливости, уложение добрых обычаев, охрана народа и его жизни...

В закон включена консервативная клаузула «охрана народа и его жизни», а это означает, что закон не создается заново, а лишь записывается; нет ничего, что может ассоциироваться с нововведением любого толка, с изменением общего юридического порядка, который, как считается, существует от века и королевские законы включаются в его контекст. Правовой порядок в конечном итоге имеет божественное происхождение, и закон не может не гармонировать с ним — он «любит его», — тем самым поясняя его. Не только справедливость, но и «право» — это реальность, предшествующая закону, который показывает ее и наставляет в ней. Еще одну отсылку к ценностям более древним, чем закон, можно заметить в указании на добрые обычаи — закон, упорядочивая их, тем самым формулирует их и дает им нужное направление. Но в этом «уложении добрых обычаев» видна и проекция в будущее. Закон исполняет функцию формирования поведения, которая находится в полном соответствии со средневековой концепцией, основанной прежде всего на текстах, включенных в канонические собрания, подтверждения обычаями писаного закона. Речь идет не о порождении обыкновения, соответствующего закону, в результате удачного применения правовой нормы ее адресатами, а о символической легитимации закона, который понимается именно в том широком смысле, который использует «Королевское фуэро». В этом смысле утрачивает определяющий характер не только форма, которую принимает норма, но и тот, кто ее провозглашает, конкретный носитель

Хотя в «Королевском фуэро» таких ярких примеров нет, они изобилуют в «Зерцале», где приведенная схема повторяется неоднократно. Однако нет причин полагать, что законодательство «Королевского фуэро» не следует аналогичным базовым принципам, которые предполагают соответствие высшему и неизменному юридическому порядку, как его представляет монарх. Описанная выше схема изложения нормы идеально соответствует этим принципам.

нормативной власти, который является ее непосредственным автором. FR I.6.1 определяет не закон короля, а закон вообще, эквивалентом которому является норма принципиально иного характера, а именно обычай. Во-первых, это идентификация, прекрасные основания для которой предлагает буквальный смысл закона, который мы комментируем, а во-вторых, статут — это наиболее общее обозначение, используемое в правовой доктрине для истолкования любого судебного уложения, ограниченного по территориальным, персональным или объективным критериям⁵¹.

В этом титуле автор законов не то чтобы не упоминается, но он все время остается второстепенным по сравнению с характеристиками, более имманентно присущими закону. Например, в FR I.6.3:

Вот какова причина, подвигнувшая нас творить законы: чтобы они обуздывали злодейство людей и жизнь добрых была бы в безопасности, а злые отказались бы от зла в страхе наказания⁵².

У этого пассажа есть аналог в прологе к книге законов:

...Поскольку подобает королю, который должен содержать свой народ в справедливости и праве, творить законы, чтобы знали люди, как следует жить, и о разладах и о тяжбах, которые возникают между ними, так чтобы поступающие дурно несли бы наказание, а добрые люди жили в безопасности.

Речь идет о гарантировании и поощрении добра и преследовании и наказании зла, а не об их определении. Последнее станет креативным элементом процесса, в ходе которого, если пользоваться терминами, предложенными самими королевскими законами, творец этих законов играет второстепенную роль, которую он обязан сыграть, потому что такова природа его положения — «подобает королю».

⁵¹ Глосса к слову «закон» Алонсо Диаса де Монтальво к FR I.6.1 доказывает, что именно так можно читать FR I.6.1 в историческом контексте возникновения этой нормы и что именно так она действительно читалась позднее, когда господствовали такие же ценности: *Sed in larga significatione lex est sanctio sancta iubens honesta: prohibens contraria regula justorum et injustorum... & sic sumitur pro omni rationabili statuto: ut in ista lege... Item nota circa hanc materiam, quod inveterata consuetudo est tacita lex.* О правовой доктрине эпохи «Королевского фуэро» см.: *Vallejo J. Ruda equidad, cit., p. 265 ss.*

⁵² См. указание на происхождение этого закона от Исидора: *Iglesia Ferreirós A. La labor legislativa, cit., p. 302.*

Этот контекст придания королевским законам сущностной роли, недоступной самой власти, которая их провозглашает — единственное, что может объяснить текст, подобный FR I.6.4:

Всезнание устраняет незнание, поскольку написано, что тот, кто не желает понять, не желает поступать хорошо. И поэтому мы повелеваем, чтобы никто не подумал поступить дурно, говоря, что не знает законов и права, и если он поступит вопреки закону, незнание закона не извинит его преступление.

Может ли быть что-либо нелепее, чем читать этот закон, как если бы он относился к позитивному юридическому порядку конвенционального характера, которому для безопасности в атмосфере постоянно нарастающего юридического движения требуется признать незнание нормы непростибельным? Смысл FR I.6.4 совершенно в другом: нет прощения не знающему принципа, который отражает, определяет, истолковывает или формулирует закон, и это не имеет почти ничего общего с тем, был ли буквальный текст королевского закона прочитан или услышан нарушителем хоть однажды⁵³. В середине XIII столетия это требование совершенно очевидно было столь же невыполнимым, сколь чрезмерным оно считалось много позже, в момент наивысшего успеха в толковании «Королевского фуэро»⁵⁴.

Давайте откажемся от подобных способов прочтения и сделаем попытку прочесть текст заново. На этих немногих страницах я хотел представить первоначальный план разработки критериев понимания королевских законов, наиболее приближенных к правовой доктрине того времени. Я полагаю, что эти критерии имеют право на существование, и признаю их спорными по целому ряду пунктов. Если при двух этих условиях наше прочтение расширит горизонты и обострит критическое чутье у читателя, который вновь обратит свой взор на «Королевское фуэро», то оно выполнит свою задачу внести минимальный вклад в понимание комплекса проблем, которые часто поднимают, но в целом признают нерешаемыми.

⁵³ О FR I.6.4 без подробных объяснений см.: *Iglesia Ferreirós A.* La labor legislativa, cit., p. 303.

⁵⁴ О последнем контексте см.: *Grossi P.* Absolutismo jurídico y derecho privado en el siglo XIX. Bellaterra. 1991.

REFERENCES

1. *Clavero B.* Behetría, 1255–1356. Crisis de una institución de señorío y de la formación de un Derecho regional en Castilla // *AHDE* 44 (1974). P. 201–342.
2. *Costa P.* Iurisdictio. Semantica del potere politico nella pubblicistica medievale (1100–1433). Milano, 1969.
3. *Dolezalek G.* Observaciones sobre el desarrollo del Derecho común hasta la época de Alfonso X el Sabio // *España y Europa...* P. 27–44.
4. *Dumas A.* Jurisdiction ecclésiastique (Histoire de la) // *Dictionnaire de Droit Canonique* / dir. por R. Naz. T.VI. Paris, 1957. Cols. 236–283.
5. *Gacto E., Alejandre J.A. y García Marín J.M.* El Derecho histórico de los pueblos de España (temas y textos para un curso de Historia del Derecho). Madrid, 1992.
6. *García y García A.* El derecho común en España. Los juristas y sus obras. Murcia, 1991.
7. *García-Gallo A.* La obra legislativa de Alfonso X. Hechos e hipótesis.// *AHDE* 54 (1984). P. 97–161.
8. *Garriga C.* Control y disciplina de los oficiales públicos en Castilla: la ‘visita’ del Ordenamiento de Toledo (1489) // *AHDE* 61 (1991). P. 215–390.
9. *Gibert R.* Historia General de Derecho Español. Madrid, 1978.
10. *González Jiménez, M.* Alfonso X y las oligarquías urbanas de caballeros // *Glossae: European Journal of Legal History*, 5–6 (1993–1994). P. 195–214.
11. *Grossi P.* Absolutismo jurídico y derecho privado en el siglo XIX, Bellaterra. 1991.
12. *Herzog T.* The ‘Recopilación de Indias’ and its discourse. The Spanish Monarchy, the Indies and the Seventeenth Century // *Ius Commune*, 20 (1993). P. 143–163.
13. *Hespanha A.M.* Lei e justiça: história e perspectiva de um paradigma // *Id.* Justiça e litigiosidade: história e perspectiva. Lisboa, 1993. P. 5–58.
14. *Iglesia Ferreirós A.* El privilegio general concedido a las Extremaduras en 1264 por Alfonso X. Edición del ejemplar enviado a Peñafiel el 15 de abril de 1264 // *AHDE* 53 (1983). P. 456–521.
15. *Iglesia Ferreirós A.* Fuero Real y Espéculo // *AHDE* 52 (1982). P. 111–191.

16. *Iglesia Ferreirós A.* La labor legislativa de Alfonso X el Sabio // España y Europa, un pasado jurídico común, Actas del I Simposio Internacional del Instituto de Derecho Común. Murcia, 1986. P. 275–599.
17. *Iglesia Ferreirós A.* Las Cortes de Zamora de 1274 y los casos de corte // AHDE 41 (1971). P. 945–971.
18. *Iglesia Ferreirós A.* En torno a una nueva edición del Fuero Real // AHDE 59 (1989). P. 785–840.
19. *Iglesia Ferreirós A.* La creación del derecho. Una historia del Derecho español. Lecciones. Barcelona, 1988.
20. *Lalinde Abadía J.* Iniciación histórica al Derecho español, Barcelona, 1983.
21. *Leroy B.* Pouvoirs et sociétés politiques en Péninsule Iberique (XIVe–XVe siècles). Paris, 1991.
22. *MacDonald R.A.* Law and Politics: Alfonso's Program of Political Reform // *Burns R.I. (ed.).* The Worlds of Alfonso the Learned and James the Conqueror. Intellect and Force in the Middle Ages. Princeton, 1985. P. 150–202.
23. *Martínez Díez G.* El Fuero Real y el Fuero de Soria // AHDE. 39 (1969). P. 545–562.
24. *Martínez Díez G.* Los comienzos de la recepción del Derecho romano en España y el Fuero Real // *Diritto comune e diritti locali nella storia dell'Europa*, Atti del Convegno di Varenna (12–15 giugno 1979). Milano, 1980. P. 251–262.
25. *Pérez Martín A.* El estudio de la Recepción del Derecho común en España // *Cerdá J. y Salvador P. (eds.).* I Seminario de Historia del Derecho y Derecho privado. Nuevas técnicas de investigación. Barcelona, 1985. P. 241–325.
26. *Pérez Martín A.* El Fuero Real y Murcia // AHDE 54 (1984). P. 55–96.
27. *Pérez Pujol E.* Apuntes sobre la fuerza obligatoria del Fuero Real // *Revista General de Legislación y Jurisprudencia*. 1882. 30 (60). P. 488–506.
28. *Peset M. y otros.* Historia del Derecho. Valencia, 1994.
29. *Petit C.* De negotiis causarum (II) // AHDE 56 (1986). P. 5–165.
30. *Petit C.* El Código inexistente (I). Por una historia conceptual de la cultura jurídica en la España del siglo XIX // *Anuario de Derecho Civil*, 12 (1995). P. 49–90.
31. *Petit C., Vallejo J.* La categoria giuridica nella cultura europea del Medioevo // *Storia d'Europa*. Vol. 3: Il Medioevo (Secoli V–XV) / a cura di Gh. Ortalli. Torino, 1994. P. 721–760.
32. *Reynolds S.* Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. Oxford, 1984.
33. *Romeu Alfaro S.* Eduardo Pérez Pujol: vida y obra, Valencia, 1979. P. 227–242.
34. *Tomás y Valiente Fr.* Manual de Historia del Derecho Español. Madrid, 1983.

35. *Vallejo J.* Fuero Real 1,7,4: pleitos de justicia // HID, 11 (1984) (= Homenaje al Pfr. Dr. D. José Martínez Gijón). P. 343–374.
36. *Vallejo J.* Historia del proceso, procedimiento de la historia. Diez años de historiografía procesal en España (1979–1988) // Hispania. Entre derechos propios y derechos nacionales, Atti dell'incontro di studio, Firenze-Lucca 25, 26, 27 maggio 1989 / a cura di B. Clavero, P. Grossi, Fr. Tomás y Valiente. Milano, 1990. P. 885–921.
37. *Vallejo J.* La regulación del proceso en el Fuero Real: desarrollo, precedentes y problemas» // AHDE 55 (1985). P. 495–704.
38. *Vallejo J.* Leyes y jurisdicciones en el Ordenamiento de Alcalá // Textos y Concordancias del Ordenamiento de Alcalá / ed. por Fr. Waltman y P. Martínez de la Vega Mansilla. Madison, 1994. P. 1–19.
39. *Vallejo J.* Power Hierarchies in Medieval Juridical Thought. An Essay in Reinterpretation // Ius Commune, 19 (1992). P. 1–29.
40. *Vallejo J.* Ruda equidad, ley consumada. Concepción de la potestad normativa (1250–1350). Madrid, 1992.

Ключевые слова:

Альфонсо X, «Королевское фуэро», Испания, конфликт юрисдикций,
принципы права

Jesús Vallejo

NEW INTERPRETATION OF THE ROYAL FUERO

he paper seeks to carry out a new reading of the Royal Fuero by Alfonso X with an emphasis on the aspects of its practical application. Thereby the author focuses on the rules governing problems of interaction and correlation of different jurisdictions — the royal and ecclesiastical, the and the interaction between jurisdiction of the royal nobility and the nobility. Based on the data of the analysis of a number of fuero rules the author discusses the duality of its nature, both as a practical abridgment and realization of the most important theoretical dogmas of the law simultaneously. The author's methodological idea is that the Royal Fuero shall be understood not in itself, but in the context of the accompanying legal doctrine of 13th–15th cc.

 Хесус Вальехо Фернандес Регера

доцент факультета права, Севильский университет (Севилья, Испания)

А.В. Марей

АЛЬФОНСО X В ОТРАЖЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: КОНЕЦ XIII — НАЧАЛО XIV В.¹

После смерти Альфонсо X, случившейся в Севилье 4 апреля 1284 г., его скрипторий практически прекратил свою активность, работа над целым рядом проектов, в том числе историографических, была приостановлена. Причиной

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ (проект № 13-01-00135 «Научный комментированный перевод “Первой всеобщей хроники”») и гранта НИУ ВШЭ по софинансированию проекта РГНФ №15-09-0251.

Хочу отметить, что проведение этого исследования было бы невозможно без поддержки и помощи со стороны моих коллег, консультировавших меня и предоставлявших в свое распоряжение свои материалы, в том числе и рукописные. Я благодарен им всем, и было бы несправедливо не упомянуть их в начале этой статьи. Профессор Автономного университета (Мадрид, Испания) Инес Фернандес-Ордоньес (Ines Fernández-Ordóñez) любезно предоставила в мое распоряжение материалы, использовавшиеся ею при подготовке издания «Всеобщей истории» Альфонсо Мудрого, включая текст самого этого издания, а доцент университета Дархэма (Великобритания) Мануэль Ихано (Manuel Hijano), великодушно откликнувшись на мою просьбу, помогал мне консультациями, прислал текст своей диссертации, а также, что невозможно переоценить, свою транскрипцию Бирмингемской рукописи «Истории деяний готов», нигде на сегодняшний день не опубликованную. Последнему по порядку в этом перечне, но, безусловно, первому по значению, заслуженному профессору университета Севильи, дону Мануэлю Гонсалесу Хименесу (Manuel González Jiménez), я обязан гораздо большим, чем просто помощь библиографического характера (хотя и она неоценима!) — беседы с ним об истории Испании и, в частности, об Альфонсо X, консультации по конкретным источникам, его открытость и готовность всегда делиться с собеседником своим научным багажом наполняют меня чувством глубокой признательности и любви к нему.

тому, по утверждению Д. Каталана, стало прекращение финансирования этих работ со стороны нового короля — Санчо IV Храброго (1284–1295)². Должно было пройти несколько лет, прежде чем этот монарх, при активном участии своей жены — королевы Марии де Молина, вновь обратился к разработке текстов исторического, этико-идеологического и правового содержания и, как следствие, к оплате трудов их авторов³. Именно тогда, около 1289 года, была продолжена «История Испании», изложение событий в которой при Альфонсо X было доведено только до короля Леона Фернандо II (1158–1188). При Санчо IV повествование «Истории Испании» было дополнено правлениями последующих королей и завершено рассказом о смерти и погребении Фернандо III Святого⁴. Однако ни в одной официальной хронике, подготовленной при дворе Санчо IV, не было сказано ничего о правлении его отца, короля Альфонсо X Мудрого.

Подобное молчание, было оно умышленным или спонтанным, может создать впечатление, что описания правления Альфонсо X появились в исторических сочинениях только в середине XIV в., в правление его правнука, Альфонсо XI, когда была создана знаменитая «Хроника Альфонсо X»⁵. Однако подобное впечатление будет обманным, поскольку информация о

² *Catalán D.* El taller historiográfico alfonsí: métodos y problemas en el trabajo compilatorio // *Romanía*, 84 (1963). P. 354–375; *Funes L.* Una versión nobiliaria de la historia reciente en la Castilla post-alfonsí: la *Historia hasta 1288 Dialogada // *Revista de Literatura Medieval*. XV/2 (2003). P. 71–83.

³ Обзор письменной культуры двора Санчо IV и основных произведений, созданных в период его правления, см., напр., в работе: *Gómez Redondo F.* Historia de la prosa medieval castellana. Vol.1. La creación del discurso prosístico: el entramado cortesano. Madrid, 1998. P. 853–1092; роль королевы Марии в развитии историографических проектов при дворе Санчо IV особо подчеркивается на с. 959–979.

⁴ О генезисе «Истории Испании», соотношении ее различных версий и, шире, об историографической технике сотрудников скриптория Альфонсо X написано достаточно большое количество исследований. Чтобы не перегружать статью, я сошлюсь лишь на несколько основных работ, без учета которых уже нельзя представить себе исследования по исторической культуре эпохи Мудрого короля. Прежде всего, это статья И. Фернандес Ордоньес и подготовленная ею же коллективная монография: *Fernández-Ordóñez I.* La historiografía alfonsí y post-alfonsí en sus textos. Nuevo panorama // *Cahiers de Linguistique Hispanique Médiévale*, 18–19, 1993–1994. P. 101–132; *Alfonso X el Sabio y las Crónicas de España* / ed. por I. Fernández-Ordóñez. Valladolid, 2000. Также следует отметить две, ставших уже классическими, книги Д. Каталана: *Catalán D.* La Estoria de España de Alfonso X: creación y evolución. Madrid, 1992; *Id.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí: códigos, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo. Madrid, 1997; названные работы хороши еще и тем, что в них проводится тщательный анализ всей предшествующей им исследовательской традиции.

⁵ *Crónica de Alfonso X según el ms.II/2777 de la Biblioteca del Palacio Real (Madrid)* / Edición, transcripción y notas por Manuel González Jiménez. Índice por Mª A. Carmona Ruiz. Murcia, 1998.

правления Альфонсо X и о его личности фиксируется в ряде нарративных источников, написанных вне королевской канцелярии, как в правление самого Мудрого короля, так и при его сыне, внуке и правнуче, и, впоследствии, оказавших влияние как на названную выше «Хронику Альфонсо X», так и на исторические памятники последующей эпохи. Значительная часть помянутых хроник и иных исторических сочинений привлекалась в разное время исследователями эпохи Альфонсо X для установления или уточнения каких-либо деталей биографии кастильского монарха, однако, как правило, они играли роль вспомогательных источников, уступая актовому материалу, привлекавшемуся в качестве основного источника⁶. Единственным исключением из этого утверждения является статья барселонского исследователя Акилино Иглесии, подробно исследовавшего отражение законодательной деятельности Альфонсо Мудрого в испанских исторических сочинениях Средних веков и Нового времени⁷.

В своей статье я делаю попытку проанализировать образ Альфонсо Мудрого, сложившийся именно в нарративных источниках. Представляется, что эти источники — хроники, анналы, памятные записки и т.д. — и формировали картину исторической памяти для большинства людей Средневековья, а значит, именно по ним образованная публика пиренейских королевств создавала себе впечатление об одном из наиболее ярких своих королей⁸. В ряду малых и больших хроник, историй и анналов, в которых освещаются, в той или иной мере, жизнь и правление Альфонсо Мудрого, совершенно особое место занимает посвященная ему «Хроника Альфон-

⁶ На исследовании документов Альфонсо X с привлечением в качестве вспомогательных источников правовых текстов его эпохи, а также разнообразных анналов и хроник построены как минимум все наиболее серьезные биографии Альфонсо X, написанные А. Бальестеросом, М. Гонсалесом Хименесом, Дж. Келлером, Дж. О'Кэлехеном и Х. Сальвадором Мартинесом: *Ballesteros Beretta A. Alfonso el Sabio*. Barcelona, 1984; *González Jiménez M. Alfonso X el Sabio*. Barcelona, 2004; *Keller J.E. Alfonso X, El Sabio*. New York, 1967; *O'Callaghan J.F. El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla* / trad. esp. por M. González Jiménez. Sevilla, 1999; *Salvador Martínez H. Alfonso X, el Sabio. Una biografía*. Madrid, 2003. Исключением из этого ряда смотрится блестящее биографическое исследование Дж. О'Кэлехена, написанное на материалах анализа «Кантиг Святой Деве Марии»: *O'Callaghan J.F. Alfonso X and the Cantigas de Santa Maria. A Poetic Biography*. Leiden: Brill, 1998.

⁷ *Iglesia Ferreirós A. Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores* // *HID*. N 9 (1982). P. 9–104.

⁸ По причине прежде всего ограниченного объема статьи исследование построено на материалах именно кастильских хроник, за единичными редкими исключениями. В данной работе не используются ни французские, ни провансальские, ни итальянские источники, сохранившие данные об Альфонсо X. Остаются за кадром и арабские анналы, в которых Мудрый король также оставил свой след. Исследование этих источников является делом будущего.

Король Альфонсо X. Средневековая миниатюра

со X», составленная Фернандо Санчесом де Товар в первой половине 40-х гг. XIV в. До нее не существовало ни одного обобщающего текста, посвященного Мудрому королю, зато после нее уже ни один историк, автор хроники или любого другого текста, не мог обойтись без этого произведения, говоря о знаменитом кастильском монархе. Таким образом, вся средневековая историография, содержащая сколь-нибудь значимую информацию об Альфонсо X, совершенно логично распадается на три блока: а) хроники и анналы, созданные до «Хроники Альфонсо X»; б) собственно, сама эта хроника и подготовительные материалы к ней; и в) разноплановые исторические сочинения, созданные после ее завершения, в период с середины XIV по начало XVI в. Эта статья первая из цикла и посвящена она анализу отражения Альфонсо X в историографических памятниках, составленных до появления на свет «Хроники Альфонсо X», то есть в период с середины XIII в. и до начала 40-х гг. следующего столетия.

* * *

Источники, созданные или завершенные в означенный период, достаточно обильны. Среди них необходимо назвать следующие: сочинение Родриго Хименеса де Рады «Об испанских делах»⁹ и «Всемирную хронику» Луки Туйско-

⁹ Roderici Ximenii de Rada Historia de rebus Hispaniae sive Historia Gothica / ed. J. Fernández Valverde. Turnhout: Brepols, 1987 (= Rod.Tol.).

го¹⁰, «Хрониконы Карденьи I и II»¹¹, «Толедские анналы II и III»¹², «Анналы инфанта Хуана Мануэля»¹³, «Хронику заселения Авилы»¹⁴. Сюда же следует добавить «Первую всеобщую хронику»¹⁵, завершенную при Санчо IV и содержащую ценную, хотя и достаточно немногочисленную информацию об Альфонсо X в то время, когда он еще был инфантом. Дополнить эту группу можно латинской «Хроникой королей Кастилии», написанной Хофре де Лойсой¹⁶, анонимными анналами правления Альфонсо X¹⁷, основное ядро которых было составлено, согласно опубликовавшему их М. Гонсалесу Хименесу, в правление Санчо IV, и, разумеется, историческим сочинением, называемым, с легкой руки Д. Каталана, «Историей в диалогах до 1288 г.»¹⁸. Наконец, сюда же следует добавить и еще один небольшой, но весьма примечательный текст несколько иного плана, чем предыдущие — краткую биографию Альфонсо X, составленную около 1278 г. для наследного инфанта Санчо францисканским теологом Хуаном Хилем де Самора¹⁹, автором знаменитого труда «О восхвалении Испании». Я сознательно не перечисляю здесь еще некоторое количество местных анналов и хроник, поскольку единственная информация об Альфонсо X, которую они содержат, — это сообщение о том, что он стал королем.

Для удобства обращения перечисленные тексты представляется целесообразным разбить на три группы. Первая из них объединит в себе сочинения, повествующие об Альфонсо в бытность его наследным инфантом и не затрагивающие, по тем или иным причинам, событий его правления. Сюда следует отнести исторические труды Родриго Толедского и Луки Туйского (второй — с его кастильским продолжением), «Первую всеобщую хронику», а также

¹⁰ Lucae Tudensis Chronicon mundis / ed. E. Falque. Turnhout: Brepols, 2003 (= Luc.Tud.).

¹¹ Chronicon de Cardena // España Sagrada. Vol.23/ por E. Florez. Madrid, 1767. P. 370—380 (=Card.I / Card.II).

¹² Anales Toledanos // España Sagrada. Vol.23/ por E. Florez. Madrid, 1767. P. 401—423 (=Tol. II / Tol.III).

¹³ Chronicon del Excelentísimo señor D. Juan Manuel, hijo del infante D. Manuel // España Sagrada. Vol.2/ por E. Florez. Madrid, 1754. P. 213—222 (=Anales JM).

¹⁴ Crónica de población de Ávila / ed. e ind. por A. Hernandez Segura. Valencia, 1966.

¹⁵ Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289 / Publ. por R. Menéndez Pidal. Madrid, 1955. (= PCG).

¹⁶ Jofré de Loaysa. Crónica de los reyes de Castilla Fernando III, Alfonso X, Sancho IV y Fernando IV (1248—1305) / edición, traducción, introducción y notas de Antonio García Martínez. 2ª edición. Murcia, 1982.

¹⁷ González Jiménez M. Unos anales del reinado de Alfonso X // BRAH. 192 (1995). P. 461—491 (=Anales).

¹⁸ Catalán D. La Estoria de España de Alfonso X... P. 248—268.

¹⁹ Fita F. Biografías de San Fernando y de Alfonso el Sabio por Gil de Zamora // BRAH. 5. 1884. P. 308—328 (=Bio.).

«Толедские анналы II». Во вторую группу можно включить «Хроники Карденьи I и II», а также «Толедские анналы III», так называемые «Анналы инфанта Хуана Мануэля» и «Хронику заселения Авилы», повествование которых, как будет показано ниже, охватывает правление Альфонсо X частично или полностью, но, в силу ряда объективных причин, связанных, прежде всего, с жанровыми ограничениями анналов, затрагивает лишь некоторые события из него, показавшиеся составителям анналов достойными внимания. Наконец, в третью группу войдут «Анналы правления Альфонсо X» и латинская биография монарха, составленная Хуаном Хилем де Самора, описывающие последовательно все правление Альфонсо Мудрого, с большей или меньшей степенью подробности останавливаясь на его конкретных событиях. От произведений второй группы их отличает, во-первых, жанровое своеобразие, а во-вторых, то, что для их авторов Альфонсо X был, безусловно, основным или, по крайней мере, одним из основных героев их повествования.

Разбору хроники Хофре де Лоайсы, также известной, как «Хроника королей Кастилии» и «Истории в диалогах до 1288 г.», несмотря на то, что они подпадают под хронологические рамки, заявленные в данной статье, я посвящу следующую статью данного цикла. Причина подобного решения, прежде всего, в том, что эти источники, наряду с «Хроникой Альфонсо X», формируют ту базу, на которой потом будет развиваться вся последующая историографическая традиция, относящаяся к Альфонсо Мудрому положительно, вслед за Хофре де Лоайсой, или отрицательно, наследуя пафос двух других произведений. Уже поэтому эти тексты следует разбирать в непосредственной связи с «Хроникой Альфонсо X», сопоставляя их свидетельства между собой и выстраивая взаимосвязи между ними.

* * *

Анализ текстов первой группы логично открыть рассмотрением двух наиболее крупных латинских историографических проектов Пиренейского полуострова — леонской «Всемирной хроники» Луки Туйского и кастильской «Готской истории» Родриго де Рады. С одной стороны, именно они стали основными источниками как для «Первой всеобщей хроники», так и, в случае с «Готской историей», для «Толедских анналов II»²⁰. С другой — именно в них, по очевидным причинам, содержится наименьшее коли-

²⁰ См. об этом вступительные замечания Э. Флореса к «Толедским анналам II»: *Anales Toledanos // España Sagrada / por E. Florez. Madrid, 1767. P. 363–364.*

чество информации об Альфонсо X. Поскольку Лука Туйский довел свою хронику до 1237 г., а Родриго де Рада — до 1243-го, то Альфонсо и так мог фигурировать у них обоих лишь в качестве наследного инфанта; даже при этом туйский каноник ограничился лишь указанием его в числе детей Фернандо III и королевы Беатрисы²¹, тогда как толедский митрополит, помимо аналогичного упоминания²², отметил еще брак Альфонсо с дочерью арагонского короля Хайме I Виолантой²³ и участие наследного инфанта в покорении округа Кордовы в 1241 г.²⁴

«Толедские анналы II», в составлении которых, по мнению Э. Флореса, мог принимать участие сам митрополит Толедо Родриго де Рада²⁵, обращаются к личности будущего Альфонсо X только трижды. Первое упоминание приходится на 1221 г. и содержит новость о рождении первенца у короля Фернандо и королевы Беатрис, второе и третье датируются 1243 и 1244 гг. соответственно, и речь в них идет о покорении наследным инфантом королевства Мурсии и взятии городов Мула и Лорка.

Здесь же можно упомянуть и кастильскую версию «Всемирной хроники» Луки Туйского²⁶, составленную, по всей видимости, в конце XIII — начале XIV в. Во всех рукописях этого текста к хронике Туйского каноника дописаны еще 9 глав, посвященных кампании Фернандо III по взятию Севильи, смерти этого короля и возведению на престол Альфонсо X²⁷. Дописаны они были, по мнению Х. Гонсалеса, разделяемому М. Гонсалесом Хименесом, в

²¹ **Luc.Tud.IV.93:** Duxit namque uxorem ex imperiali genere Romanorum Deo deuotissimam feminam nomine Beatricem, ex qua genuit Adefonsum, Fredericum, Fernandum, Philippum, Henricum, Sancium, Emanuelem, Alienor, Berengariam et Mariam.

²² **Rod.Tol.VIII.12:** Suscepit autem rex Fernandus ex uxore sua gratissime Beatrice filios hic notatos: Aldefonsum primogenitum, Fredericum, Fernandum, Henricum, Philipum...

²³ **Rod.Tol.VI.5:** Hic, ut diximus, [rex Iacobus] a prima uxore per Ecclesiam separatus, duxit aliam nomine Yolesam filiam Andree regis Vngarie et Yolese regine, qua fuit filia Petri imperatoris et Yolese imperatricis Constantinopolitanensis, qui erant de genere regum Francorum; et ex hac uxore suscepit filiam nomine Yolesam, quam dedit uxorem domino Aldefonso primogenito regis Fernandi, qui Castelle, Toletu, Legioni, Gallecie, Cordube, Lusitanie et Murcie principatur.

²⁴ **Rod.Tol.VIII.18:** Verum rex Fernandus cum filiis suis Aldefonso et Fernando, qui tunc in flore adolescencie letabantur, Cordubam est reuersus, et in aduentu suo multa castra Sarracenorum, que Christianorum incursibus et intestinis cedibus longo tempore tabescebant, uolentes colere pacifice terras suas pactis interpositis se regis dominio tradiderunt.

²⁵ *Anales Toledanos* // *España Sagrada* / por E. Florez. Madrid, 1767. P. 363–364.

²⁶ *Crónica de España por Lucas, obispo de Túy*. Primera edición del texto romanceado conforme a un códice de la Academia preparada y prolongada / por J. Puyol. Madrid, 1926 (= *Luc.Tud. Rom.*).

²⁷ *Crónica de España por Lucas, obispo de Túy...* P. XVIII–XIX, 431–449.

Альфонсо X вступает в Кадис. Картина М. Морено. 1866 г.

конце XIV или даже в XV в.²⁸ Я, со своей стороны, склоняюсь к тому, чтобы уточнить эту датировку в пользу более позднего происхождения кодекса, полагая, что рассматриваемые главы были добавлены в кастильскую версию «Всемирной хроники» в самом конце XV или, скорее, в начале XVI в. Причины этого уточнения я изложу чуть ниже, при анализе рассказа о коронации Альфонсо X. Автор девяти добавленных глав был далек как от Севильи, так и от королевской канцелярии — материал для своего рассказа он черпал, по всей видимости, из утерянной ныне хроники Пелайо де Корраля, магистра ордена Сантьяго при Фернандо III²⁹, другой информацией не владел или практически не владел, что и обуславливает относительно низкую ценность этого источника. Так, он совершенно не упоминает кампанию Альфонсо X по завоеванию королевства Мурсии, мало — по сравнению с той же «Первой всеобщей хроникой» — рассказывает о его участии в севильской кампании. Единственный фрагмент этой хроники, интересный мне в рамках данной статьи, — это рассказ о провозглашении Альфонсо X королем после смерти его отца, когда «он принял скипетр королевства»³⁰.

Согласно последней главе хроники, сразу после того, как тело его отца, Фернандо III, было упокоено в севильском соборе Святой Девы Марии, Альфонсо X предъявил свои права на корону, а все присутствующие подтвердили,

²⁸ González J. Reinado y diplomas de Fernando III. Vol.1. Cordoba, 1983. P. 46–47; González Jiménez M. Fernando III el Santo. Sevilla, 2006. P. 21.

²⁹ González J. Op. cit. P. 46.

³⁰ Luc.Tud.Rom.IV.102: Mas la señora muy noble reyna doña Juana, su muger, y don Alfonso fijo del rey, que recibió el cetro del reyno despues de la muerte de su padre...

что они о них осведомлены, хотя он еще и не король. Затем, по окончании формальностей, связанных с похоронами, в той же соборной церкви Альфонсо X посадили на «королевского коня», провозгласили королем и, сменив траурные одежды на праздничные, провезли на этом коне по улицам Севильи. Во время публичной аккламации Альфонсо X называли «королем и правителем всего народа испанцев». Затем окружающие его люди, «подданные и повинующиеся», посадили Альфонсо на трон его отца, после чего он объявил собравшимся «прелатам, и рыцарям, и горожанам, и всем прочим», что будет блюсти добрые фуэро и привилегии, выданные предыдущими королями, не будет обременять подданных и просить от них того, «к чему они не привыкли»³¹.

В этом описании бросаются в глаза несколько деталей, которые и заставляют меня уточнить датировку анализируемого текста, предлагаемую другими исследователями. Прежде всего, я говорю о титуловании Альфонсо «правителем всего народа испанцев» (*príncipe de todo el pueblo de los españoles*). Понятие *príncipe* в королевской титулатуре начинает использоваться в Испании достаточно поздно, в правление Энрике II (1369–1379)³² и утверждается окончательно при его преемнике Хуане I (1379–1390)³³. Но в этот период еще совершенно не используется словосочетание «народ испанцев» (*pueblo de los españoles*), которое начинает постепенно появляться в языке лишь в первой половине XVI в., после объединения Кастильской и Арагонской корон в единое государство. Обращает на себя внимание и речь Альфонсо X, обращенная к «прелатам, рыцарям и горожанам», точнее даже не речь, а именно эта формулировка. Подобная формула впер-

³¹ **Luc.Tud.Rom.IV.103:** En la hera de mill e trezientos, despues que fue asentado el glorioso cuerpo del nuestro príncipe Fernando en la yglesia cathedral de Sancta Maria Virgen <...> su fijo don Alfonso, primogenito, en la yglesia de Santa Maria, dixo a los perlados y caualleros que estauan presentes: «Soy yo agora rey». Estonçe respondieronle los que ende estauan: «Sabemos çiertamente que de vuestro padre soys fijo primogenito para resçibir el gouierno del reyno». Y despues que acabaron los offiçios del enterramiento del rey Fernando, venieron todos en essa yglesia y dieronle el cauallo real y pussieron al señor Alfonso ante el altar de Santa Maria sobre él, llamando todos a vna voz el señor rey Alfonso, dexando las vestiduras llorosas y vestiendole vestiduras e paños reales de sirgo; despues traxeronlo por toda la çibdad de Seuilla con pregones y trompetas de alegria grande: «Ahe vuestro rey: dalde reverençia y honor y obedescedlo, porque este es el nuestro rey y príncipe de todo el pueblo de los españoles». Estonçes lo resçibieron por rey todos los pueblos y fueronle subditos y obedientes, y asentaronlo altamente en la silla del padre; y prometio a todos los de su reyno, tan bien a los perlados como a los caualleros e çibdadanos y a todos los otros de su reyno de traer buenos fueros y guardar los priuilegios y cartas y todas las otras cosas que auian ganado de los reyes antiguos, y de los non afrigir con algun enojo nin demandarles cosas non acostumbradas.

³² CLC, Toro, 1371, 12.

³³ CLC, Briuiasca, 1387, proem.

вые фиксируется в источниках лишь в правление Изабеллы I Кастильской (1474–1504), до того, как правило, король обращается к «прелатам, рыцарям и представителям (прокурадорам) городов» или к представителям отдельных консехо. Высказанные замечания и приводят меня к убеждению в том, что последние 9 глав кастильской версии «Всемирной хроники» Луки Туйского были дописаны лишь в конце XV — первой половине XVI в.

Наконец, «Первая всеобщая хроника Испании», завершенная при Санчо IV около 1289 г. и доведенная до смерти деда правившего монарха, Фернандо III Святого (1214–1252), также содержит относительно немногочисленную информацию об участии инфанта Альфонсо в политике королевства в 40-х гг. XIII в. Причины, по которым составители «Хроники...» при дворе Санчо IV не сочли возможным включить в свое повествование рассказ о правлении Альфонсо X, определить сложно. Они, безусловно, владели всем необходимым объемом информации, как документами, так и показаниями еще живых свидетелей недавних событий, но при этом почему-то промолчали. При этом примерно в это время в кругах знати, близких ко двору короля, писалась так называемая «История в диалогах до 1288 г.», а в королевских архивах уже хранились аналитические материалы по восстаниям знати в 1272–1274 гг. и инфанта Санчо — в 1281–1284 гг., легшие потом в основу соответствующих глав «Хроники Альфонсо X». Свежа была память и о так называемом «походе за императорской короной» Альфонсо Мудрого, и о его встрече в Бокере с Папой Григорием X, отразившейся даже в некоторых местных анналах Кастильского королевства. Краткое резюме правления Альфонсо X вошло, однако, только в состав галисийского перевода «Хроники...», созданного в период правления короля Фернандо IV (1295–1312)³⁴.

Классический же текст «Хроники...», помимо перечисления, вслед за Родриго де Радой, Альфонсо в числе детей Фернандо III³⁵, его свадьбы с Виолантой³⁶ и участия в осаде Кордовы³⁷, приводит ряд других фактов из биографии наследного инфанта, не упоминающихся ни в хронике толедского примаса, ни у Луки Туйского. Так, в «Хронике...» подробно описаны вылазка отряда кастильских рыцарей, во главе которых стояли инфант дон Альфонсо и Альвар Перес де Кастро по прозвищу «Кастилец», под стены Хереса, где им пришлось выдержать серьезное сражение с превосходящими силами

³⁴ См. текст данного синопсиса, приведенный в статье А. Иглесии Феррейроса: *Iglesia Ferreiró A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 33.

³⁵ PCG, cap. 1036, p. 720^a.

³⁶ PCG, cap. 798, p. 480^b.

³⁷ PCG, cap. 1048, p. 735–736.

мавров³⁸, посольство из Мурсии к Фернандо III с предложением сдать ему город, последующее покорение королевства Мурсии инфантом Альфонсо³⁹ и, отдельно, взятие им города Мулы⁴⁰. Помимо этого, ряд глав посвящен описанию участия Альфонсо в осаде Севильи, в том числе попытке покушения на него, организованной маврами. В качестве источника всех этих сведений Р. Менендес Пидаль указывал некое кастильское продолжение «Готской истории» Родриго де Рады, известное только благодаря «Мемории об исключительной святости и героических добродетелях короля дона Фернандо»⁴¹, составленной в начале XVII в. испанским иезуитом Хуаном де Пинедой с целью содействия канонизации Фернандо III⁴². На настоящий момент проверить эти данные не представляется возможным, поскольку из всех существующих переложений на кастильский язык «Готской истории» опубликовано лишь одно⁴³, и оно не содержит данной информации. Остальные же хранятся в виде рукописей в различных библиотеках Испании (прежде всего, в Национальной библиотеке, в Мадриде), и потому для изучения данного вопроса необходима длительная архивная работа.

Однако более всего привлекают внимание два других фрагмента из «Первой всеобщей хроники», где упоминается имя Мудрого короля. Один из них описывает встречу Фернандо III со своей матерью, королевой Беренгелой, происшедшую в местечке под названием Посуэло. Уточняя место встречи, хронист отмечает, что «сейчас это место называется Вилья Реаль, и построил там большой город по прошествии времени король дон Альфонсо...»⁴⁴. Интересен этот фрагмент тем, что позволяет с уверенностью датировать данную главу периодом после правления Альфонсо X — глагол в сочетании с его именем стоит в прошедшем времени, а упоминание того, что прошло

³⁸ PCG, cap. 1040–1044, p. 725–729; «Толедские анналы III» тоже описывают этот рейд, датируя его 1232 г., но утверждают, что в нем участвовал не сын Фернандо III, а его брат, инфант Альфонсо де Молина (см. Tol.III, a.1232).

³⁹ PCG, cap. 1060–1062, p. 741–743.

⁴⁰ PCG, cap. 1065, p. 744.

⁴¹ *Pineda Juan de S.I. Memorial de la excelente santidad y heroicas virtudes del señor rey Don Fernando, tercero deste nombre, primero de Castilla i de Leon. Eficaz motivo a la magestad catolica de Filipo III, nuestro Señor, para que afectuosamente mande solicitar con la Sede Apostolica la deuida i breue Canonizacion del Rey Santo, su XIII Progenitor. Sevilla, 1624.*

⁴² Op. cit. P. 128–142; о кастильских продолжениях «Готской истории» см. также: *Gómez Redondo F.* Op. cit. P. 168–170; *Catalan D.* El Toledano Romanzado y las Estorias del fecho de los godos del siglo XV // Estudios dedicados a J.H. Herriott. Madison, 1966. P. 9–102.

⁴³ *Cronica de España del arzobispo don Rodrigo Jiménez de Rada. Tradujóla en castellano y la continuo hasta su tiempo don Gonzalo de Hinojosa obispo de Burgos y después un anónimo hasta el año de 1454* // CODOIN. Vol.105–106. Madrid, 1897.

⁴⁴ PCG, cap. 1067, p. 745^a.

Альфонсо X диктует законы. Миниатюра из «Книги Изг», XIII в.

«некоторое время» (*depues a tienpo*), показывает, что на момент написания этих строк после основания города прошло уже достаточно много лет.

Второй момент, на котором я завершу рассмотрение «Первой всеобщей хроники» в рамках данной статьи, — это сцена оглашения королем Фернандо III своей последней воли. Перед смертью он подзывает к себе Альфонсо, благословляет его и поручает ему, как старшему сыну, заботиться о своих братьях, о своей матери и дяде — Альфонсо де Молине, а также обо всех магнатах и рыцарях королевства; применительно к последним король отдельно просит своего наследника хранить их «фуэро, и вольности, и свободы», обещая ему, в случае его правильного поведения, свое благословение, в противном же случае грозя проклятием⁴⁵. Завершая свое обращение к наследнику, король говорит, что оставляет ему «всю землю, которую мавры отняли у короля Родриго», частью завоеванную, частью — обложенную данью, и предусматривает три возможных варианта развития дальнейших

⁴⁵ PCG, cap. 1132, p. 772^b: ...Primeramente fizo açercar a si don Alfonso su fijo, et alço la mano contra el, et santiguolo et diol su bendiçion, et desi a todos los otros sus fijos. Et rogo a don Alfonso que llegase sus hermanos a sy, et los criase et los mantouiese bien, et los leuase adelante quanto podiese, et rogol por la reyna que la touiese por madre et que la onrrase et la mantouiese sienpre en su onrra commo a reyna conuiene, et rogol por su hermano don Alfonso de Molina, et por las otras hermanas que el auie, et por todos los ricos omnes de los sus regnos, et por los caualleros que los onrrasse et les feziese sienpre algo et merçed et se touiese bien con ellos et les guardse bien sus fueros et sus franquezas et sus libertades todas, a ellos et a todos sus pueblos. Et si todo esto quel el encomendaua et rogaua et mandaua compliese et lo feziese asi, que la su bendiçion complida ouiese; et si non, la su maldiçion; et fizol responder «amen».

событий: если Альфонсо удержит все это в своих руках и не потеряет ничего, то будет он столь же хорошим королем, как и его отец, если сумеет увеличить, будет лучше, если же утратит хоть что-либо — будет хуже его⁴⁶.

Рассматриваемая сцена интересна сразу по нескольким критериям⁴⁷. Во-первых, в тексте «Хроники...» она уникальна, там нет больше ни одного хоть сколько-нибудь схожего с ней сюжета. Традиционное описание смерти короля, если он умирал своей смертью, а не в бою и не в результате предательства, выстраивалось несколько по-другому: король перед смертью исповедовался, принимал последнее причастие, произносил несколько последних слов и, собственно, умирал. В нескольких случаях в «Хронике...» отдельно отмечалось, кому король передавал королевство (например, в описании смерти Альфонсо VII Императора тот завещает королевство Кастилии своему старшему сыну Санчо, а Леона — Фернандо), но ни разу не приводилось подробных обращений королей к своим наследникам. Единственным исключением из этого утверждения смотрится описание смерти Фернандо I Великого, который незадолго до кончины разделил свое королевство между тремя сыновьями. Но даже в том тексте смысловой центр тяжести приходится не на слова короля — они передаются косвенной речью, — а на ответ, даваемый ему старшим сыном, инфантом Санчо, будущим королем Санчо II⁴⁸. Здесь же, в рамках анализируемой сцены, инфант Альфонсо присутствует только в качестве адресата высказывания — он молча стоит и слушает последнюю волю своего

⁴⁶ PCG, cap. 1132, p. 772^b–773^a: „Et dixol mas: “Ssenhor te dexo de toda la tierra de la mar aca, que los moros del rey Rodrigo de Espanna ganado ouieron; et en tu sennorio finca toda: la una conquerida, la otra tributada. Sy la en este estado en que te la yo dexo la sopieres guardar, eres tan buen rey commo yo; et sy ganares por ti mas, eres meior que yo; et si desto menguas, non eres tan bueno commo yo.

⁴⁷ Любопытно, но, насколько мне известно, не существует не только специальных работ, рассматривающих эту речь Фернандо III, но и сколь-либо серьезных попыток ее анализа в контексте общих трудов, посвященных Альфонсо X. Дж. Келлер и Х. Сальвадор Мартинес акцентируют внимание только на последней реплике Фернандо III, касающейся объема передаваемого им сыну королевства, Дж. О'Кэллэкен и А. Бальестерос вовсе оставляют этот момент без внимания. Мне удалось найти лишь два прямых обращения к этому монологу монарха: в монографии М. Гонсалеса Хименеса, посвященной Фернандо III и в неоднократно приводившейся выше статье А. Иглесии. Мануэль Гонсалес отмечает, что в этой главе ясно выражена точка зрения сторонников Санчо IV на последние годы правления Альфонсо X. А. Иглесия высказывается в том же ключе, говоря, что «данный сюжет мог быть использован в равной мере, как для осуждения Альфонсо X, так и для оправдания восстания, поднятого инфантом Санчо». С известными оговорками я, как это видно из моего текста, присоединяюсь к мнению двух названных исследователей. См.: *Salvador Martínez H.* Op. cit. P. 13, 111; *Keller J.* Op. cit. P. 33; *González Jiménez M.* Fernando III el Santo. Barcelona, 2006. P. 261, infra 59; *Iglesia Ferreirós A.* Alfonso X, su labor legislativa... P. 24.

⁴⁸ PCG, cap. 813, p. 494^a.

родителя. Уникальность данного сюжета наводит на мысль о том, что он был введен в «Хронику...», во-первых, не случайно, а во-вторых, вовсе не для того, чтобы лишний раз рассказать, как события происходили на самом деле.

На это указывает и второй момент, выделяющий разбираемый сюжет из перечня других. Как уже говорилось, завершающие главы «Хроники...» писались уже после смерти Альфонсо X, в правление его сына, короля Санчо IV Храброго. Соответственно, авторам, вложившим эту речь в уста Фернандо Святого, были прекрасно известны события предшествующего правления, в том числе лишение королем наследственных владений своего брата, инфанта Энрике, и его последующее изгнание за пределы королевства, восстание, поднятое против Альфонсо X другим его братом — инфантом Фелипе, наконец, казнь еще одного сына Фернандо III — инфанта Фадрике, произведенная в 1277 г. по приказу короля. Также авторы этого монолога не могли не знать об обвинениях, выдвинутых инфантом Санчо против своего отца в 1281 г., когда он начал восстание против короля, приведшее, в итоге, Альфонсо X к низложению, а самого Санчо — на трон в 1284 г. Среди этих инвектив главное место занимало как раз обвинение в том, что Альфонсо Мудрый лишил магнатов, рыцарей и консехо многих городов их фуэро, не соблюдал их привилегии и вольности⁴⁹. Соответственно, составители «Хроники...», очевидно, одобрявшие действия Санчо IV в его конфликте с отцом, давали понять своему читателю, что Альфонсо X пал жертвой проклятия своего отца, Фернандо III, не исполнив, практически, ни одного из его заветов⁵⁰. Более того, по всей видимости, именно содержанием и тональностью данной главы «Хроники...» была, во-многом, обусловлена позиция Фернана Санчеса де Товар — канцлера короля Альфонсо XI и, одновременно, автора-составителя «Хроники Альфонсо X», задумывавшейся именно как продолжение «Первой всеобщей хроники». Если все это так, то можно, с

⁴⁹ Максимально кратко и одновременно исчерпывающе все эти обвинения были отображены в приговоре королю, зачитанном на кортесах в Вальядолиде в 1282 г. его братом, инфантом Мануэлем. Привожу текст, как он был сохранен во «Всеобщей хронике 1344 г.», составленной Педро, графом Барселос: «Por quanto el rey don Alfonso mato a don Fadrique su hermano e a don Ximon Ruyz señor de los Cameros e otros muchos fidalgos sin derecho como non deuia, pierda la justiçia. E por que deseredo los fidalgos de Castilla e los de Leon e los çibdadanos e los çonçejos, non lo resçiban en las villas nin en las fortalezas e sea deseredado dellas. E por que desaforo los fidalgos, que non cumplan sus cartas nin le respondan con los fueros. E por que despecho la tierra e fizo malas monedas, non le den pechos nin seruïçios nin monedas foreras nin las martiniegas nin otros derechos ningunos de la tierra aunque los demande». Cit.: *González Jiménez M. Sancho IV, infante // HID. 28. 2001. P. 69.*

⁵⁰ Ср. упоминавшийся выше синопсис правления Альфонсо X, вошедший в состав галисийского перевода «Хроники...». См. сноску 34.

известной долей уверенности, утверждать, что истоки отрицательного образа Мудрого короля, сложившегося в средневековой историографии, были заложены еще в начатой им же «Истории Испании».

* * *

Переходя ко второй группе источников, следует сделать несколько предварительных замечаний. В этой группе объединены несколько текстов, написанных в период с 80-х гг. XIII в. до конца 20-х гг. XIV в. и обладающих некоторыми общими чертами. Прежде всего, это касается их жанровых отличий — все собранные здесь тексты относятся к жанру местных анналов или хроник, причем достаточно значимы в данном случае оказываются обе характеристики. Жанр анналов сам по себе предполагает ведение достаточно кратких погодных записей, причем записи, как правило, делаются непосредственно *ad hoc*, по следам событий, а не потом, по результатам осмысления и переработки информации. Таким образом, информация, относящаяся к правлению Альфонсо X, фиксировалась в этих анналах непосредственно в этот период, а не после того. Некоторое исключение составляют хроники или *chronicones*, в которых запись событий иногда представляет собой краткий синопсис всего, относящегося к теме записи за последние несколько лет, как это видно, например, на материале «Хроникона Карденьи II». Вторая особенность всех собранных в эту группу текстов, как уже говорилось, в том, что все они имеют местный характер. Правление Альфонсо X отражалось в них лишь в той мере, в какой те или иные его действия или события затрагивали интересы авторов анналов или их покровителей — монастырь Святого Петра в Карденье, толедскую митрополию, консехо Авилы, монастырь Саагуна или сеньорию Пеньяфьеля. Это, с одной стороны, сужает круг описываемых событий, с другой же — дает возможность посмотреть на, казалось бы, уже известные факты с новой точки зрения, переоценивая их значение и важность.

Две хроники эпохи Альфонсо X, происходящие одна из Авилы, вторая — из Саагуна, содержат крайне мало информации о его правлении и учтены в этой статье скорее для порядка, нежели по необходимости. Как в «Хронике заселения Авилы», так и в «Анонимных хрониках Саагуна» изложение прерывается на начале правления Альфонсо Мудрого и уже потому они содержат лишь отдельные его эпизоды. «Хроника заселения Авилы» завершается описанием подготовки Альфонсо X к походу на Сорию, направленному против короля Арагона, имевшей место в 1255 г., «Анонимные

хроники Саагуна» — визитом короля в монастырь в том же году, завершившимся пожалованием Саагуну «Королевского фуэро»⁵¹.

Документ, известный под именем «Хроникон Карденьи I», представляет собой погодные записи, ведшиеся в монастыре Святого Петра в Карденье (Кастилия). Изложение в них начато двумя записями, посвященными рождению Христа и Его распятию, продолжено же уже сообщением о заселении Амаи, произведенном по приказу короля Ордоньо I в 856 г. Доведено изложение до 1327 г., запись под которым гласит об избрании в Бургосе нового епископа — дона Гарсии — и, одновременно, о завершении хроники⁵². На то, что хроника была закончена уже в XIV в., указывает и ряд других признаков, в частности, сделанная под 1275 г. запись о смерти инфанта Фернандо де ла Серда, в которой также содержатся сведения о местах захоронения Альфонсо X (умер в 1284 г.) и его супруги, королевы Виоланты, умершей в 1300 г. в Ронсевале, на обратном пути из паломничества в Рим⁵³. Тем не менее представляется очевидным, что в 1327 г. произошла лишь окончательная редакция текста хроники, тогда как основная информация в ней появлялась в порядке погодных записей. Как источник по истории правления Альфонсо X, «Хроникон Карденьи I» интересен весьма ограниченно, поскольку кругозор хрониста, очевидно, был ограничен в основном местными событиями, непосредственно касавшимися монастыря или его округи. С другой стороны, расположение монастыря в непосредственной близости от одного из наиболее важных центров королевства Кастилии — Бургоса — позволяло составителю хроники быть в курсе дел, происходивших в этом городе.

Именно по этой причине в тексте «Хроникона» оказался отражен ряд матримониальных торжеств, таких, как свадьба сестры Альфонсо X, принцессы Алианоры с Эдуардом, наследным принцем и будущим королем Англии (1254 г.), прибытие в Бургос норвежской принцессы Христины и ее последующая свадьба с инфантом Фелипе, братом Альфонсо X, ради этой свадьбы отказавшимся от церковной карьеры (1254 г.), и свадьба старшего сына Альфонсо X — Фернандо де ла Серда с французской принцессой Бланкой, дочерью короля Людовика IX Святого (1269 г.). Все эти свадьбы

⁵¹ См. разбор этого эпизода в упомянутой выше статье А. Иглесии Феррейроса: *Iglesia Ferreirós A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 19–20.

⁵² **Card.I:** Era de MCCCCLXV años fueron en la Iglesia de Santa Maria de Burgos fasta el obispo D. Garcia, que era obispo, quando este libro fue fecho, veinte y ocho obispos.

⁵³ **Card.I:** Era de MCCCXII años murió el Infant D. Fernando. Este Infant D. Fernando fue fijo del Rey D. Alfonso que yace en Sevilla, e de la Reyna Doña Violant, que yace en Rocas-Valles; e este oviera a reynar, mas fino ant que su padre, e fue casado con Doña Blanca fija del Rey de Francia, e yace en las Huelgas de Burgos.

происходили в Бургосе, и вполне очевидно, что в монастыре Святого Петра в Карденье, бывшем заметным церковным центром в той округе, были прекрасно осведомлены о них. Помимо свадеб в «Хрониконе» предсказуемо фиксировались сведения о проходивших в Бургосе или в его округе похоронах знатных особ. Так, благодаря тому, что один из крупнейших магнатов королевства дон Нуньо де Лара был похоронен в доминиканском монастыре в Бургосе, в анналах сохранилась запись о его гибели в битве при Эсихе, происшедшей в 1275 г. Под одним годом с этой новостью записаны сведения о гибели в битве с маврами при Мартосе архиепископа Толедо, сына арагонского короля Хайме I дона Санчо. Уже упоминавшаяся выше весть о смерти инфанта Фернандо де ла Серда также попала в «Хроникон» именно потому, что инфант был похоронен в бургосском монастыре Святой Марии де лас Уэльгас.

Наконец, кроме новостей о свадьбах и похоронах, «Хроникон» сохранил известия о каких-либо чрезвычайных событиях, касавшихся короля и королевства. К таковым, в данном случае, относятся приезд к Альфонсо X послов из Священной Римской империи, привезших ему предложение стать их императором⁵⁴, и обрушение в Сеговии королевского дворца в тот момент, когда там находился король со своим двором, имевшее место в 1258 г. Представляется весьма интересным, что ни в одной из редакций текста «Хроникона» не нашлось места для упоминания о пожаловании Бургосу «Королевского фуэро», которое произошло, согласно сохранившемуся документу, 27 июня 1256 г.⁵⁵ Возможно, это следует объяснить тем, что пожалование «Королевского фуэро» не затрагивало напрямую интересы монастыря, который, хотя и располагался вблизи Бургоса, все же обладал отдельной от него юрисдикцией, и потому нормы «Королевского фуэро» на него не распространялись.

Так называемый «Хроникон Карденьи II», составление которого также было завершено в период малолетства Альфонсо XI, представляет собой собрание кратких аннотаций правлений всех королей Кастилии и Леона, начиная с Альфонсо II Целомудренного и заканчивая Фернандо IV, который умер в 1312 г. Правлению Альфонсо X в «Хрониконе» отведено больше места, чем любому другому королю, что заставляет предположить, что текст в

⁵⁴ **Card.I:** Era de MCCXCV, entraron los alemaños en Burgos, para dar el Emperazgo al rey D. Alfonso fijo del rey D. Fernando en el mes de junio.

⁵⁵ **МНЕ**, I, doc.45. P. 97–100; различные версии объяснения того, почему в «Хрониконе» отсутствует эта информация, см. в классической статье А. Иглесии Феррейроса, посвященной отражению законодательной деятельности Альфонсо X в трудах историков различных эпох: *Iglesia Ferreirós* A. Alfonso X, su labor legislativa... P. 17–20.

Королевская печать Альфонсо X

основном записывался в первые годы правления Санчо IV, а уже окончание было приписано позже.

Альфонсо характеризуется в этой хронике как «прекрасный и весьма разумный король», отмечаются его военные успехи, в частности, покорение королевства Мурсии, в бытность еще инфантом, участие в осаде Севильи, взятие Ньеблы и Хереса, а также и других замков по границе с маврами. Политическое значение Альфонсо подчеркивается рассказом о том, что он посвятил в рыцари целый ряд будущих монархов, среди которых были английский король Эдуард I (1272–1307), португальский Диниш (1279–1325), «король Германии» Рудольф (1273–1291)⁵⁶ и даже император Константинополя Филипп (Филипп I Тарентский, правивший Латинской империей как Филипп II (1313–1322). Хорошая слава кастильского правителя была столь велика, подчеркивает «Хроникон», что электоры Германии избрали его императором, ради чего он поехал на встречу с Папой в Бокер, во время которой умер наследный инфант Фернандо де ла Серда, оставшийся в Кастилии. Императором Альфонсо все же не стал, по причине козней, чинимых ему Церковью. Наконец, последние годы правления Альфонсо описываются в «Хрониконе» со словами сожаления о том, что король поддавался советам «дурных людей», заставившим его поссориться со своим народом, и жители королевства были вынуждены обратиться за помощью и поддержкой к наследному инфанту Санчо. Подобного рода за-

⁵⁶ То есть Рудольф I Габсбург, избранный императором Священной Римской империи вместо Альфонсо X.

блуждение короля длилось два с половиной года, а когда все прошло и весь народ вместе с Санчо пришел «вернуться в милость короля», Бог пожелал призвать того к себе⁵⁷.

Последний пассаж описанного текста с еще большей убедительностью свидетельствует в пользу того, что «Хроникон» или, по крайней мере, его часть, посвященная Альфонсо X, была написана в самом начале правления его сына, Санчо IV. С одной стороны, очевидно, что восстание инфанта Санчо против своего отца описано здесь одним из его сторонников. Санчо не восстает, в собственном смысле этого слова, а лишь «поддерживает в королевстве фуэро и право», пока его отец, поддавшись дурным советам, не делает этого. С другой стороны, и Альфонсо X описывается в тексте с положительной стороны, в отличие от галисийского перевода «Первой всеобщей хроники» или анонимных анналов правления Альфонсо X, — автор возлагает вину за происшедшее не на короля, а на неких «дурных людей», дававших королю советы, следуя которым, он оказался вынужден рассориться со своим народом и отказать им в милости вершить право и правосудие. Более того, король, в итоге, оставляет это свое заблуждение, и весь народ во главе с инфантом собирается вернуться под его руку и в его милость, но не успевает сделать этого. За рамками изложения остается вопрос о том, кем были эти «дурные люди», но можно предположить, что речь шла о легистах и советниках Альфонсо X, разрабатывавших и пытавшихся внедрить вместе с ним проект нового права королевства — «Королевское фуэро», «Зерцало» и «Семь Партид»; в таком случае, правда, непонятно, почему эти события относятся хронистом к самым последним годам правления Альфонсо Мудрого. Вторая возможная трактовка образа «дурных людей» состоит в том, что

⁵⁷ **Card.II:** Era de MCCCXII años de la era del emperador Cesar, era de MCCLXXXIV años, que Jesu Cristo vino en Santa Maria, murió el muy noble rey D. Alfonso, fijo del santo rey D. Ferrando, e della reyna Doña Beatriz, martes antes de Pascua, IV dias andados de abril. Este fue el deceno rey de este su nome, que ovo en Castiella, e en Leon, e fue muy bueno, e muy sesudo, e seyendo infant ganó el reyno de Murcia; e fue con el rey D. Fernando su padre en ganar Sevilla; e despues que fue rey, ganó el reyno de Niebla, e Xerez, e otros castiellos muchos en la frontera. E fizo caballero al rey de Inglaterra D. Adovar, e despues el rey D. Dionis de Portugal, e despues a D. Felipe emperador de Constantinopla, e a Rodolfo rey de Alemaña, e muchos omes onrados, que vos non podremos aqui contar. E por bondat que este rey ovo en si, esleyeronle los de Alemaña por emperador, e fue a vistas a Belcayenre con el Papa, e seyendo alla, vinol que era finado so fijo don Ferrando. O oviera a ser emperador si non por fuerza quel fizo la Iglesia. De si por consejo de omes malos, quel consejaron cosas, porque ovo de desavenir de con sos gentes, e los de la tierra pidieron merced al infant D. Sancho, so fijo, que los mantoviese a fuero, e a derecho fasta que combrasen merced del rey so padre: e esto duró dos años e medio. E quando infant D. Sancho e todos los de la tierra venien con el a la su merced, quisol Dios levar para si. E este rey D. Alfonso regnó XXXII años, e asi fue toda su vida LXII años e medio.

под ними имелись в виду политические противники Санчо, отстаивавшие права на трон малолетнего Альфонсо де ла Серда, сына наследного инфанта Фернандо де ла Серда, умершего в 1275 г. Впрочем, следует отметить, что и та и другая версия, безусловно, имеют лишь предварительный характер.

Практически теми же словами, что и в «Хрониконе Карденьи II», описывается правление Альфонсо X еще в одной краткой хронике, составленной в период малолетства Альфонсо XI. Речь идет о неопубликованном «Собрании хроник царей Ветхого Завета, язычников, консулов и римских императоров, королей готов и королевств Кастилии, Арагона, Наварры и Португалии»⁵⁸, рукопись которого, датируемая 20-ми гг. XIV в., хранится в Национальной библиотеке Испании, в Мадриде. Портрет Альфонсо X размещен там на одной странице с портретом его сына, Санчо IV. Подпись под изображением Мудрого короля, как уже было сказано, почти дословно совпадает с синопсисом, сохранившимся в тексте «Хроникона Карденьи II», что наводит на мысли о знакомстве автора краткой хроники с текстом «Хроникона». Есть, однако, в тексте и некоторые разночтения, на которых стоит ненадолго остановиться. Так, в тексте этой хроники упоминается, что Альфонсо X был женат на донье Виоланте, дочери Хайме I Арагонского. Сам король характеризуется как «очень хороший, и весьма образованный, и очень удачливый в бою, так, что еще будучи инфантом, он захватил королевство Мурсии». Среди знатных мужей, посвященных в рыцари Альфонсо X, упоминаются те же, что и в «Хрониконе...», кроме Абенмарона, короля Ньеблы. В отличие от «Хроникона Карденьи», в данной хронике не говорится ничего про последние годы правления Альфонсо X — рассказ о нем останавливается на том, что он стал бы императором, если бы не козни, чинимые ему Церковью. После строчки, содержащей дату его смерти, другой рукой, почерком начала XVI в., сделана приписка: «Он составил Семь Партид законов»⁵⁹.

⁵⁸ Biblioteca Nacional de Madrid, ms.7415 [Compendio de crónicas de reyes del Antiguo Testamento, gentiles, cónsules y emperadores romanos, reyes godos y de los reinos de Castilla, Aragón, Navarra y Portugal].

⁵⁹ BNE, ms.7415, fol.37v: Era de mill & CC & XC anos regno el muy noble rrey don Alfonso fijo del muy santo rrey don Fernando. Este rrey don Alfonso el XIIº (sic!) rrey que por este nombre fueron llamados en Castilla & en Leon. E caso con donna Violante fija del rrey don Jaymes de Aragon. E fue muy buen rrey, & muy letrado, & muy auenturado en armas & seyendo infante gano el rregno de Murçia & despues fue con el rrey don Fernando su padre en ganar a Seuilla. E despues que fue rrey gano a Niebla & a Xeres & a otros logares muchos. E fizo cauallero a don Dionis rrey de Portogal & a don Doart rrey de Inglaterra & a don Felipo rrey de Costantinopla, & a Redulfo rrey de Allemania & Abenmaron rrey de Niebla & a otros muchos honbres honrrados. E por la bondat & por nobleza que auia ensi, los de Alemania eligieronlo por emperador, & fueralo, sinon por fuerça quele fizo la yglesia. E fino en Seuilla martes IIIº dias de abril era de mill CCCXXII annos // hizo las siete partidas de leyes.

Небольшие, но все же имеющиеся различия между «Хроником Карденьи II» и «Собранием хроник...», по-моему, следует объяснять разными целями написания этих текстов. «Собрание...» представляет собой 176 небольших рассказов о царях древности, римских правителях и всех испанских королях, где каждый рассказ иллюстрируется отдельной миниатюрой, изображающей того или иного короля. При этом, стоит отметить особо, что качество миниатюр сильно уступает традиционным иллюминированным сводам, создававшимся в этот период. Здесь они напоминают скорее любительские рисунки, нежели точную работу профессионала. Подобную подборку, по-моему, могли составить только при дворе, в качестве своеобразного учебника истории в картинках, предназначавшегося для маленьких инфантов. Этим объясняются и простые, короткие предложения, и относительная простота миниатюр. Если принять мою версию за основу, то можно предположить, что автор «Собрания...» совершенно осознанно не стал писать в нем о восстании инфанта Санчо против своего отца и о лишении последнего трона. В данном случае ему было гораздо нужнее показать непрерывную цепочку правителей, обосновать легитимность присутствия на троне малолетнего Альфонсо XI, нежели выяснять, кто был прав в той войне отца и сына.

«Толедские анналы III»⁶⁰ представляют собой наиболее запутанный документ из всех трех анналов, формирующих серию (то есть «Толедских анналов I и II»). Как следует из замечаний их первого издателя — эрудита Э. Флореса, рукопись этих анналов состоит из достаточно большого количества фрагментов (Флорес выделяет 10), каждый из которых написан своей рукой. Таким образом, мы, по всей видимости, имеем дело с продолжающимися погодными записями, которые дополняли самые разные люди, имевшие доступ к ним. Этим объясняются, по всей видимости, и накладки с хронологией, и наличие пропусков в изложении событий, и разный язык анналов — то старокастильский, то латынь. Плохой сохранностью рукописи следует объяснить наличие лакун в самом тексте анналов: не все фразы и даже не все слова сохранились в целости. Наиболее подробно, хотя и достаточно путано в «Толедских анналах III» излагаются события 1270–1280-х гг., из чего можно сделать вывод, что, по большей части, редактировались они в первые годы правления Санчо IV, после чего к ним была сделана приписка (рука № 10, в классификации Флореса), рассказывающая о смерти инфанта

⁶⁰ Как было указано выше, я пользуюсь изданием «Толедских анналов», вошедшим в состав серии *España sagrada*, издававшейся Энрике Флоресом. Мне известно о существовании нового издания этого памятника, осуществленного в 1967 г. Антонио Флориано (*Anales toledanos III // Cuadernos de historia de España*. 43–44 (1967). P. 154–87), но у меня к нему, к сожалению, нет доступа.

Энрике, брата Альфонсо X, имевшей место в 1303 г., и о двух событиях 1390 и 1391 гг., не имеющих уже отношения к предмету данной статьи. Как источник по истории правления Альфонсо Мудрого, «Толедские анналы III» имеют достаточно высокую ценность, поскольку содержат в себе ряд важных упоминаний о событиях 1275–1284 гг.

Упомянув о рождении инфанта Альфонсо в 1221 г., «Толедские анналы III» возвращаются к нему уже только в 1275 г., сообщая о смерти инфанта Фернандо де ла Серда, гибели ряда магнатов в битве при Эсихе и, одновременно, о поездке Альфонсо X на встречу с Папой Григорием X по поводу избрания его императором Священной Римской империи⁶¹. Затем анналы последовательно освещают события следующих нескольких лет, среди которых следует упомянуть оммаж, принесенный магнатами королевства инфанту Санчо, ставшему основным наследником после смерти Фернандо де ла Серда⁶², казнь инфанта Фадрике и магната Симона Руиса Камероса, осуществленная по приказу Альфонсо X⁶³, и отъезд в Арагон жены Мудрого короля, королевы Виоланты с ее внуками, детьми инфанта Фернандо, а также последовавшее заключение этих детей в тюрьму в Арагоне⁶⁴. Из событий начала 80-х гг. XIII в. «Анналы» рассказывают о двух походах кастильских войск под Гранаду, героем которых оба раза был инфант Санчо⁶⁵, и о мятеже названного инфанта

⁶¹ **Tol.III**, a.1275: Anno Domini MCCLXXV, VIII Kalendis Agusti, obiit Dominus Fernandus, filius regis Castellae, illustris Domini Alfonsi filius. Et in eadem era obiit Dominus Nunio... ..Ecija Sabato VII nonas Septembris; & obiit cum eo Gaufridus de Loaysa, nepos Domini Gaufridi, qui erat alcaide Decija, & Alfonsus Gaufridi, filius Domini Gaufridi de [Loaysa]. Et in isto eodem anno fuit rex Alfonsus Castellae... ..ad videndum Papam Gregorium X & [lo] cutus est cum eo de facto Imperii, & de aliis...

⁶² **Tol.III**, a.1276: Anno Domini MCCLXXVI. Magnates regni Castellae, & Legionis, & Galiciae adque Lusitaniae fecerunt omagium Domino Sanctio filio illustris regis Alfonsi Castellae, & fratris Domini Fernandi; & eodem anno mortuus est Jacobus rex.

⁶³ **Tol.III**, a.1277: Anno Domini MCCLXXVII. Nobilis rex Alfonsus mediante justitia occidit Dominum Fredicum, & Dominum Simonem Roderici de los Cameros.

⁶⁴ **Tol.III**, a.1278: Anno Domini MCCLXXVIII. Domina Yoles regina Castellae et uxor Domini Alfonsi ...dem regis recesit cum nepotibus suis filiis Domini Fernandi in Aragoniam in mense Jenuarii: & eodem anno Dominus Petrus frater reginae, Rex Aragonum... ..sorori, & posuit eos in sua custodia.

⁶⁵ **Tol.III**, a.1280: Era de MCCCXVIII annos entró D. Sancho en la Vega de Granada, y Don Gonzalvo Roiz Giron Maestre duclés, e otros muchos caballeros seglares y freires: ovieron facienda con los moros, y duró todel dia fata que los partió la noche, y el maestre salio ferido, y murio dessas feridas, y el dia murieron hi muchos hombres buenos...

Tol.III, a.1281: [Anno Domini] MCCLXXXI entró el rey D. Alfonso en la Vega de Granada, y Don Sancho su fijo y heredero, y Don Pedro, y Don Juan sus fijos: y Don Sancho, y Don Pedro ouieron facienda con los moros el otro dia de Sant Juan, asi que por el esfuerzo de Don Sancho fueron vencidos los moros, y ante las puertas de Granada murieron tantos, que eran sin cuenta.

против своего отца. Из событий мятежа упоминаются низложение Альфонсо X в 1281 г.⁶⁶, разрушение силами Санчо города Талаверы и его округа за то, что те поддерживали его отца⁶⁷, и, наконец, смерть короля Альфонсо X⁶⁸.

«Толедским анналам III» вторят в некоторых моментах так называемые «Анналы инфанта Хуана Мануэля»⁶⁹, начинающие свое изложение с отъезда Альфонсо X в Империю в 1274 г.⁷⁰ и завершающие его 1329 г. Этот источник также упоминает гибель на войне с маврами графа Нуньо де Лара и митрополита Толедского дона Санчо, сына арагонского короля Хайме I⁷¹, отмечает приговор, вынесенный против Альфонсо X на кортесах в Вальядолиде, датируя его апрелем 1282 г.⁷², и, наконец, фиксирует смерть Альфонсо Мудрого, случившуюся в Севилье в апреле 1284 г.⁷³ От каких бы то ни было оценочных суждений автор данных анналов воздерживается, ограничиваясь лишь фиксацией фактов, однако, как это обычно бывает, даже из подбора им фактов для отображения в своих анналах можно сделать некоторые выводы о его политических пристрастиях. Вполне очевидно, что составитель этой краткой хроники принадлежал к сторонникам инфанта Санчо и последовательно поддерживал его в конфликте с Альфонсо X. На это указывают как косвенные (именно инфант Мануэль зачитывал «приговор», вынесенный Альфонсо X на Вальядолидской ассамблее), так и прямые признаки. Так, рассказывая о событиях 1282 г., хронист, помимо решения о низложении Альфонсо Мудрого, отмечает свадьбу Санчо с Марией де Молина и, говоря об этом бракосочетании, называет Санчо королем, хотя и с прибавлением — «будучи еще инфантом»⁷⁴. Конечно, подобная оговорка

⁶⁶ **Tol.III**, a.1281: Anno Domini MCCLXXXI. Los ricos hombres de Castiella... .. e los concejos privaron alrey D. Alfonso, fijo del rey D. Fernando, que gano Sevilla.

⁶⁷ **Tol.III**, a.1283: Era de MCCCXXI annos, anno Domini MCCLXXX[III] obiit Dominus Petrus, filius nobilissimi regis Alfonsi, & frater Domini Fernandi. Et eodem anno el arabal de Talavera fuit destructus, eo quod tenebant, & favebant partem regis Alfonsi, & fuit ille locus destructus...

⁶⁸ **Tol.III**, a.1284: Erra de MCCCXXII, anno Domini MCCLXXXIII, pridie nonas april, obiit nobilissimus rex Alfonsus, Ispali, & pater Domini Fernandi & praedicti Petri.

⁶⁹ А. Иглесия Феррейрос утверждает, что эти анналы ошибочно приписываются перу Хуана Мануэля, и я присоединяюсь к нему в этом утверждении. См.: *Iglesia Ferreirós A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 17.

⁷⁰ **Anales JM**, a.1274.

⁷¹ **Anales JM**, a.1275.

⁷² **Anales JM**, a.1282: Era MCCCXX fuit lata sententia contra regem Alfonsum in Valleleti, in mense Aprilis.

⁷³ **Anales JM**, 1284.

⁷⁴ **Anales JM**, 1282: Proxima praecedenti era contraxit rex Dominus Sancius adhuc infans, cum regina Maria Toleti, in mense Julii.

хрониста может свидетельствовать и о том, что данная новость записывалась им в анналы уже в правление Санчо IV, чем и вызвано его королевское титулование. Но даже это не объясняет еще одной особенности языка рассматриваемой хроники — говоря о Санчо IV, ее составитель всегда использует формулу «король дон Санчо» (*rex Dominus Sancius*), тогда как, упоминая Альфонсо X, он достаточно вольно обходится без обязательного титула «дон», называя монарха просто «король Альфонсо».

Автор «Толедских анналов III», напротив, хотя и восхищался Санчо как бравым рыцарем и прекрасным воителем (что подтверждается записями о походах под Гранаду 1280 и 1281 гг., отличающимися по стилю от остальных), а также признавал в нем наследного инфанта, все же симпатизировал Альфонсо X в том, что касалось конфликта, развернувшегося в 1282–1284 гг. между отцом и сыном. На это указывает, во-первых, то, что об Альфонсо X «Толедские анналы» всегда отзываются с максимальным почтением — его имя крайне редко употребляется в этом тексте без эпитета «знатный» (*noble*) или «знатнейший» (*nobilissimus*), в то время как Санчо не удостоивается никаких эпитетов; во-вторых, записывая новость о смерти Мудрого короля, хронист называет среди его детей инфантов Фернандо де ла Серда и Педро, но не Санчо. Наконец, в-третьих, автор анналов явно держит сторону короля в его конфликте с феодальной знатью королевства — передавая новость о казни инфанта дона Фадрике и магната Симона Руиса, он особо подчеркивает, что казнь эта состоялась по результатам судебного процесса и вынесения приговора (*mediante justitia*). Для сравнения достаточно отметить, что в целом ряде других источников, авторы которых, очевидно, более симпатизировали магнатам, нежели королю, утверждается либо то, что «король услышал что-то» и на основании этого приказал убить своего брата⁷⁵, либо и вовсе прямо противоположное рассматриваемым анналам. Так, около века спустя после описываемых событий Педро Лопес де Айала в своей «Хронике Энрике II» вкладывает в уста магнатов следующее обвинение: «Король дон Альфонсо, который был избран императором Германии, и был сыном короля дона Фернандо, завоевавшего Севилью и Андалусию, и отцом короля дона Санчо, убил в замке Бургоса инфанта дона Фадрике, своего родного брата, и великого магната дона Симона де лос Камерос, и были они умерщвлены скрытно, без объявления королем причины, по которой он их убил...»⁷⁶

В этом месте представляется логичным перейти к рассмотрению источников, включенных мной в начале статьи в третью группу. Два памятника,

⁷⁵ См., напр.: CRC, cap. CCXIX, 23; CAX, cap. 68.

⁷⁶ Cronica de Enrique II, cap. 5.

разобранные ниже, были созданы в период с конца 70-х гг. XIII в. и до первых десятилетий XIV столетия, разными людьми и с различными намерениями. Однако, как уже говорилось выше, есть несколько моментов, объединяющих их и позволяющих рассматривать вместе, как тексты одного порядка. Прежде всего, Альфонсо Мудрый является если не главным героем всех повествований, то, безусловно, одним из главных; в тех главах хроник, где речь идет о его правлении, именно его поступки, решения и высказывания становятся основным предметом для рассмотрения. Применительно к правлению Альфонсо Мудрого анализируемые тексты ясно демонстрируют наступление качественно нового этапа в его осмыслении и интерпретации: из современности, или очень недавнего прошлого оно становится историей, понемножку обрастая всеми необходимыми для средневековой «истории» атрибутами — легендами, домыслами и риторическими отступлениями.

Самым ранним из рассматриваемых источников, безусловно, является краткая биография Альфонсо X, составленная наставником инфанта Санчо, выдающимся францисканским теологом Хуаном Хилем де Самора. Создание ее датируется приблизительно 1278 г., то есть тем же временем, когда было закончено главное произведение Хилья де Самора — трактат «О восхвалении Испании»⁷⁷. Францисканец был не просто современником Альфонсо X, но его верным подданным и близким другом, знавшим монарха много лет⁷⁸ и часто работавшим с ним вместе. В годы восстания, поднятого его воспитанником, он, по всей видимости, поддерживал законного короля, однако это не мешало ему находиться в близких отношениях и с мятежным инфантом. Биографии деда и отца инфанта Санчо — королей Фернандо III и Альфонсо X — Хиль де Самора писал, очевидно, и с воспитательными целями, и, одновременно, отдавая дань своим дружеским чувствам к этим монархам. Все сказанное выше заставляет с особым вниманием относиться к образу Альфонсо Мудрого, сформированному наставником его сына и наследника.

Обращаясь к юношеским годам Альфонсо X, Хиль де Самора отмечает ряд его характеристик, среди которых следует выделить усердие в учебе, остроту ума, хорошую память, а также щедрость, «порой походившую на

⁷⁷ Fita F. Biografías... P. 308; Castro y Castro M. de. P. LXXXII.

⁷⁸ О биографии Хуана Хилья де Самора см. прекрасный очерк, составленный издателем его «О восхвалении Испании» М. де Кастро: Castro y Castro M. de. ed. Fray Juan Gil de Zamora O. F. M. De preconii Hispanie. Madrid, 1955. P. XXXV–CXXVII; современное состояние исследований творчества Хилья де Самора см. в статье: Ferrero Hernández C. Nuevas perspectivas sobre Juan Gil de Zamora // Studia Zamorensia. IX. 2010. P. 19–33. Для отечественного читателя и исследователя фигура наставника Санчо IV остается практически неизвестной, ее освещение представляется мне делом ближайших нескольких лет.

Надгробие Альфонсо X в королевской капелле Севильского собора

вид расточительства»⁷⁹. Эти его добродетели снискали ему такую славу к моменту восхождения на трон, что люди, стекавшиеся под его руку со всех краев, видели в нем «убежище от врагов, совет, разрешающий сомнения, утешение в безутешности, сокровище от нищеты...»⁸⁰. Сквозь фимиам этих риторических построений удастся увидеть некоторые черты Альфонсо X, на которые будут впоследствии обращать внимание все авторы, будь они дружественны Мудрому королю или, напротив, настроены к нему отрицательно. Прежде всего, речь идет о щедрости Альфонсо X, столь впечатлявшей современников, что она даже вошла в легенды, как это будет показано ниже. Вторая черта кастильского монарха, которую тоже отмечали практически все авторы последующих хроник, — это его образованность и тяга к распространению знаний среди своих подданных. Именно в связи с этим Хиль де Самора сообщает о том, что Альфонсо X приказал перевести на

⁷⁹ **Bio.16:** Infantilibus vero ac puerilibus annis in deliciis, ut moris est Regum filiis, evolutis, cepit infantulus jam in adolescencia constitutus esse acer ingenio, pervigil studio, memoria luculentus; quoad exteriora vero, discretus eloquentia, procerus elegantia, modestus in risu, honestus in visu, planus in incessu, sobrius in convictu. Adeo nihilominus extitit liberalis, quod ipsius liberalitas prodigalitatis speciem induibat.

⁸⁰ **Bio.21:** Ad ipsum quoque de universis fere mundi partibus confluebant Comites, Marchiones, Principes et Barones, milites et burgenses, propter ipsius fame fragrantiam universaliter respirantem, habentes [ad] ipsum contra inimicos refugium, contra dubia consilium, contra desolationem solatium, contra penuriam et pauperiem thesaurum munificum, communicatum liberaliter, non signatum.

кастильский все книги, необходимые для преподавания в университетах, включая своды права, Библию и святоотеческие тексты, а также сам, упоминаясь царю Давиду, писал гимны, прославляющие Деву Марию⁸¹.

Интересно отметить, что, создавая подобный панегирик Альфонсо Мудрому, его биограф ни разу не упомянул ни про масштабные правовые проекты короля, будь то «Королевское фуэро», «Зерцало» или Партиды, ни про его исторические труды. В более поздних текстах, посвященных Альфонсо X, этот сюжет претерпел уже некоторые перемены. Так, например, «Хроника Альфонсо X» указывает, что кастильский король приказал перевести на разговорный язык «все документы», а также книги Библии, книги различных искусств и астрологии, а помимо этого повелел создать «Фуэро законов» (то есть «Королевское фуэро») и книги Партид, дабы дать их своему королевству в качестве законов⁸².

Помимо описания характера Альфонсо X и его мероприятий по переводу книг с латыни на старокастильский, Хуан Хиль де Самора останавливается на нескольких политических инициативах короля. Прежде всего, речь идет о поддержке, оказанной юным наследным инфантом португальскому королю Саншу II Благочестивому (1223–1247), когда тот был смещен с престола своим братом, будущим королем Афонсу III (1248–1279)⁸³. Упоминает францисканец и участие Альфонсо X в осаде и взятии Севильи его отцом, королем Фернандо III. Из событий, имевших место непосредственно в правление Альфонсо Мудрого, в его биографии отразились его

⁸¹ **Bio.21:** Adeo quoque animum suum transtulit ad investigandas et perscrutandas mundanas scientias et divinas, quod omnes fore scripturas triviales et quadrivales, canonicas et civiles, scripturas, quoque theologicas seu divinas transferri fecit in linguam maternam; ita et omnes possent evidentissime intueri et intelligere quoquomodo illa, que sub lingue latine phaleris et figura tecta et secreta, etiam ipsis sapientibus, videbantur. More quoque Davitico etiam, [ad] preconium Virginis gloriose multas et perpulchras composuit cantinelas, sonis convenientibus et proportionibus musicis modulatas.

⁸² **СAX**, cap. 9: ...Este rey don Alfonso por saber todas las escripturas, fizolas tornar de latín en romance. Et desto mandó fazer el Fuero de las Leyes, en que asomó muy breuemente muchas leyes de los derechos. E dio por ley e por fuero a la çibdat de Burgos e a otras çibdades e villas del reyno de Castilla, ca en el reyno de León avía el Fuero Judgo que los godos ovieron fecho en Toledo. Et otrosy en las villas de las Estremaduras avian otros fueros apartados. Et porque por estos fueros non se podían librar todos los pleytos, e el rey don Ferrando su padre avia començado a fazer los libros de las Partidas, este rey don Alfonso su fijo fizolas acabar et mandó que todos los omnes de los sus reynos los oviesen por ley et por fuero, et los alcaldes que judgasen por ellos los pleitos. Et otrosy mandó tornar en romance todas las escripturas de la Bribia e todo el Eclesiástico e el arte de las naturas, e de la estrología.

Подробный разбор этой главы «Хроники Альфонсо X» см. в статьях Акилино Иглесиас, прежде всего: *Iglesia Ferreirós A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 41 ss.

⁸³ Bio.18.

ссора с братьями — инфантами Энрике и Фадрике, которых Альфонсо X, «не без причины, как говорят», изгнал из королевства⁸⁴, обрушение дворца в Сеговии⁸⁵ и, разумеется, избрание Альфонсо Мудрого королем римлян, осуществленное частью электоров Священной Римской империи⁸⁶. Помимо этого, Хиль де Самора коротко упоминает о победе кастильского короля над маврами в 1266 г. и более уже к Альфонсо X не возвращается, посвящая остаток своего произведения рассказу о делах, происходивших в те годы в иных странах (в частности, он описывает смерть короля Франции Людовика IX Святого в его последнем крестовом походе).

Критерии, по которым наставник будущего Санчо IV отбирал события для биографии его отца, в целом, понятны. Как уже говорилось выше, основной целью для него было воспитание наследного инфанта, для чего был написан трактат «О восхвалении Испании», а биографии Фернандо и Альфонсо, по сути дела, служили иллюстрациями к трактату. Это особенно видно при сопоставлении описания идеальных королевских добродетелей, выведенных в трактате, с портретами двух ведущих пиренейских монархов XIII столетия⁸⁷. Соответственно, и события из жизни монарха Хилем де Самора отбирались такие, которые могли бы либо проявить одну или несколько из этих добродетелей — как, например, ученость Альфонсо X и его тяга к просвещению, — либо показать Божью заботу о своем помазаннике. Как очевидный пример последнего францисканский теолог приводит казус с обрушением дворца в Сеговии, когда «многие иные погибли и покалечились, он же (Альфонсо) остался цел и невредим». Этой же цели служит и приведенный в той же главке биографии рассказ о покушении на

⁸⁴ **Bio.22:** Adeo vero circa regni sui principia, et etiam post, fuit prefatus Aldefonsus a sui regni comparticibus infestatus, quod ipsum etiam oportuit causa pacis duos germanos suos a regni finibus propulsare, non tamen sine causa rationabili et nota, sicut fertur.

⁸⁵ **Bio.23:** Aldefonsum etiam prefatum Dominus altissimus et eternus a multis periculis liberavit. Nam semel, cum esset apud Secobiam cum suis secretariis secreta consilia sua tractans, solarium corruit cum eisdem; et aliis dirutis et destructis, evasit ipse incolumis et illesus.

⁸⁶ **Bio.24:** Alexandri vero quarti temporibus, cum vacaret Imperium per mortem Friderici et Corradi filii sui, et duorum qui ad Imperium sub contradictione fuerant electi, scilicet Landegravii Turingie ac Comitis Holandie, qui antequam ad imperialem benedictionem pervenisent vite terminum exegerunt, Romani quidem Imperii Electores, die prefixa convenientes ad eligendum, in eligendo inventi sunt non unanimes sed discordes. Sanior namque pars et melior Aldefonsum inclitum regem Legionis, Castelle ac Vandalie in Regem Romanorum et semper Augustum electione canonica preelegit. Alia vero pars in Richardum Comitem Cornubie germanum Regis Anglie concordavit. Super quo negotio longo tempore fuit in Curia decertatum.

⁸⁷ Подобное сопоставление интересно само по себе и вполне заслуживает стать предметом отдельной статьи. Здесь я опускаю его из соображений объема и целостности текста.

короля, предпринятом кем-то неизвестным под Сеговией, когда Альфонсо X пытались застрелить из лука⁸⁸, но стрелы «божественной волей» отклонились от цели. Этого рассказа, кстати, нет больше ни в одном источнике, содержащем информацию о Мудром короле. Вместе с тем Хуан Хиль, по всей видимости, сознательно не стал включать в биографию Альфонсо те ее эпизоды, которые могли быть истолкованы неоднозначно с теологической или просто с моральной точки зрения.

Следующий источник редактировался, по всей видимости, в начале правления Санчо IV, в кругах знати, близких ко двору, но непосредственно не входивших в него. Он дошел до нас лишь в рукописях XVI и XVII вв., но его язык и подборка событий, включенных в него, позволяют с известной уверенностью утверждать, что он был создан в 1287–1295 гг. Речь идет об анонимных анналах правления Альфонсо X, опубликованных в 1995 г. Мануэлем Гонсалесом Хименесом в «Вестнике королевской академии истории». С точки зрения жанровой специфики этот источник, скорее, тяготеет к памятникам, включенным мной во вторую группу, поскольку тоже, как и прочие анналы, выполнен в форме погодных записей. Однако в отличие от всех приведенных выше местных анналов эти посвящены конкретному человеку и описывают события, происшедшие с ним во время его правления. Это сближает рассматриваемый текст с представителями жанра так называемых «королевских хроник», то есть хроник, выстроенных вокруг рассказа о правлении того или иного короля⁸⁹.

Текст «Анналов...» разбит на 20 глав, пронумерованных хронистом от 1 до 19 (глава 6 повторена дважды). Эти 20 глав, в свою очередь, довольно четко делятся на две части, различающиеся стилем, особенностями языка и содержанием. Первая часть, включающая в себя главы с 1-й по 17-ю, была составлена около 1287 г. и немного отредактирована в начале правления Альфонсо XI, тогда как вторая, охватывающая две последние главы текста, писалась позже, в конце правления Педро I или в начале Энрике II Треста-

⁸⁸ **Bio.23:** Apud Secobiam similiter cum in sero de civitate tres in ipsum sagittas emisissent ut ipsum vita et regno privarent, sagitte in partem aliam voluntate deifica declinarunt, et in quodam lignum loco superpositum impegerunt, Regis interitum declinantes. A quibus vero vel a quo sagitte fuerunt misse, et cujus seu quorum consilio, varie decantatur; et sanius iudicio subticere quam super facto tam enormi aliquid sorsptitare.

⁸⁹ Подробнее о становлении в кастильской историографии «королевских хроник» и об их жанровых особенностях см.: Gómez Redondo F. De la crónica general a la real. Transformaciones ideológicas en «Crónica de tres reyes» // La historia alfonsí: el modelo y sus destinos (siglos XIII–XV). Seminario organizado por la Casa de Velázquez (30.01.1995). Estudios reunidos e introducidos por Georges Martin. Madrid, 2000. P. 95–124; *Id.* La construcción del modelo de la crónica real // Alfonso el Sabio y las Crónicas de España / al cuidado de Ines Fernández Ordoñez. Valladolid, 2000. P. 133–158.

мара⁹⁰. На это указывает, помимо разного почерка писцов, и совершенно иное содержание, принципиально отличное от первых 17 глав: завершающие главы «Анналов...» посвящены подробному изложению легенды о богульстве Альфонсо X, о небесном суде, собравшемся по этому поводу у престола Бога, и о приговоре, вынесенном Всевышним кастильскому суверену. Анализ данной легенды, ее происхождения, генезиса и бытования в историографической традиции, как представляется, имеет смысл только в контексте иных источников, совпадающих с ней по времени создания, и потому будет вынесен в следующую статью, в которой будет рассматриваться образ Альфонсо X в исторических сочинениях Пиренейского полуострова середины XIV—XVI в.

В качестве места создания «Анналов...» М. Гонсалес Хименес определяет Бургос, а точнее, находящийся неподалеку от него монастырь Святого Доминика Силосского⁹¹. На это указывают рассказ о чудесном сне Альфонсо X и его воплощении, сохраненный в первых трех главах «Анналов...», а также рассказ о случившемся в монастыре чуде с могилой святого Доминика, непосредственно предпосланный краткому сообщению о смерти Альфонсо X в главе 15-й. Собственно, эти главы, по замечанию М. Гонсалеса Хименеса, представляют собой краткое переложение соответствующих разделов «Чудес святого Доминика Силосского», изложенных на кастильском языке — труда, составленного монахом этого монастыря Педро Марином в последней четверти XIII в.⁹²

Содержание «Анналов...» (повторю, за исключением двух последних глав) создает четкое впечатление, что они были составлены лишь для того, чтобы написать в них главы с 12-й по 14-ю. В самом деле, в первых трех главах, а также в первой части 15-й главы автор отдает должное своему монастырю, рассказывая о чудесах, происходивших в его стенах и связанных с именем Альфонсо X. Главы начиная с 4-й представляют собой традиционно краткое, привычное для традиции средневековой анналистики, изложение событий 1256—1281 гг. В них отмечаются рождение детей Альфонсо и Виоланты с перечислением дат их рождения⁹³, брак наследного инфанта Фернандо де ла Серда с французской принцессой Бланкой⁹⁴, поездка Альфонсо X в Бокер на встречу с Папой и заставшая короля за границей смерть

⁹⁰ См. об этом: *González Jiménez M. Unos anales...* P. 469, 473—474.

⁹¹ *Ibid.* P. 471.

⁹² *Ibid.* P. 471—472; *Los Milagros Romanzados de Santo Domingo de Silos de Pero Marín* / ed. por M. González Jiménez y L.A. Molina Molina. Murcia, 2009.

⁹³ *Anales*.4.

⁹⁴ *Anales*.6.

его старшего сына, а также гибель королевского фаворита Нуньо де Лара и архиепископа Толедо дон Санчо от рук мавров⁹⁵, казнь инфанта Фадрике и магната Симона Руиса де Камероса⁹⁶, разгром войск и флота Альфонсо X под Альхесирасом⁹⁷ и смерть матери Альфонсо Мудрого, королевы Беренгелы⁹⁸. При этом составитель анналов допускает неточности, а то и прямые ошибки в хронологии, путается в родственных связях действующих лиц (так, он неточно перечисляет детей короля, делает Бланку Французскую дочерью Филиппа III, тогда как она была его сестрой, и т.д.).

Все меняется, когда автор анналов приступает к описанию розни, возникшей между инфантом Санчо и его отцом, и последовавшего между ними вооруженного конфликта: с этого момента и вплоть до рассказа о смерти Альфонсо Мудрого он перестает путаться в именах и датах, изложение приобретает развернутый, пространный характер. Автор совершенно определенно занимает в конфликте монарха и его сына-наследника позицию последнего. Согласно его версии, когда король отправился в 1281 г. в Севилью, чтобы похоронить там свою мать, королеву Беренгелу, он оставил Санчо управлять Кастилией вместо себя, чтобы все магнаты, инфансоны, рыцари и консехо относились бы к нему так же, как к своему королю. Санчо, объезжая королевство, нашел его в полном беспорядке и разорении и пожелал узнать их причину. В ответ на его вопрос он услышал многочисленные жалобы и прошения людей, уверявших его, что его отец, король Альфонсо Мудрый, разорил свою страну бесконечными поборами и лишил города и рыцарство их привычных фуэро. Завершались же эти жалобы общими просьбами к инфанту взять их под защиту от беззаконий короля⁹⁹. Приняв эти жалобы и прошения близко к сердцу, инфант созвал своих единомышленников, среди которых перечисляются его дядя, инфант Мануэль, братья Педро, Хуан и Хайме, магнаты Лопе Диас и Диего Диас де Аро и ряд епископов, в том числе Хуан Альфонсо, епископ Пален-

⁹⁵ Anales.6.

⁹⁶ Anales.9.

⁹⁷ Anales.10.

⁹⁸ Anales.11.

⁹⁹ **Anales.12:** ...Dexo [el rey] al ynfante don Sancho en toda Castilla que catassen los ricos homes e ynfançones e cavalleros e todos los conçeijos, que fizieren por él así como por él mismo. E el ynfante don Sancho, andando por las villas e por la tierra, fallóla toda despojada, e demandó por que hera aquello. E los pueblos dábanle voces e pidíanle merçed que los oyese. E mostraronle que heran todos despoblados e despachados e que cada dia se hericarien mas los pecheros por los muchos pechos que les hechava el rey don Alfonso su padre, e que los desaforaba e que los despassava muchas cosas. <...> E pidieronle por merçed todos en cada villa que el pesasse e que les ayudasse e que quisiesse contraer los pueblos por que no se perdiessse la tierra...

Урна с сердцем Альфонсо X в соборе Мурсии

сии и фрай Фернандо, прелат Бургоса, и, с их согласия, объявил о созыве кортесов в Вальядолиде.

По результатам прошедшей ассамблеи Санчо послал к своему отцу с просьбой уменьшить подати, дабы не опустошать страны. Альфонсо X в ответ призвал к себе на помощь сеньора Марокко Абен-Юсафа, прося его обуздать восставшего инфанта. Тот, в свою очередь, собрал вторые кортесы, на которых потребовал от собравшихся помощи в войне против отца. Затем, как замечает автор анналов, началась война, в которой Альфонсо X вместе с армией мавров воевал с доном Санчо и войском христиан¹⁰⁰. Автор упоминает, что войска собирались у Кордовы, однако подробно о боях под этим городом не говорит, в отличие, скажем, от составителей «Истории в диалогах». Война отца и сына закончилась смертью Альфонсо X, последовавшей в апреле 1284 г. Приведя сообщение о смерти короля и о начале правления его сына, хронист снова теряет все свое красноречие, возвращается к краткому, лапидарному стилю повествования и доводит свой рассказ до 1286 г. Затем, уже в правление Альфонсо XI, в конце 17-й главы анналов была сделана приписка о гибели под Гранадой двух инфантов — Хуана и Педро, случившейся в 1319 г.

¹⁰⁰ **Anales.13:** El ynfante don Sancho, avido su acuerdo, enbióelo mostrar al rey su padre e pedirle merçed que no despechasse atanto los pueblos que se ermaria toda la tierra. E el rey don Alfonso no le tovo en nada e enbiólo amostrar Avenyuçaf, señor de Marruecos, como se levantava contra el su fijo e toda Castilla e que le acorriese, e que le embiase ayuda... <...> E guerreaba el rey don Alfonso de Sevilla con poder de los moros al ynfante don Sancho, su fijo, e él con poder de los christianos a su padre, asi que se juntó gran gente de christianos de la una parte e de la otra...

Желая доказать правоту Санчо в случившемся конфликте, автор анналов вынужден был где-то давать информацию не полностью, а где-то и вовсе идти на прямую подмену фактов. Так, он не мог не знать, что епископы Бургоса и Паленсии хотя и присутствовали на ассамблее в Вальядолиде, но никоим образом ее не поддерживали; напротив, этим двум прелатам принадлежало письмо протеста, в котором они отказались принимать участие в антикоролевском собрании и, более того, упрекали собравшихся аббатов в создании эрмандад с мирянами, что противоречило их статусу, как духовных лиц¹⁰¹. Не мог хронист не знать и того, что Санчо вообще не имел права собирать подобных ассамблей, поскольку право созыва кортесов всегда было зарезервировано только за королем. Наконец, согласно анналам, на первых кортесах в Вальядолиде было принято лишь обращение к королю с просьбой уменьшить подати и обременения, дабы не опустошать свое королевство. Однако, как прекрасно известно из других источников (и наверняка было известно составителю анналов), на этой ассамблее было принято решение о низложении Альфонсо X¹⁰², на что Санчо также не имел никакого права. Наконец, умалчивает автор и о роли Папского престола в развернувшемся конфликте, в частности, об интердикте, наложенном Мартином IV на Санчо за восстание против отца. Опустив же все эти детали, хронист создал образ инфанта-защитника королевства и короля, не просто опустошающего свое королевство чрезмерными поборами, но еще и наводящего на него мавров.

* * *

К моменту создания Фернаном Санчесом де Товар официальной королевской «Хроники Альфонсо X» образ Мудрого короля уже вполне сформировался в исторических сочинениях, имевших хождение в Кастильском королевстве. Значительная часть этих текстов, разумеется, концентрировалась не на личных качествах Альфонсо, а на событиях его правления, из которых наиболее значимыми признавались его поход за имперской короной 1274–1275 гг. и последовавшая за ним катастрофа. Практически все разобранные памятники так или иначе отводят какое-то место этим

¹⁰¹ O'Callaghan J.F. El Rey Sabio... P. 92, 311.

¹⁰² Tol.III, a.1281: Anno Domini MCCLXXXI. Los ricos hombres de Castiella... e los concejos privaron al ... rey D. Alfonso, fijo del rey D. Fernando, que gano Sevilla.

Anales JM, 1282: Era MCCCXX fuit lata sententia contra regem Alfonsum in Valleoleti, in mense Aprilis.

событиям — смерть в битве при Эсике одного из могущественнейших магнатов королевства и фаворита Альфонсо X, графа Нуньо де Лара, последовавшая за ним с разрывом в несколько дней, гибель от рук мавров архиепископа Толедо Санчо и кончина наследного инфанта Фернандо де ла Серда, сраженного болезнью и умершего в Вильяреале, практически обезглавили королевство. В отсутствие короля, находившегося в Бокере, командование над собирающимся войском принял еще совсем молодой инфант Санчо, в одночасье превратившийся из обычного инфанта в наследного. Ему, как известно, удалось, в общем, сдержать натиск берберов-маринидов и дожидаться возвращения короля, практически сразу подписавшего двухлетнее перемирие. Можно с известной долей уверенности предположить, что именно успешная кампания 1275–1276 гг. в сочетании со смертью старшего брата и отсутствием отца вскружили голову юному инфанту и заставили его мечтать о короне.

Второй блок событий, отразившийся в подавляющем большинстве нарративных источников конца XIII — начала XIV в., — это, собственно, восстание инфанта Санчо. Поскольку практически все разбираемые тексты либо создавались в первые годы правления Санчо IV, либо подвергались тогда редакции, почти все они транслируют именно его точку зрения на конфликт Альфонсо X со своим сыном и наследником, в соответствии с которой наследный инфант выступал не мятежником, но защитником королевства от неправомерных претензий своего отца. Редкое исключение представляют собой «Толедские анналы III» и «Хроникон Карденьи II», авторы которых, как представляется, в целом поддерживали сторону Альфонсо X и не приветствовали нового короля. На фоне сказанного представляется странным практически полное молчание источников о восстании знати, имевшем место в 1272–1274 гг. Отдельные упоминания о нем всплывают при чтении «Анонимных анналов», но, пожалуй, и все. Этот сюжет начнет появляться несколько позже, в пространных хрониках конца XIII — первой половины XIV в. (в частности, в «Истории в диалогах»), но выйдет на первый план только в «Хронике Альфонсо X», где его разбору будет отдано больше половины всего объема хроники.

Еще одна «зона умолчания», хорошо заметная при анализе историографических текстов этой эпохи, — это законодательная деятельность Альфонсо X. За исключением одного короткого упоминания в «Анонимных хрониках Саагуна» мы не встретим ни слова ни о создании и распространении «Королевского фуэро», ни о «Зерцале», ни, тем более, о «Семи Партидах». Единственный момент, имеющий к этому отдаленное отношение, — это рассказ Хуана Хиля де Самора о проекте Альфонсо X по пе-

реводу на разговорный язык (*lingua materna*) большого объема различных текстов, в том числе всех книг канонического и гражданского права. Все же остальные памятники не дают ни одного упоминания переводческой, историографической или правотворческой деятельности короля. Весьма показательным в этом плане видится полное молчание на этот счет такого памятника «историографии знати», каким была «История в диалогах до 1288 года». Должна была появиться на свет «Хроника Альфонсо X», чтобы об этой стороне его деятельности понемногу начали писать в исторических сочинениях.

Несмотря на краткие и немногочисленные упоминания в источниках личных качеств Альфонсо X, можно все же утверждать, что к началу правления Альфонсо XI в историографии сложился обобщенный образ его прадеда. Он предстает читателю человеком весьма начитанным, любящим и умеющим учиться и учить, опытным в военном деле. Еще одна важная характеристика монарха, введенная в оборот Хуаном Хилем де Самора и закрепившаяся впоследствии в более поздних текстах, — это его щедрость. Именно это качество Альфонсо X станет впоследствии базой для складывания первой из знаменитых легенд об этом монархе — легенды о его щедрости. Параллельно источниками создается устойчивое представление о Мудром короле как о человеке, имевшем серьезные проблемы с Церковью; хотя Папа и дарует ему временное право на сбор десятины в своем королевстве, все же именно «насилие со стороны Церкви» мешает Альфонсо X стать императором Священной Римской империи. Впрочем, касаясь проблемных отношений с клириками, ни один из источников, разобранных в этой статье, не подвергает сомнению богобоязненность короля и, ответно, любовь к нему Бога. Изменение этого представления и складывание второй легенды об Альфонсо X — легенды о его богохульстве станет еще одной из серьезнейших инноваций историографической традиции последующего периода. Наконец, в традиции, восходящей к «Первой всеобщей хронике Испании», косвенно и непрямым образом создается образ Альфонсо X как человека жестокого по отношению к своим близким, неверного и не уважающего правовых обычаев старины.

Все оговоренные и некоторые оставшиеся неназванными моменты будут развиты в историографии последующего периода, когда на смену анналам и кратким хроникам придут полномасштабные историописания Позднего Средневековья.

REFERENCES

1. Alfonso X el Sabio y las Crónicas de España / ed. por I. Fernández-Ordóñez. Valladolid, 2000.
2. Ballesteros Beretta A. Alfonso el Sabio. Barcelona, 1984.
3. Castro y Castro M. de. ed. Fray Juan Gil de Zamora, O. F. M., De preconiis Hispanie. Madrid, 1955. P. XXXV–CXXVII.
4. Catalán D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí: códigos, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo. Madrid, 1997.
5. Catalán D. El taller historiográfico alfonsí: métodos y problemas en el trabajo compilatorio // Romanía, 84 (1963). P. 354–375.
6. Catalan D. El Toledano Romanzado y las Estorias del fecho de los godos del siglo XV// Estudios dedicados a J.H. Herriott. Madison, 1966. P. 9–102.
7. Catalán D. La Estoria de España de Alfonso X: creación y evolución, Madrid, 1992.
8. Fernández-Ordóñez I. La historiografía alfonsí y post-alfonsí en sus textos. Nuevo panorama // Cahiers de Linguistique Hispanique Médiévale, 18–19, 1993–1994. P. 101–132.
9. Ferrero Hernández C. Nuevas perspectivas sobre Juan Gil de Zamora // Studia Zamorensia. IX. 2010. P. 19–33.
10. Fita F. Biografías de San Fernando y de Alfonso el Sabio por Gil de Zamora // BRAH. 5. 1884. P. 308–328.
11. Funes L. Una versión nobiliaria de la historia reciente en la Castilla post-alfonsí: la *Historia hasta 1288 Dialogada // Revista de Literatura Medieval. XV/2 (2003). P. 71–83.
12. Gómez Redondo F. De la crónica general a la real. Transformaciones ideológicas en «Crónica de tres reyes» // La historia alfonsí: el modelo y sus destinos (siglos XIII–XV). Seminario organizado por la Casa de Velázquez (30.01.1995). Estudios reunidos e introducidos por Georges Martin. Madrid, 2000. P. 95–124.
13. Gómez Redondo F. Historia de la prosa medieval castellana. Vol.1. La creación del discurso prosístico: el entramado cortesano. Madrid, 1998. P. 853–1092.
14. Gómez Redondo F. La construcción del modelo de la crónica real // Alfonso el Sabio y las Crónicas de España / al cuidado de Ines Fernández Ordoñez. Valladolid, 2000. P. 133–158.

15. *González Jiménez M.* Alfonso X el Sabio. Barcelona, 2004.
16. *González Jiménez M.* Fernando III el Santo. Barcelona, 2006.
17. *González Jiménez M.* Sancho IV, infante // *HID.* 28, 2001.
18. *González Jiménez M.* Unos anales del reinado de Alfonso X // *BRAH.* 192 (1995). P. 461–491.
19. *González J.* Reinado y diplomas de Fernando III. Vol.1. Cordoba, 1983. P. 46–47; *González Jiménez M.* Fernando III el Santo. Sevilla, 2006.
20. *Iglesia Ferreirós A.* Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores // *HID.* N 9 (1982). P. 9–104.
21. *Keller J.E.* Alfonso X, El Sabio. New York, 1967.
22. *O'Callaghan J.F.* Alfonso X and the Cantigas de Santa Maria. A Poetic Biography. Leiden: Brill, 1998.
23. *O'Callaghan J.F.* El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla / trad. esp. por M. González Jiménez. Sevilla, 1999.
24. *Pineda Juan de. S.I.* Memorial de la excelente santidad y heroycas virtudes del señor rey Don Fernando, tercero deste nombre, primero de Castilla i de Leon. Eficaz motivo a la magestad catolica de Filipo III, nuestro Señor, para que afectuosamente mande solicitar con la Sede Apostolica la deuida i breue Canonizacion del Rey Santo, su XIII Progenitor. Sevilla, 1624.
25. *Salvador Martínez H.* Alfonso X, el Sabio. Una biografia. Madrid, 2003.

Ключевые слова:

Альфонсо X, историография, Кастилия, «Первая всеобщая хроника», анналы

Alexander V. Marey

ALFONSO X IN REFLECTION OF MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY: THE END OF THE 13th — BEGINNING OF THE 14th C.

his article analyzes various information about the personality and the reign of Alfonso X the Wise, contained in the historical writing heritage of Castilian tradition from the late 13th to early 14th c. As exemplified in a number of the annals and brief chronicles, including unpublished ones, the article demonstrates the process of forming the main features of the image of Alfonso X, reflected later in the «Chronicle of Alfonso X» and subsequent historical work. The King is portrayed as an educated, knowledgeable and experienced ruler and warrior. However, it also emphasizes his generosity, which sometimes came to wastefulness. The study focuses on his problems in relations with the Church and with the traditions going back to the «First General Chronicle». The article refers to his disrespect for the customs and legal practices of the Castilian nobility, as well as his authoritarian and brutal nature.

 Марей Александр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

М.К. Караулова

ОТ «ПОЭМЫ О ФЕРНАНЕ ГОНСАЛЕСЕ» К «ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ХРОНИКЕ»: ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ГРАФА ФЕРНАНА ГОНСАЛЕСА В XIII в.¹

Имя графа Фернана Гонсалеса, правившего в Кастилии в X в., в испанской литературной и исторической традиции неразрывно связано с идеей борьбы за освобождение от владычества королей Леона и становления независимой Кастилии — сначала как самостоятельного графства, а затем — и королевства. Как прославленный герой Реконкисты, Фернан Гонсалес уступает в известности только Сиду Кампеадору. Его подвиги вдохновляли поэтов и писателей в течение многих веков: от безвестных бродячих певцов эпохи Средневековья до великого Лопе де Веги. Однако образ кастильского графа и его история в течение этого времени не оставались неизменными — они переосмыслились, видоизменялись и представляли всякий раз в несколько ином свете, чем это было в предшествующую эпоху и у предшествующего автора.

Эпохой, когда легенда о Фернате Гонсалесе получила наиболее полное и разностороннее содержание и обрела письменную форму, стал XIII в., так как именно к этому времени относится создание двух больших произведений на разговорном старокастильском языке, в которых описываются

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (проект № 13-01-00135 «Научный комментированный перевод “Первой всеобщей хроники”»).

Кроме того, легенда о Фернанде Гонсалесе, не только как о великом воине, не жалеющем своей жизни в войне с маврами, но также как о правителе, добившемся почета, богатства и независимости для своей родной Кастилии, также приобрела в XIII в. особое значение в силу того, что Кастилия под управлением Фернандо III стала важнейшей частью могущественного королевства и центром объединения отвоеванных земель. Более того, короли Кастилии в этот период претендовали на господство не только на территории Испании, но и в Европе, о чем говорит упорная борьба короля Альфонсо X за трон Священной Римской империи. В этом историческом контексте прославление национального героя Кастилии, стоявшего у истоков ее могущества, должно было стать важной идеологической задачей.

Испанская историография не испытывает недостатка в исследованиях, посвященных анализу «Поэмы о Фернанде Гонсалесе» и «Первой всеобщей хроники» и их сопоставлению друг с другом. Между тем в них, на удивление, не удается найти ответ на вопрос: почему же все-таки именно «Поэма о Фернанде Гонсалесе» послужила источником для описания истории кастильского графа в хронике, созданной Альфонсо X? Чтобы ответить на этот вопрос, следует установить, что же конкретно привносила поэма в образ Фернана, какие еще варианты репрезентации его истории знала испанская хроникальная традиция и каким он в итоге предстал в конце XIII в. в официальной версии истории Испании, на страницах королевской хроники.

Истоки образа Фернана Гонсалеса, как эпического героя, нужно искать в устной традиции, которая сохранилась лишь в сильно деформированном виде, оказав влияние на авторские сочинения более поздней эпохи. Даже «Поэма о Фернанде Гонсалесе» (далее — Поэма) до наших дней сохранилась в составе единственной рукописи XV в., хранящейся в Библиотеке Эскориала (Escor. Ms.b.IV.21), и этот текст содержит большие лакуны вплоть до того, что в нем отсутствует финальная часть Поэмы. Кроме того, в 1960 г. была найдена каменная плита, содержащая отдельные стихи Поэмы; происхождение этого источника неясно.

Автором Поэмы, согласно наиболее распространенной версии, высказанной еще М. Менендесом-и-Пелайо и впоследствии поддержанной Р. Менендесом Пидалем, являлся монах монастыря Святого Петра в Арлансе, который, по легенде, был основан именно Фернаном Гонсалесом, а затем стал местом его погребения². Существуют, однако, и другие гипотезы, приписывающие авторство представителю знатного кастильского семейства Лара

² На самом деле был основан до Фернана Гонсалеса. Подробнее см.: *Martínez Díez G. El Condado de Castilla, 711–1038: La Historia Frente a la Leyenda. Madrid, 2005.*

Уррака Фернандес, дочь графа Фернана Гонсалеса.
Миниатюра из Альбельдского кодекса. X в.

или другого клана, который мог иметь тесные контакты с монастырем, однако был человеком светским³.

Дату создания поэтического текста также сложно установить с точностью. Опираясь на текст самой Поэмы, а также ее возможные связи с литературными и историческими сочинениями, исследователи называют разные датировки: от XII до XIV в. Однако мы берем за основу одну из наиболее известных гипотез, что Хроника была создана не позднее, чем «Первая всеобщая хроника», источником для которой она послужила, то есть до 1289 г., а скорее даже к более раннему периоду.

«Поэму о Фернате Гонсалесе» принято относить к жанру ученой поэзии (*mester de clerecía*), авторами которой были образованные люди, чаще всего духовного звания, в отличие от поэзии и песен, сочиняемых и исполняемых бродячими поэтами и певцами (*mester de juglaría*). О принадлежности к ученой поэзии говорит литературная форма Поэмы: она написана александрийским стихом, объединенным в четверостишия с единой консо-

³ Montoya Ramírez M. I. Religiosidad y realidad histórica en el poema de Fernán González / Literatura y cristiandad: homenaje al profesor Jesús Montoya Martínez. Granada, 2001. P. 519.

нантной рифмой — *cuaderna vía*. При этом сюжет Поэмы — героические подвиги графа Кастилии, его войны с маврами и противостояние христианским королям — более типичен для народной поэзии (*mester de juglaría*) и считается очевидным, что именно песнями и легендами о Фернанде Гонсалесе пользовался при работе над Поэмой ее автор, перерабатывая их сюжет согласно своему замыслу.

Однако помимо знакомства с народным эпосом, воспевающим национального героя Кастилии, автор Поэмы располагал также обширными познаниями в области Священного Писания и литературы, как латиноязычной, так и написанной на национальном языке. Среди источников, которые он использовал для написания длинного пролога, посвященного правлению последних королей вестготов, мусульманскому завоеванию и первым королям Астурии, были сочинения Исидора Севильского и Луки Туйского, а на стилистику и описание некоторых эпизодов Поэмы оказали влияние «Книга об Александре» («*Liber de Alexandre*») и сочинения ученого поэта Гонсало де Берсео.

Вполне возможно, что автор мог иметь доступ и к документам, созданным при жизни графа и сохранившимся в монастыре, однако они вряд ли могли бы его по-настоящему заинтересовать. Несмотря на всю эрудированность и возможность использовать самые разные источники сведений о жизни кастильского графа, автор Поэмы предпочитает максимально следовать сложившейся эпической традиции воспевания Фернана Гонсалеса, народным преданиям о нем, переосмысляя ее в традициях агиографического сочинения. В данном контексте историческая достоверность описываемых событий беспокоила ученого автора не более, чем сочинявших песни о кастильском герое хугларов.

Разумеется, в описываемых в Поэме событиях можно увидеть отголоски сражений с маврами, успехов и неудач, через которые действительно прошел Фернанд Гонсалес. Однако гораздо более близким к истории оказывается пролог Поэмы, посвященный прошлому Испании до начала деяний Фернана Гонсалеса и основанный на хрониках и исторических сочинениях. Автор Поэмы стремится вписать деяния графа Кастилии в эту уходящую вглубь веков историю, подчеркнуть преемственность и причастность: ведь графу приходится бороться с тем злом, которое навлекли на себя последние короли вестготов, не сумевшие воспрепятствовать завоеванию Испании. Однако в том, что касается описания деяний Фернана Гонсалеса, автор стремится записать скорее не то, как это могло быть на самом деле, а то, как это должно было быть. Как и любое другое средневековое эпическое произведение, Поэма следует скорее законам жанра и особенностям истори-

Санчо I Толстый. Изображение XIII в.

ческой памяти народа, чем исторической действительности, тем более что между описываемыми в ней событиями и временем ее создания прошло по меньшей мере три столетия.

В силу этого в Поэме неизбежно встречаются многочисленные неточности, вплоть до существенных расхождений в хронологии. Так, например, в Поэме Фернан Гонсалес сражается с маврами под предводительством Альмансора, хотя тот жил несколько позже и его военные кампании и успехи на самом деле приходились на время правления в Кастилии сына Фернана Гонсалеса, Гарсии Фернандеса⁴. Однако в народной памяти именно Альмансор олицетворял собой главного врага христианских земель и потому именно он, по закону оппозиционного принципа построения мифа, должен был противостоять главному герою. Точно так же, следуя законам эпической поэмы и сохранившимся в памяти народа событиям, Фернану Гонсалесу в Поэме противостоит король Санчо I (958–966; с перерывами), а не его отец, Рамиро II (931–951), на годы правления которого пришлись основные деяния графа. Однако король Санчо, прозванный Толстым и, видимо, не пользовавшийся особой любовью в народе, гораздо больше походил на роль политического противника для эпического героя. Эпос приписывает Фернану Гонсалесу не только деяния, совершенные на самом деле его отцом (взятие крепости Карасо, основание монастыря Сан-Педро-де-Арланса), но также подвиги других

⁴ Ср. годы правления графа Фернана Гонсалеса (931–970) и военных походов Альмансора (наст. имя Мухаммад ибн Абу Амир), хаджиба Кордовского халифата в 978–991 гг.

известных исторических личностей, живших в период между правлением графа и созданием Поэмы⁵.

Основанная на народных песнях и преданиях о подвигах доблестного кастильского графа, Поэма неизбежно перенимает ту концепцию представления о Фернате Гонсалесе, которая сложилась в устной традиции. Кастильский граф предстает в ней традиционным эпическим героем, благородным, доблестным, мятежным. Он отважно сражается с врагами, будь то мавры или христианские короли, дерзнувшие напасть на его земли, его мятежная натура приводит его к ссоре с королем Леона, его сеньором, а хитрость помогает ему добиться независимости Кастилии без лишнего кровопролития.

Начальный период жизни Фернана Гонсалеса также искажается и приобретает причудливые очертания под воздействием народного эпоса. Так, например, в Поэме уделяется большое внимание генеалогии Фернана Гонсалеса, который происходит из рода Нуньо Расуры, одного из первых судий, избранных в Кастилии в середине IX в. Тем самым Поэма наделяет графа знатным, почти легендарным происхождением. Однако если из хроник нам известно, что Фернан Гонсалес был единственным сыном Гонсало Фернандеса и был избран графом уже будучи зрелым мужем и прославленным воином, то в Поэме история его рождения и возмужания приобретает явные фольклорные черты. К ним можно отнести, прежде всего, упоминание трех сыновей Гонсало Фернандеса, третьим и самым младшим из которых и был Фернан Гонсалес, а также историю с похищением его в раннем детстве угольщиком с последующей жизнью и взрослением в горах, вдали от настоящего дома, своей истинной семьи и предназначения. Данная версия, видимо, была почерпнута автором Поэмы из народных преданий и он по какой-то причине пожелал сохранить ее в своей Поэме, хотя представляется маловероятным, что он не знал более достоверной версии, представленной в хрониках и документах, где ни братья Фернана Гонсалеса, ни его жизнь среди простых людей не были упомянуты.

На полях сражений, описанных в Поэме, граф проявляет безрассудную отвагу и смелость: он сам ведет свои войска в бой и сходитсся в поединках с

⁵ Например, эпизод с убийством в бою короля Наварры, скорее всего, является привнесенным из событий XI в. и связан с именем короля Кастилии Фернандо I, убившего подобным образом короля Гарсию в битве при Атапуэрке (1054 г.). Одинаковые имена могли послужить причиной возникновения путаницы и приписывания графу этого убийства, которое стало поводом дальнейшего развития сюжета Поэмы. Подробнее см.: West B. *Epic, Folk, and Christian Traditions in the «Poema de Fernan González»*. Madrid, 1983. P. 190.

самыми заклетыми и сильными своими врагами. Даже эпитеты, которые автор использует при описании сражающегося графа, указывают на его животную силу, ярость и беспощадность: он «бесстрашнее змея» (PFG, сар. 516), творит то, что «волк делает в стаде» (PFG, сар. 500). При этом он всегда подчеркнуто благороден по отношению к своим врагам: он заботится о их соответствующем погребении, сам снимает доспехи, не приемлет военных хитростей, которые могут нанести урон его чести. И все же он вовсе не был лишен хитроумия и дальновидности, о чем свидетельствует один из ключевых фрагментов Поэмы, приобретения столь желанной свободы для родной Кастилии в результате торговой сделки: сумма, запрошенная графом за коня и ястреба у короля Леона, увеличивалась вдвое за каждый день просрочки платежа и в результате оказалась непосильной для короля, из-за чего тот вынужден был отказаться от взимания налогов с Кастилии и фактически признать ее независимость⁶. Обретение независимости Кастилии, превращение ее из незначительной и бедной области в важную политическую силу среди других христианских владений Пиренейского полуострова — это главная цель Фернана Гонсалеса и одна из основных тем всей Поэмы. Доказательством тому служат многочисленные восхваления Кастилии и ее жителей, определение ее как «лучшей из всех земель Испании»⁷ и «главы королевства»⁸. Граф же, стремящийся защитить свою родину от врагов и вывести ее из-под гнета короля, исполняет не только долг сеньора, но и следует воле Бога.

Личность автора, хорошо образованного, происходящего из монастырской среды или же близкой ему, также не могла не повлиять на ее форму и содержание. Во-первых, это выражается в использовании большого числа сравнений, аллюзий и примеров, почерпнутых из Священного Писания и агиографических сочинений. Значительная их часть приходится на вступительную часть Поэмы, рассказывающую о вестготских королях, падении Испании и страданиях кастильцев, однако и Фернан Гонсалес, идущий на бой с Альмансором, удостоивается сравнения с царем Давидом, в то время как его враг — с Голиафом.

⁶ Фрагмент с описанием самого выкупа свободы Кастилии не сохранился, однако он легко восстанавливается благодаря отсылкам на него в сцене продажи коня и сокола (PFG, сар. 575–580).

⁷ PFG, 157: «Pero de toda España Castylla es mejor...» Здесь и далее нумерация строк приведена по изданию: Poema de Fernán Gonzalez / edicion facsimil del manuscrito depositado en el Monasterio de El Escorial. Burgos, 1989.

⁸ PFG, 172: «[...] de un alcaldía pobre fizieronla condado / tornáronla después cabeça de reynado».

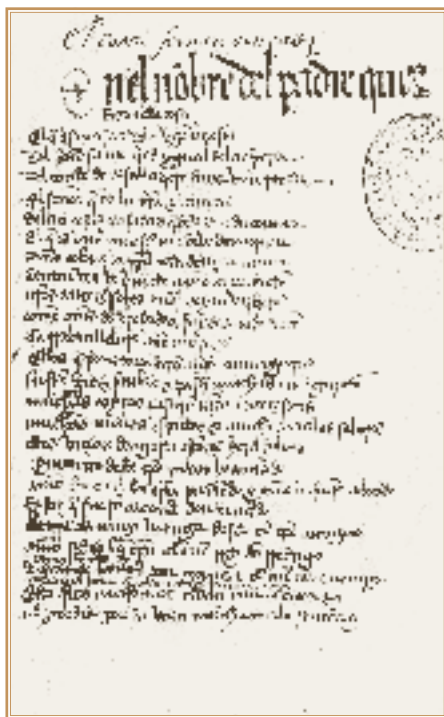
Следует также отметить, что автор Поэмы намеренно делает одним из центральных мест действия Поэмы монастырь Святого Петра в Арлансе, где граф молится Богу и получает в ответ пророчества и ответы на свои молитвы. Целью столь частого упоминания монастыря могло быть стремление автора привлечь внимание читателей Поэмы к положению обители, чтобы лишний раз упомянуть ее трагедии и покровителей, и в этом контексте Фернан Гонсалес приобретал значение, сходное с восприятием образа местного святого.

Черты агиографического сочинения и отсылка к житиям святых, которые присутствуют в Поэме, только подтверждают это ощущение. Так, например, один из ключевых эпизодов Поэмы — охота на кабана, которая приводит графа в сокрытую обитель, где он встречает брата Пелайо и получает пророчество о своих будущих победах — имеет значительное сходство с видением во время охоты, описанной в Житии Святого Евстафия, что справедливо отметил в свое время Дж. Келлер⁹.

Религиозное мировосприятие автором не оставляет в Поэме места для иной версии о причинах страдания народа Испании, их поражений в битвах с маврами, кроме как наказание Богом за их грехи. Кроме того, главным врагом в Поэме выступают вовсе не Альмансор и его бесчисленные воины, и не христианские короли, бросающие вызов графу. Главный враг — это дьявол. Это он расставляет ловушки герою, а земные враги служат лишь орудиями в его руках. Учитывая это, главный герой также нуждается в помощи высших сил, чтобы одолеть своего врага. Его молитвам и воззваниям к Богу уделено важное место в Поэме, и на примере одного из самых важных из них, моления в обители накануне битвы при Асинас, мы видим, что граф обращается к Богу, как вассал к своему сеньору: указывает ему на те страдания, что он претерпел, служа ему, на предательство других его вассалов, христианских королей, которые стали на сторону мавров, и просит у Него защиты и покровительства в решающий час¹⁰. Бог — единственный сеньор, чью власть над собой принимает Фернан Гонсалес, в то время как земные короли не могут склонить его к повиновению. И именно божественная помощь позволяет графу одолеть во много раз превосходящие вражеские силы.

⁹ Keller J. P. The Hunt and Prophecy Episode of the «Poema de Fernán González» // *Hispanic Review*. Vol. 23. No. 4. (Oct., 1955), P. 251–258.

¹⁰ PFG, v. 394–395: «Señor: por gran amor de fazer a ty serviço / paso yo mucho lacerío e deço mucho viço / con este cuerpo lazrado fágote serviço / con moros e con cristianos métorne en gran volliço / Los rreyes de España con deshecho pavor / olvidaron a ty, que eres su señor / tornáronse vasallos del rrey Almoçorre».

Страница поэмы
о Фернанде Гонсалесе.
Средневековый
манускрипт

Таким образом, в Поэме формируется идеальный образ графа, который наделен всеми положительными чертами эпического героя, смелого и благородного, и в то же самое время приобретает черты святого, который ведет неравную борьбу против врагов христианства и как испытанный и верный вассал Господа всякий раз получает от него божественную помощь и защиту.

Удивительное сочетание ученого стиля и формы и народного предания как основы сюжета, искусное переплетение в поэме эпических, фольклорных и религиозных мотивов создало уникальное произведение средневековой испанской литературы. Нет достоверных сведений о том, насколько популярной была Поэма в XIII в., читалась ли она при дворе кастильского короля и среди знатных людей, однако мы можем утверждать, что она была известна и использовалась в интеллектуальной мастерской короля Альфонсо X Мудрого при создании обширного исторического труда — «Истории Испании» или «Первой всеобщей хроники» (далее — Хроника). Та часть этого масштабного труда, в которой описываются деяния Фернана Гонсалеса, была составлена уже в годы правления сына Альфонсо X, короля Санчо IV в 80-х гг. XIII в., однако материалы для нее, скорее всего, подбирались заранее и среди них, очевидно, была и «Поэма о Фернанде Гонсалесе».

О том, что именно эта Поэма легла в основу фрагмента Хроники, посвященной деяниям кастильского графа, свидетельствует почти абсолютное

совпадение сюжетной линии, а также языковая близость. Хотя очевидно, что при переводе поэтических строф в прозу авторы Хроники существенно сокращали текст Поэмы и пересказывали ее содержание, избавляясь от формул и привнося в повествование отсутствующие в эпосе последовательность и логическую обоснованность событий, все же некоторые пассажи из Хроники почти дословно воспроизводят стихи Поэмы. Большая часть практически дословных совпадений приходится на прямую речь: именно в ней сокращения и инверсии изначального стихотворного текста встречаются редко, от чего язык героев приобретает особую образность и поэтичность. Более того, в тексте Хроники сохранились даже некоторые традиционные для эпоса формулы, к примеру, «llorando mucho de los ojos» (PCG, 710, 718).

Критический подход составителя Хроники к Поэме, как к источнику, заключался, видимо, в элиминировании ее наиболее явных традиционных (в том числе — религиозных) мотивов: истории о трех братьях, похищения в детстве, упоминания о вполне реальном вмешательстве дьявола в войну графа и его врагов, а также некоторое сокращение душеспасительных речей и пассажей. Без этих элементов сюжет Поэмы более органично вписывается в общий контекст Хроники.

Однако критический отбор сведений, очевидно, носил очень фрагментарный характер и в итоге Хроника унаследовала все ошибки в хронологии и анахронизмы, которые встречаются в Поэме. Можно сказать, что в Хронике эти неточности даже усугубляются, так как повествование, взятое из Поэмы, разбивается по годам, чьи датировки практически никогда не являются достоверными, и дополняется сведениями, почерпнутыми из других источников, прежде всего исторических сочинений того же XIII в.

Составители «Первой всеобщей хроники» в описании событий X в. и правления королей Рамиро II, Ордоньо III и Санчо I опирались в первую очередь на сочинения двух величайших эрудитов предыдущего поколения: на «Готскую историю» Родриго де Рады, митрополита Толедо, и «Всемирную хронику» Луки, епископа Туйского¹¹. Оба эти сочинения были написаны примерно в одно и то же время, в первой половине XIII в. Описывая примерно одинаковый круг событий, эти два произведения довольно сильно отличались кругом источников, на основе которых они составлялись, и были идеологически противоположными в силу политических расхождений их авторов. В то время как Лука Туйский был сторонником Леонской

¹¹ PCG. Prol.: ... mandamus ayuntar quantos libros pudimos auer de istorias en que alguna cosa contassen de los fechos dEspanna, et tomamos de la cronica dell Arçobispo don Rodrigo que fizo por mandado del rey don Ffernando nuestro padre, et de las Maestre Luchas, Obispo de Tuy <...> et compusiemus este libro...

монархии, ведущей свое начало от последних вестготских королей, и защищал ее исконные притязания на лидерство среди христианских государств, Родриго де Рада отстаивал превосходство Кастилии и ее права на положение политического центра объединения отвоеванных земель. В итоге история графа Фернана Гонсалеса была представлена в этих хрониках в полном соответствии с данными политическими преференциями.

В сочинении Луки Туйского Фернан Гонсалес упоминается крайне редко и даже не как граф Кастилии, а как «граф Бургоса». Даже описывая победу короля Рамиро при Осме, он упоминает безымянных кастильцев, попросивших у короля защиты, а имя графа в этой главе не фигурирует вовсе, что создает впечатление, будто автор хочет вовсе исключить его из своей истории. И это неудивительно, ведь главный акцент в сочинении епископа Туя делается на бесплодности всех попыток кастильцев восстать против своего законного короля.

В то же время Родриго де Рада, что вполне закономерно, уделяет правителю Кастилии гораздо больше внимания: при первом же упоминании Фернана Гонсалеса он характеризует его как славного воина, который был избран графом волей не только знати, но и простого люда, что служило доказательством уважения, которым он пользовался среди своего народа¹². Он перечисляет его подвиги и заслуги: поддержание мира и спокойствия в своих землях, победы над маврами, освобождение Кастилии от притеснений со стороны астури-леонских королей, основание монастыря Святого Петра в Арлансе и т.д.¹³

Однако наиболее интересным является приведенный в «Готской истории» эпизод с описанием мятежа графа против короля Рамиро, который описан также в сочинении Луки Туйского. Согласно хроникам, Фернан Гонсалес и Диего Муньес, граф Салданы, заключили союз с маврами и помогли им завоевать несколько городов во владениях короля Рамиро. Тот смог дать достойный отпор врагам, а неверных вассалов заточил в темницу — одного в Леоне, другого в Гордоне. Спустя некоторое время он прощает их, берет с них клятву впредь хранить верность королю и выпускает на волю. Родриго Хименес де Рада, однако, добавляет важное замечание об этих событиях: упомянутый Фернан Гонсалес не является графом Кастилии и не следует их путать¹⁴.

¹² De rebus Hispaniae. L. V, cap. 2.

¹³ Ibid. L. V, cap. 12.

¹⁴ Ibid. L. V, cap. 8: «et Fernandum Gunsalvi, non illum comitem Castele, et Didacum Munionis fautores Arabum comprehendit te alterum Legione, alterum Gordone in carcere vinculavit».

Можно было бы предположить, что в то время жил другой знатный человек с тем же именем, однако прямо вслед за этим в Хронике сообщается о браке дочери графа Фернана Гонсалеса и сына короля, который был призван окончательно примирить короля и графа после инцидента с мятежом и тюремным заточением, о чем прямо говорит Лука Туйский¹⁵. На основе этого можно сделать вывод, что митрополит Толедо поддался искушению очистить имя эпического героя от позорящего его в глазах потомков союзничества с маврами, поражения и пленения, — даже если все это, тем не менее, имело место. Однако при этом автор отнюдь не склонен идеализировать графа в его амплу вассала: остальные мятежи и заговоры Фернана против королей Ордоньо III и Санчо I описаны подробно, а отвага и упорство, с которым граф боролся за независимость, единство и расширение своих владений, названы в числе его основных достоинств¹⁶.

Таким образом, мы видим, что к моменту создания «Первой всеобщей хроники» уже существовали разные варианты представления образа кастильского графа. Возникает вопрос, почему же именно «Поэма о Фернанде Гонсалесе» стала основным источником рассказа о знаменитом графе и о становлении независимой Кастилии в Хронике, составители которой имели вполне реальную возможность выбора между сложившимися к тому времени версиями. Между тем именно поэма превратилась в основной источник создателей Хроники, а из сочинений Луки Туйского и Родриго де Рады были извлечены лишь фрагменты, призванные заполнить лакуны, касающиеся политики королей Леона, а не опровергнуть ту историю, которую Хроника повторяет вслед за Поэмой. Более того, в конечном итоге вставки из других источников лишь вносят дополнительную путаницу в хронологию событий, порождают внутренние противоречия и расхождения в тексте.

К примеру, и в Поэме, и в Хронике брат Пелайо предрекает графу, что тот дважды будет пленен, однако в Хронике к двум пленениям Фернана Гонсалеса, упомянутым в Поэме (одно — Гарсией, королем Наварры, другое — Санчо, королем Леона), добавляется третье — королем Леона Рамиро в наказание за попытку поднять мятеж против него. Само по себе это противоречие не является существенным для автора хроники, однако оно лишает смысла сам факт пророчества, столь важного для эпической традиции.

Кроме того, и в Поэме, и в Хронике упоминается только одна жена кастильского графа, наваррская инфанта Санча. В первом случае она выступает

¹⁵ Chronicon mundi. L. IV, cap. 33: «His supradictis remeantibus ad propia filiam Fernandi Gundissalui, quam ob causam ut pacificaret Castellanos et Legionenses, acceperat, reliquit nomine Urracam...».

¹⁶ De rebus Hispaniae. L. V, cap. 12.

сестрой короля Наварры Гарсии, а во втором оказывается его дочерью, однако остальные детали истории графа и его супруги идентичны: этот брак предлагает графу королева, когда он по зову короля Санчо прибывает в Леон на кортесы, однако в результате обмана граф оказывается в темнице короля Наварры; в конечном итоге именно Санча освобождает его оттуда. В то же время в Хронике есть упоминание о том, что король Рамиро при жизни заключает брак между своим наследным сыном Ордоньо и Урракой, дочерью кастильского графа¹⁷, что означает, что последний к тому моменту уже должен был быть женат. Подобное несоответствие объясняется просто: на самом деле граф был женат дважды. Его первая жена, действительно, носила имя Санча и была сестрой короля Наварры Гарсии. Вторая же звалась Урракой и являлась дочерью того же короля. Из этого можно сделать вывод, что в Хронике имеется в виду Уррака, однако составители вслед за автором Поэмы называют ее Санчей и не усложняют историю упоминанием второй жены, как несущественного элемента.

Точно так же отношения графа с королем Наварры Гарсией в Хронике предстают менее однозначными, чем в Поэме, где они являются кровными врагами. Так, например, и правитель Наварры, и кастильский граф вместе поддерживают мятеж Санчо против его брата, короля Ордоньо III¹⁸, хотя в Хронике, как и в Поэме, противостояние Кастилии и Наварры по количеству битв и взаимных обид лишь немногим уступает ожесточенной войне Фернана Гонсалеса с маврами и их союз, даже пред лицом общего врага, кажется маловероятным событием для Поэмы.

Но все вышеперечисленные противоречия, а также многие другие, оставшиеся неназванными здесь, очевидно, не заботили составителей Хроники, а это означает, что текст Поэмы должен был использоваться как источник в силу какой-то причины.

Для того чтобы понять, почему именно Поэма была выбрана основным источником для описания деяний графа в «Первой всеобщей хронике», следует определить, каким же в результате предстает в Хронике граф Фернан Гонсалес, его отношения с королевской властью и концепция независимой Кастилии в целом, что именно привнесла Поэма в образ графа по сравнению с тем, каким он был описан в хроникальной традиции.

«Первая всеобщая хроника», вслед за Поэмой и, отчасти, сочинением Родриго Хименеса де Рады, возносит хвалу кастильскому графу, уделяя значительную долю внимания именно его делам и подвигам, вплоть до того, что главы

¹⁷ PCG, cap. 701, p. 401. В сочинениях Луки Туйского и Родриго Толедского этот брак упомянут в связи с примирением Рамиро II и графа Кастилии после мятежа, который Фернан Гонсалес и Диего Муньос подняли против короля.

¹⁸ PCG, cap. 703.

Хроники о политике королей Леона, очень краткие по сравнению с наполненными деталями и речами эпизодами, являющимися пересказом Поэмы, кажутся лишь дополнениями к этим сведениям и меркнут на фоне деяний Фернана Гонсалеса, в ней есть несколько интересных фрагментов, которые заставляют читателя взглянуть на эпического героя Кастилии с разных сторон.

В своей статье «Короли и графы: прагматика и “Поэма о Фернано Гонсалесе” в “Первой всеобщей хронике”» Лоуренс Рич пишет о том, что авторы Хроники стремились максимально уравновесить военные успехи кастильского графа и не менее, а то и более значимыми победами королей Леона¹⁹. Однако с этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, не будь в Хронике глав, посвященных доблестным деяниям королей, и весь фрагмент Хроники, начиная с главы 684 и заканчивая главой 728, можно было бы без преувеличения назвать временем правления Фернана Гонсалеса. При этом если бы автор Хроники хотел подчеркнуть значение побед именно короля Леона, по сравнению с которыми успехи кастильцев казались бы менее существенными, ему достаточно было бы просто следовать тексту пролеонски настроенного Луки Туйского.

Между тем в «Первой всеобщей хронике» вклад Фернана Гонсалеса в победы над маврами только превозносятся. И речь здесь идет не только о подробнейшем описании битв и побед, взятых из Поэмы, но и о внесении дополнений в те главы, источниками для которых служили хроники предшествующих лет. Наиболее ярким примером может служить описание битвы при Осмо (933 г.). У Луки Туйского эта победа над маврами приписывается целиком и полностью королю Рамиро II, Родриго Толедский упоминает о том, что в битве принимали участие леонские и кастильские войска, однако «Первая всеобщая хроника» приписывает данную победу в равной степени и Рамиро II, и Фернану Гонсалесу²⁰. Более того, победа в битве при Осме указывается в Хронике как одно из наиболее значимых деяний кастильского графа²¹.

Таким образом, в Хронике закрепляется и развивается образ графа, как великого воина и полководца, и ни одна из его побед не ставится под со-

¹⁹ Rich L. Kings and Counts: Pragmatics and the «Poema de Fernán González» in the «Primera Crónica General» / La Corónica: A Journal of Medieval Hispanic Languages, Literatures & Cultures. Vol. 25. № 2. 1997. P. 109–111.

²⁰ PCG, 686: «Et ayuntaronse amas las huestes, la del rey et de los castellanos, en uno, et fueron contra los moros que les dixieron que eran en Osma [...] et tan fiertamiente los ferieron, que por merced de Dios fueron vençudos los moros [...] Et tornose el rey don Remiro pora Leon con grand onrra, et el conde Fernand Gonçalez finco en su tierra con grand bienandança».

²¹ PCG, cap. 684.

мнение. И это неудивительно, ведь предполагалось, что героический граф должен был стать примером для подражания для всех людей рыцарского сословия, кто слушал Поэму или же читал Хронику.

Главная политическая цель графа — освобождение Кастилии от власти короля Леона — без сомнения является столь же важной, что и отвоевание земель у мавров. Однако если в Поэме граф в итоге добивается своего исключительно мирным путем, получая свободу для своего графства в качестве платы за коня и ястреба, и если и выражает неуважение к королю, то только не являясь в его кортесы (на что между тем даже имеет моральное право после оскорбления, нанесенного ему леонцами), то граф из Хроники представляется гораздо более мятежным и непокорным вассалом, способным на заговор и вооруженное сопротивление сеньору, и гораздо более значительной политической фигурой.

Созданию такого образа, безусловно, служат фрагменты, привнесенные в Хронику из сочинений Луки Туйского и Родриго Толедского. Согласно им, граф принимает участие по крайней мере в трех мятежах: вместе с Диего Муньесом он готовит восстание против короля Рамиро II, за что оказывается заточенным в темницу; после смерти короля Рамиро он поддерживает инфанта Санчо в его стремлении свергнуть старшего брата, Ордоньо III; а после составляет заговор уже против самого Санчо, возведя в его отсутствие на трон Ордоньо IV, сына короля Альфонсо IV. При этом если первый мятеж еще можно отнести к отстаиванию интересов своего графства²², то последующие уже говорят о значительных политических амбициях Фернана Гонсалеса, о его стремлении повлиять на политику королевства в целом, а не только в отношении Кастилии.

Примечательно, что в итоге все эти мятежи и заговоры закончились поражением Фернана Гонсалеса. И, если судить по некоторым замечаниям хрониста, такой исход кажется вполне логичным и справедливым. Так, например, одним из последствий мятежа графа против Ордоньо III было расторжение брака последнего с дочерью Фернана Гонсалеса, Урракой. Хроника так обосновывает это событие: «Но из-за поступка графа Фернана Гонсалеса, который помог тому, кому не должен был помогать, и который пошел против того, кто был ему зятем, чем проявил себя как врага, король оставил его дочь»²³.

В описании последующих отношений графа Фернана Гонсалеса с королем Ордоньо представлены две точки зрения на их исход: одна из них повто-

²² Возможно, речь идет о заселении по приказу короля земель, отвоеванных у мавров, что создает препятствие для расширения владений обоих графов на юг.

²³ PCG, cap. 703.

ряет вслед за Лукой Туйским и Родриго Толедским эпизод с заключением мира между графом и королем и смертью последнего в результате болезни, вторая заявляет со ссылкой на неопределенный источник («некоторые говорят»), что король был убит графом Фернаном Гонсалесом в сражении²⁴. Нам неизвестен источник, который мог бы послужить основой для данного замечания, однако можно предположить, что это был недошедший до нас вариант устного предания о графе, из чего можно сделать вывод, что эпические произведения, рожденные в народной среде, представляли кастильского героя гораздо более мятежным и решительно настроенным против королей Леона, чем описал автор Поэмы.

Сочетание в «Первой всеобщей хронике» сведений из двух столь разных источников, которыми были эпическая поэма и латинские хроники, создало неоднозначный, на первый взгляд противоречивый образ графа.

Наиболее ярким примером являются последние из посвященных отношению Фернана Гонсалеса и короля Леона Санчо главы Хроники²⁵. Хотя стихи Поэмы, которые, видимо, служили источником для написания этих глав, отсутствуют в дошедшей до нас рукописи, они столь глубоко пронизаны эпическим мотивом страданий незаконно оскорбленного героя, что сложно усомниться в том, что за основу был взят именно текст Поэмы.

В данном эпизоде рассказывается, что после очередной совместной военной операции против мавров²⁶, в которой все лавры достаются Фернану Гонсалесу, происходит размолвка между ним и леонцами, вследствие чего в течение двух следующих лет граф отказывается явиться в королевские кортесы. Король Санчо воспринимает это как оскорбление и подозревает своего вассала в заговоре против него и потому отправляет ему грамоту с предупреждением: либо он явится в кортесы, либо лишится Кастилии. Фернан Гонсалес собирает своих приближенных и произносит речь, в которой просит совета у своих людей, так как решил, несмотря на то, что он знает о желании короля причинить ему вред, подчиниться королю и явиться в кортесы. В противном случае, как он справедливо полагает, его и всех кастильцев обвинят в мятеже против короля, а это навсегда запятнает их доброе имя, и в глазах всех жителей Испании они будут выглядеть предателями, хотя всегда были известны своей верностью. Учитывая, что описанные

²⁴ PCG, cap. 706, p. 408: «Pero dizen algunos que lidio con el conde Fernand Gonzalez et quel mato».

²⁵ PCG, cap. 717, 720.

²⁶ В 931 г. согласно датировке, приведенной в Хронике, однако имеются в виду, скорее всего, события 960-х гг.

Король Ордоньо III.
«Книга заветаний
королей Леона», XII в.

события, согласно Хронике, происходят уже после упомянутых мятежей Фернана Гонсалеса, последний из которых посадил на трон другого короля, это утверждение графа о верности кастильцев и его покорность своему сеньору выглядят по меньшей мере странно.

С другой стороны, как уже было сказано, все мятежи графа против королей закончились неудачей, и он был вынужден всякий раз преклонить колена и принести клятву верности королю. В таком контексте вышеназванный эпизод можно истолковывать как осознание графом бессмысленности какого-либо мятежа. Свободу для своего графства он в итоге добывает не с оружием в руках, а вполне законным путем: как выплату задолженной королем за коня и ястреба суммы. Если рассматривать события, описанные в Хронике, как историю, из которой следовало извлечь урок и некую мораль, то можно заключить, что это один из способов, которым в ней провозглашалась сила королевской власти, верность которой — долг каждого вассала, и мятеж против которой — тяжкое преступление, заранее обреченное на неудачу.

Однако в упомянутой речи примечательно также то, что граф называет себя «сеньором по рождению», то есть декларирует существование между ним и кастильцами иного вида социальной связи, помимо очевидной феодальной модели вассал—сеньор. Отношения, основанные на понятии *naturaleza* в XIII в. — это в первую очередь отношения между королем и всеми жителями королевства, которые не нуждались в скреплении вассальным контрактом, а выстраивались автоматически с момента восшествия короля на престол в силу проживания людей на территории королевства.

Использование термина *señor natural* служило, прежде всего, для утверждения верховных прав короля на повиновение со стороны жителей королевства и для опровержения возможности знати противостоять ему и покушаться на его власть и привилегии.

Таким образом, называя себя «сеньором по рождению», граф позиционирует себя как законного владельца Кастилии по праву рождения, а не милостью короля. Кроме того, в той же речи призывает своих людей защитить его сына, Гарсию, что бы ни случилось с ним по воле короля после прибытия в кортесы, тем самым он предопределяет установление системы наследования своего титула, чего раньше в Кастилии не было. Фактически, граф уже стоит на позиции суверенного сеньора, ему нужно лишь королевское признание свободы его земель, которое он в итоге получает.

* * *

Подводя итоги, отметим, что в зеркале Хроники граф предстает великим воином и талантливым полководцем, символом борьбы христианских земель против мусульманского владычества, одним из первых героев Реконкисты, на стороне которого — сам Бог. Описание побед, благородства и отваги легендарного графа выступает как пример для подражания для представителей феодального класса.

Кроме того, Фернан Гонсалес предстает правителем, сумевшим добиться независимости для своих владений, эпическим героем, стоящим у истоков могущественной Кастилии, которой, в итоге, заранее предопределена роль центра объединения земель и главной силы в борьбе против внешнего врага. Хотя в интерпретации хрониста он и предстает мятежным вассалом, но его вооруженные восстания и заговоры в конечном итоге оказываются бессмысленными и лишь подтверждают мощь и авторитет королевской власти.

Без привлечения Поэмы ни одна из этих граней образа Фернана Гонсалеса не была бы полностью раскрыта в Хронике. Если бы не длинные пассажи, наполненные эпическими образами, описаниями героических сражений, чудес и испытаний, выпавших на долю героя, граф в «Первой всеобщей хронике» оказался бы лишь одним из многих: одним из полководцев христианского воинства, вполне успешным, но явно уступающим королю, одним из хитрых, предприимчивых и вероломных королевских вассалов, готовых в своих интересах прибегнуть к помощи мавров, а также врагов своего сюзерена из числа христиан, мятежником, которому,

несмотря на понесенные поражения, все-таки удалось каким-то образом добиться своего. В таком случае, у читателя могло возникнуть впечатление, что графство Кастилия, как независимая политическая сила и как основа будущего единого королевства, зародилось в результате бунта, предательства и хитрой политической игры — явно не самый подходящий миф для «лучшей из испанских земель».

Между тем в Хронике образ графа, хотя и не является столь однозначным, как в Поэме (он лишен ореола, граничащего со святостью героического благородства), в конечном итоге оказывается более убедительным. Показывая графа с разных сторон, не как идеального героя, а скорее как реального исторического персонажа, совершившего как великие подвиги, так и ошибки, но в итоге благодаря своим достоинствам добившегося задуманного, составители «Первой всеобщей хроники» создали более понятный и близкий пример для подражания, пример, который Альфонсо X считал бы подходящим для рыцарей, которых со страниц «Семи Партид» призывал слушать истории о великих деяниях²⁷.

²⁷ Part. II.21.20: «Como ante los caualleros deuen leer las estorias de los grandes fechos de armas quando comieren».

REFERENCES

1. *Keller J.P.* The Hunt and Prophecy Episode of the «Poema de Fernán González» // *Hispanic Review*. Vol. 23. No. 4 (Oct., 1955). P. 251–258.
2. *Martínez Díez G.* El Condado de Castilla, 711–1038: La Historia Frente a la Leyenda. Madrid, 2005.
3. *Montoya Ramírez M. I.* Religiosidad y realidad histórica en el poema de Fernán González / *Literatura y cristiandad: homenaje al profesor Jesús Montoya Martínez*. Granada, 2001.
4. *Rich L.* Kings and Counts: Pragmatics and the «Poema de Fernán González» in the «Primera Crónica General» // *La Corónica: A Journal of Medieval Hispanic Languages, Literatures & Cultures*. Vol. 25. No. 2. 1997. P. 109–111.
5. *West B.* Epic, Folk, and Christian Traditions in the «Poema de Fernan González». Madrid, 1983.

Ключевые слова:

Фернан Гонсалес, Кастилия, хроники Средневековья, Альфонсо X, Реконкиста, эпическая поэма, Королевство Леон.

Maria K. Karaulova

FROM THE «POEM OF FERNAN GONZALEZ» TO THE «FIRST GENERAL CHRONICLE OF SPAIN»

The article is devoted to an analysis of the transformation of Count Fernan Gonzalez's image as it has been presented in Spanish literary sources and chronicles of the 13th c. Fernan Gonzalez was the first autonomous Count of Castile and was well known for his courage and active participation in the Reconquest and internal policy of the Kingdom of Leon. He died in the 10th c. but the legends of his heroic deeds and victories lived through the ages and became very popular in the 13th c. He was mentioned in several chronicles and also became a protagonist of an epic poem which was created in the successful period of Reconquest. Using the chronicles of Lucas from Tuy and Rodrigo de Rada and comparing these texts with the poetic version of «Poem of Fernan Gonzalez» the author investigates which new features were added to the image and history of Fernan Gonzalez and how it combined epic, religious and historical elements. The purpose of the article is to define why the «Poem of Fernan Gonzalez» was used as a principle source for composition of the «First General Chronicle of Spain» in the epoch of King Alfonso X that presented the official version of Kingdom's history and the role of the Castilian Count in this history.

 Караулова Мария Кирилловна

аспирант Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Е.С. Марей

ДВЕ ВЕРСИИ МЯТЕЖА СИСЕНАНДА В «ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ХРОНИКЕ ИСПАНИИ»¹

История Толедского королевства вестготов была недолгой: образовавшееся в 507 г. на территории Пиренейского полуострова, оно уже в 711 г. пало под ударами мусульман и прекратило свое существование. Тем не менее для хронистов средневековой Кастилии история готов имела невероятно

большую ценность, поскольку Вестготское королевство воспринималось ими как прямой предшественник Кастильского. Первым наиболее отчетливо эту идею сформулировал в своей «Готской истории» епископ Толедо Родриго Хименес де Рада, а затем ее подхватили составители самого грандиозного исторического проекта в истории Кастилии — «Первой всеобщей хроники Испании», наиболее значимой из сохранившихся частей «Истории Испании», создававшейся во второй половине XIII в. по приказу короля Альфонсо X Мудрого.

История готов изложена в «Хронике...» довольно подробно. Повествование организовано по правлениям королей и посвящено главным образом их деяниям. И хотя объем информации, посвященный тому или

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (проект № 13-01-00135 «Научный комментированный перевод “Первой всеобщей хроники”»).

Свинтила — король вестготов.

Картина работы М. Миранды-и-Рендон. Середина XIX в.

иному правителю, разный (зависит от срока правления и масштабности деяний каждого конкретного монарха), составитель скрупулезно перечислил всех королей, даже тех, в правление которых не произошло ничего замечательного². При этом хронист в каждом случае обязательно указывал даты и обстоятельства начала и конца правления. На этом фоне резко выделяется рассказ о кончине короля Свинтилы, правившего с 621 по 631 г., и восшествии на престол его преемника короля Сисенанда (631–636). Здесь излагаются две версии событий, что в целом нехарактерно для средневековой историографии, тяготевшей к четким и ясным моделям представления прошлого. Согласно первой, основной, версии, представленной Родриго Хименесом де Радой, король Свинтила заболел и умер в Толедо, окруженный почетом и любовью подданных. Согласно второй, изложенной франкским хронистом Сигибертом из Жамблу, готы, устав от жестокостей Свинтилы, подняли мятеж и провозгласили королем дукса провинции Септимания Сисенанда³. Почему составитель «Хроники...» изложил

² Как, например, сына короля Рекареда Лиуву, правившего два года и ничем не отличившегося. См. PCG. 479.

³ PCG. 495.

обе версии? Какая из них является более правдивой и насколько? Каковы источники обеих версий? Ответам на эти вопросы и будет посвящена настоящая статья.

«Первая всеобщая хроника Испании» (История Испании) как источник по истории Толедского королевства

«Первая всеобщая хроника Испании» (История Испании) — грандиозный исторический труд, созданный при дворе короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого. Стоит заметить, что правление этого короля (1252–1284) стало для Кастилии временем небывалого расцвета культуры. При его дворе работали знаменитые ученые, юристы, писатели и переводчики, да и сам король не был лишен писательского таланта: его перу принадлежат «Кантиги Святой Деве Марии». Альфонсо X резко выделяется в кругу других просвещенных монархов средневековой Европы: ведь именно он стал первым европейским королем, который придал народному языку официальный статус. По приказу Мудрого короля на старокастильском языке был создан первый национальный свод права и начата работа над национальной историей — «Первой всеобщей хроникой Испании» (ок. 1270 г.). Таким образом, «Хроника...» стала первым историческим сочинением, написанным при дворе короля, а не в церкви или монастыре⁴.

«Первая всеобщая хроника» начинается с истории Всемирного потоп и расселения потомков Иафета, потом переходит к подвигам Геракла в Испании. Далее «Хроника...» описывает историю народов, в разное время населявших Испанию, и, наконец, заканчивается эпохой правления Фернандо III, отца Мудрого короля. При этом готский и предшествующие ему разделы были написаны в эпоху правления Альфонсо X, прочие — около 1289 г. при его сыне, короле Санчо IV Храбром. В прологе к «Хронике...» указывается целый ряд античных и средневековых авторов, чьи

⁴ Подробнее см.: Маре́й А.В. Дружба и доверие в испанском обществе XI–XIII вв.: неправовые регуляторы правового поля. М., 2011. С. 9–12; *Catalán D.* La Estoria de España de Alfonso X. Creación y evolución. Madrid, 1992; *Martin G.* Le pouvoir historiographique (l'historien, le roi, le royaume. Le tournant alphonsin) // *Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero.* Paris, 1997. P. 123–136; Id. *Compilation (cinq procédures fondamentales)* // *Ibid.* P. 107–121; Id. *Los intelectuales y la Corona: la obra histórica y literaria* // *Alfonso X y su época* / Coord. M. Rodríguez Llopis. Murcia, 2002. P. 259–285; *Alfonso X el Sabio y las crónicas de España* / Coord. I. Fernández Ordóñez. Valladolid, 2000 etc.

Исидор Севильский. Миниатюра из рукописи X в.

труды должны были лечь в ее основу, среди них: Павел Орозий, Иордан, Лукан, Исидор Севильский, Исидор Младший (или Исидор Бежский), Ильдефонс Толедский, Идаций, Клавдий Птолемей и т.д. Однако исследователи отмечают, что главными (а для многих глав — единственными) источниками были сочинения Луки, епископа города Туя († 1249), и Родриго Хименеса де Рады, митрополита Толедо (1189?–1247), чьи имена стоят в этом ряду первыми⁵.

Оба эти сочинения были написаны почти одновременно: Лука Туйский закончил свою «Всемирную хронику» (*Chronicon mundi*) в 1236 г., а первая редакция «Об испанских событиях» (*De rebus Hispaniae*) Родриго Толедского относится к 1243 г. Окончательно же это произведение было завершено в 1246 г. Оба хрониста писали свои произведения по королевскому «заказу»: Лука Туйский выполнял поручение королевы Беренгелы, Родриго Толедский — короля Фернандо III, отца Альфонсо X. Относительно влияния этих авторов друг на друга и заимствований мы не можем сказать ничего

⁵ PCG. Prol.: ... mandamus ayuntar quantos libros pudimos auer de istorias en que alguna cosa contassen de los fechos dEspanna, et tomamos de la cronica dell Arçobispo don Rodrigo que fizo por mandado del rey don Ffernando nuestro padre, et de las Maestre Luchas, Obispo de Tuy (выделено мной, — Е.М.), et de Paulo Orosio, et del Lucano, et de San Isidro el primero, et de sant Alffonso, et de sant Esidro el mancebo, et de Idacio Obispo de Galizia, et de Sulpiciuo Obispo de Gasconna, et de los otros escriptos de los Concilios de Toledo et de don Jordan, chancellor del sancto palacio, et de Claudio Tholomeo... et de Dion... et de Pompeyo Trogo, et dotras estorias de Roma las que pudimos auer que contassen algunas cosas del fecho dEspanna, et compusiemus este libro...

конкретного, однако принято считать, что Родриго де Рада знал о «Всемирной хронике» и даже следовал ей⁶.

«Всемирная хроника» Луки Туйского начинается с Сотворения мира и заканчивается взятием Кордовы (1236 г.). В своем сочинении епископ Туя использовал произведения Иоанна Бикларского, Исидора Севильского, Идация, Орозия, а также предшествовавшие хроники, например «Хронику Альфонсо III» и так называемую «Хронику Силосского монаха» (*Chronicon Silense*)⁷. При этом отличительным качеством Луки Туйского является, пожалуй, его любовь к неправдоподобным и даже анекдотичным историям; так, например, он рассказывает, что некоторые неизвестные сочинения Исидора Севильского были украдены, переведены на арабский и изданы под именем Авиценны⁸.

В отличие от Луки, Родриго Хименес де Рада подходит к своим источникам гораздо более взвешенно. Кроме того, его исторические произведения — «История арабов», «История римлян», «Готская история» (*Historia Gothica seu De rebus Hispaniae*) — отличаются большей детальностью описаний по сравнению с хроникой Луки. При создании «Хроники об испанских событиях» Родриго Толедский использовал многочисленные источники, такие, как «Хроника» Исидора Севильского, сочинения Сульпиция Севера, Диона Кассия, Помпея Трога и т.д., в том числе и арабские источники, что было нехарактерно для его предшественников. При работе над своим сочинением он не просто копировал доступные ему тексты, но и старался интерпретировать и пересказать их так, чтобы повествование служило главной цели его произведения — возвеличиванию Кастильского королевства и его правителей⁹.

Эти факторы привели к тому, что «Готская история» Родриго Хименеса де Рады в конечном итоге оказала наибольшее влияние на «Хронику...» и в значительной мере легла в ее основу. Замысел епископа Толедо как нельзя

⁶ Martin G. Luc de Tuy, Rodrigue de Tolède, leurs traducteurs et leurs compilateurs alfonsins. Comparaison segmentaire d'une lexicalisation // L'activité paraphrastique en Espagne au Moyen Age. Cahiers de linguistique hispanique médiévale 14–15. 1989–1990. P. 173; Linehan P. Lucas de Tuy, Rodrigo Jiménez de Rada y las historias alfonsíes // Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Coord. I. Fernández Ordóñez. Valladolid, 2000. P. 19.

⁷ Подробнее об источниках Луки Туйского, а также об обстоятельствах создания его труда см.: Jérez Cabrero E. El Chronicon mundi de Lucas de Tuy (с. 1238): técnicas compositivas y motivaciones ideológicas. Tesis Doctoral. Universidad Autónoma de Madrid, 2006.

⁸ См.: Luc. Tud. Срон. 3. Примечательно, что составитель «Первой всеобщей хроники» повторяет эту историю (см. PCG. 504).

⁹ Марей А.В. Дружба и доверие... С. 9–12; Sánchez Alonso B. Historia de la historiografía medieval española. Madrid, 1947. P. 132.

Золотой триенс Сисенанда

лучше отвечал цели, которую поставил перед своими хронистами Альфонсо X. «Первая всеобщая хроника» создавалась для знатных и могущественных людей Кастильского королевства — магнатов и прелатов с тем, чтобы сплотить их вокруг короля¹⁰. Кроме того, как показывает О.В. Ауров, «Хроника...» исполняла очень важную дидактическую функцию, демонстрируя испанским рыцарям примеры храбрости и воинской доблести. Не случайно король Альфонсо X специальным законом, вошедшим в состав *Партид* (Part. II.21.20), повелел рыцарям слушать исторические рассказы в часы отдыха или во время трапезы¹¹. Подобная цель заставляет исследователей подозревать хронистов в тенденциозности и даже ставить вопрос о степени достоверности хроник.

Так, американская исследовательница Г. Шпигель доказывала абсолютную ангажированность хроник. По ее мнению, «Большие французские хроники» представляли собой целиком идеологическое произведение, служащее для прославления короля и для обоснования его верховной власти, следовательно, информация, содержащаяся в них, признается искаженной и мало соответствующей реальности¹². Противоположной точки зрения придерживался Б. Гене, для которого средневековые хроники обладали несомненной исторической ценностью¹³.

Эту же позицию разделяет ученик Б. Гене Ж. Мартен, анализирующий хроники средневековой Испании. Сопоставляя информацию, содержа-

¹⁰ Маре́й А.В. Дружба и доверие... С. 11.

¹¹ Ауров О.В. «Deuen leer las estorias...»: истоки и развитие сословной идентичности кастильского рыцарства (XII — середина XIV в.) // Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 120–127.

¹² Spiegel G. *Romancing the Past: the Rise of Vernacular Prose Historiography in Thirteenth-Century France*. Berkeley-Los Angeles-Oxford, 1993 passim.

¹³ Гене Б. *История и историческая культура средневекового Запада*. М., 2002 passim.

щуюся в разных хрониках, он показывает, что освещение событий менялось в зависимости от эпохи, языка или предпочтений хрониста, однако применительно к хроникам нельзя говорить о сознательном умолчании или откровенной фальсификации¹⁴. Однако в большей степени историка интересует не оценка степени достоверности хроники, а причины, побудившие ее составителя интерпретировать события именно так, а не иначе.

В отечественной историографии проблеме достоверности испанских средневековых хроник посвящены работы О.В. Аурова¹⁵. Тщательно сопоставив данные многочисленных средневековых источников и проанализировав характер их субъективности, он стремится воссоздать более близкий к реальности, весьма противоречивый портрет вестготского короля Леовигильда. В свою очередь, анализ истории мятежа Сисенанда, его интерпретация и оценка в источниках XIII в., прежде всего в «Первой всеобщей хронике Испании», позволят лучше понять принципы написания истории, которыми руководствовались историки Альфонсо X.

Мятеж Сисенанда: версия Родриго Толедского

Обратимся к анализу двух версий событий 631 г.: согласно первой, король Свинтила мирно скончался в Толедо, а затем престол занял Сисенанд; согласно второй, Свинтила был очень жестоким правителем и поплатился за это престолом¹⁶.

Первая изложена в «Готской истории» Родриго Хименеса де Рады. Он рисует идиллическое правление короля Свинтилы. По его мнению, король Свинтила, правивший 10 лет (621–631), прославился не только военными победами, но и выдающимися положительными качествами и

¹⁴ См., напр. сборник статей Ж. Мартена: *Martin G. Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero*. Paris, 1997.

¹⁵ Ауров О.В. Вестготские короли-ариане после эпохи Иордана (характер, идеология и символика власти) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2010. № 31. С. 73–103; Ауров О.В. «Gladio uindice Leuwigildi...»: король-реформатор перед лицом памяти // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Всеобщая история». 2010. № 10. С. 33–50.

¹⁶ PCG. 495: Andados diez annos del regnado del rey Suyntilla, que fue en la era de seyscientos et setaenta et dos <..> este rey Suyntilla era buen Cristiano et sabio et de grand entendimiento et bueno, justiciero, franc, piadoso et mucho elmosnador, de guisa que non era tan solamiente llamado rey, mas padre de los pobres. Et auino assi que ell estando en Toledo, que adolescio et murio y, e la su muert fue mucho onrrada, segun cuenta ell arçobispo don Rodrigo. Mas dize Sigiberto dotra guisa que tan esquiuo et tan cruel fue este rey Suyntilla con los godos, quel tollieron del sennorio, et que alçaron por rey al Sisenando con ayuda de Daguberto, rey de Francia.

Страница манускрипта «Об испанских событиях» Родриго Хименеса де Рады. XIII в.

добродетелями: он был человеком верующим, разумным, старательным, справедливо вершил суд, был щедрым и всегда помогал бедным. Он умер в Толедо, и его наследовал его сын Рихимер¹⁷. О воцарении Сисенанда Родриго говорит весьма скупо, упоминая только, что тот захватил власть как тиран¹⁸. Для восстановления более подробной картины разберем источники, которыми пользовался автор.

Источник первого отрывка установить довольно просто — перед нами пересказ «Истории готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского, современника королей Свинтилы и Сисенанда¹⁹. Исидор, епископ Севильи с 590

¹⁷ *Rod. Tol. Hist. reb. Hisp. II.8*: Gloriosissimus Suyntila filius Recharedi suscepit diuina gracia regni sceptra era DCLXIII et regnauit annos X. <...> Preter has militaris glorie laudes plurime in eo uirtutes regie effulsere, fides, prudencia et industria, in iudiciis examinatio prouida, in regimine cura precipua, circa omnes largitas leta, erga inopes misericordia semper prompta, ita ut non solum princeps populorum, set etiam pater pauperum uocaretur. Toleti propria morte decessit era DCLXXIII. Huius filius Rechimirus in consorcio regni assumptus pari cum patre solio congregauit.

¹⁸ *Rod. Tol. Hist. reb. Hisp. II.9*: Post Suyntilam et Richimirum filium eius cepit regnare Sisenandus era DCLXXIII et regnuit annis V, mensibus XI. Iste per tyrannidem in regni Gothorum solio collocatur.

¹⁹ *Isidori Historia...* 64: Praeter has militaris gloriae laudes plurimae in eo regiae majestatis uirtutes, fides, prudentia, industria, in iudiciis examinatio, strenua in regendo regno cura, praecipua circa omnes munificentia largus, erga indigentes et inopes misericordia satis promptus. Ita ut non solum princeps populorum, sed etiam pater pauperum vocari sit dignus.

по 636 г. — одна из важнейших фигур в истории Испании. Выходец из знатной испано-римской семьи, Исидор получил хорошее образование: он не только прекрасно знал Священное Писание и сочинения Отцов Церкви, но и горячо любил и ценил произведения римских языческих авторов; он разбирался не только в каноническом праве, но также был весьма начитан в сочинениях римских юристов. Произведения Исидора Севильского касались самых разных вопросов: среди них есть и теологические, и морализаторские сочинения, монашеский устав, и грамматические трактаты (как, например, его знаменитая энциклопедия «Этимологии, или Начала», охватывающая все сферы античного знания), и, наконец, два исторических произведения — «Хроника» и «История королей готов, вандалов и свевов»²⁰.

В Исидоровой «Хронике» повествование доведено до 616 г. (четвертый год правления короля Сисебута), а потому она не представляет сейчас для нас интереса. «История готов, вандалов и свевов» начинается с происхождения готов, а заканчивается как раз правлением Свинтилы, т.е. до 631 г. Также в «Истории...» сказано, что Свинтила назначил соправителем своего сына Рихимера²¹. Что это значит? Напомню, что в Толедском королевстве не было правящей династии: вестготы выбирали из своей среды наиболее могущественного и знатного магната, что, разумеется, порождало волну недовольства и междоусобиц. Во избежание конфликтов короли еще при жизни стремились назначить себе соправителя — сына или брата: это обеспечивало относительно бескровную и спокойную передачу власти²². Тем

²⁰ Подробнее об Исидоре см.: Уколова В.И. Исидор Севильский как деятель культуры раннего Средневековья // Проблемы испанской истории. М., 1984. С. 176–190; Она же. Античное наследие и культура раннего Средневековья (конец V — середина VII в.). М., 1989; Fontaine J. Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. P., 1959; Madoz J. San Isidoro de Sevilla: semblanza de su personalidad literaria. León, 1960; Díaz y Díaz M.C. Introducción general // Isidoro de Sevilla. Etimologías / J. Oroz Reta, M.-A. Marcos Casquero, eds. Madrid, 1982. P. 6–257; Cazier P. Isidore de Séville et la naissance de l'Espagne catholique. P., 1994 и т. д.

²¹ Isidori Historia... 65: Hujus filius Racimirus in consortium regni assumptus...

²² О проблеме наследования и передачи власти см.: Torres López M. El Derecho y el Estado // Menéndez Pidal R. Historia de España. 5 ed. Madrid, 1985. T. III. España visigoda. P. 229; Ziegler A. K. Church and State in Visigothic Spain. Washington, 1930. P. 16–19; Orlandis J. La Iglesia Visigoda y los problemas de la sucesión al trono en el siglo VII // Le Chiese nei regni dell'Europa Occidentale e i loro rapporti con Roma sino all' 800. Programma della settimana di Studio. Spoleto, 1960. T. 1. P. 333–352; Sánchez-Albornoz C. La ordinatio principis en la España goda y postvisigoda // Estudios sobre las instituciones medievales españolas. México, 1965. P. 705–718; Valdeavellano L G. de. Curso de Historia de las Instituciones españolas (De los orígenes a la Baja Edad Media). Madrid, 1973. P. 192–196; González T. La iglesia desde la conversión de Reccared hasta la invasión árabe // Historia de la Iglesia en España / Dirigida por R.G. Villoslada. Madrid, 1979. T. 1. P. 435–487.

Золотой триенс Иудилы

не менее наряду с подобной тенденцией существовала практика занимать престол силой. Франкский хронист Фредегар, о сочинении ниже будет сказано подробнее, с отвращением назвал этот обычай *morbum Gotthorum* — болезнью готов²³. Иначе говоря, в вестготскую эпоху мятеж Сисенанда не был из ряда вон выходящим событием. Более того, официально он даже не был признан мятежом.

Необычайно интересная трактовка действий Сисенанда содержится в канонах IV Толедского собора, проходившего под председательством Исидора Севильского. В 631 г., когда Сисенанд сверг короля Свинтилу (а не просто воцарился после смерти Рихимера, как повествует Родриго Толедский и вслед за ним составитель «Первой всеобщей хроники»), он не располагал достаточными силами для удержания власти: против него поднялся мятеж в окрестностях Гранады и Мерида под руководством некоего Иудилы²⁴. Сисенанд явно нуждался в легитимации власти. Такую поддержку ему мог дать лишь общегосударственный церковный собор, участники которого, выступая от имени своей паствы, узаконили бы его узурпацию. Чтобы не допустить начала новых междоусобиц и нового этапа борьбы за власть, отцы IV Толедского собора 633 г. признали Сисенанда законным правителем. Однако во избежание повторения захватов трона и сопутствующих им вооруженных конфликтов участники собора попытались законодательно запретить захват власти и упрочить авторитет законного правителя. Этому был посвящен семьдесят пятый канон IV Толедского собора. Сам собор и особенно этот канон знаменует собой окончательное оформление нового политического порядка — так называемой «вестготской симфонии» Церкви и королевской

²³ *Fred. Chron.* IV. 82.

²⁴ Клауде Д. История вестготов. СПб., 2000. С. 132–133. О личности Иудилы см.: *García Moreno L.A.* Judila, rey godo y también gran general del rey Suintila? // *Homenaje al profesor Eloy Benito Ruano*. Madrid, 2010. P. 331–341.

власти, начало которой было положено на III Толедском соборе²⁵, и в этом смысле внимание средневековых хронистов к семьдесят пятому канону отнюдь не случайно. В чем же состояло новшество этого канона?

Отцы собора, проходившего под председательством Исидора Севильского и при его активном участии, впервые в истории Толедского королевства сформулировали принцип избрания нового правителя. Они постановили, что король избирается представителями Церкви и знати при полном их согласии²⁶, что должно было если не предотвратить, то уменьшить недовольство магнатов. Отцы собора установили весьма суровое наказание для преступников. Тех, кто покушается на жизнь и трон правителя, следовало предать анафеме и отлучить от Церкви²⁷. Этот приговор, необычайно страстный и торжественный, с небольшими изменениями был повторен трижды, вероятно, чтобы усилить производимый им эффект. Преступление против короля фактически приравнивалось к преступлению «против родины и народа готов» — самому тяжкому злодеянию, которые только можно себе представить²⁸.

Далее участники собора провозгласили Сисенанда законным правителем и осудили прежнего короля, Свинтилу, за жестокость и совершенные им злодеяния. По сути, противопоставив «положительного» Сисенанда

²⁵ Подробнее см.: Pérez Pujol E. Historia de las instituciones sociales de la España Goda. T. 3: Libro segundo. Parte especial. Instituciones para el fin moral y religioso. La Iglesia. Instituciones científicas. Valencia, 1896. P. 350—365; Ziegler A.K. Church and State in Visigothic Spain. Washington, 1930. P. 32—35; González T. La iglesia desde la conversión de Recaredo hasta la invasión árabe. P. 415—422; King P.D. Law and Society in the Visigothic Kingdom. Cambridge, 1972. P. 125—132; Stocking R. Bishops, Councils, and Consensus in the Visigothic Kingdom, 589—633. Michigan, 2000. P. 174—177; Castellanos S. Los godos y la cruz. Recaredo y la unidad de Spania. Madrid, 2007. P. 212—267 etc.

²⁶ Conc. de Toledo IV (633). can. 75: ...sed defuncto in pace principe *primatus totius gentis cum sacerdotibus* successorem regni concilio communi constituent... См.: Orlandis Rovira J. El poder real y la sucesión al trono en la monarquía visigoda // Estudios visigóticos. T. III. Roma — Madrid, 1962. P. 84—85; Orlandis Rovira J., Ramos-Lissón D. Historia de los concilios de la España romana y visigoda. Pamplona, 1986. P. 295.

²⁷ Conc. de Toledo IV (633). can. 75: Quicumque igitur a nobis vel totius Spaniae populis qualibet coniuratione vel studio sacramentum fidei suae, quod patriae gentisque Gothorum statu vel observatione regiae salutis pollicitus est temptaverit aut regem nece adtrexaverit aut potestatem regni exuerat aut praesumptione tyrannica regni fastigium usurpaverit, anathema sit in conspectu Dei Patris et angelorum, atque *ab ecclesia catholica* quam periurio profanaverit efficiatur *extraneus et ab omni coetu christianorum alienus* cum omnibus impietatis suae sociis, quia oportet ut una poena teneat obnoxios quos similis error invenerit implicatos.

²⁸ Conc. de Toledo IV (633). can. 75: Quicumque <...> sacramentum fidei suae quod *pro patriae salute gentisque Gothorum statu vel incolumnitate regiae potestatis* pollicitus est, violaverit...

собора подразумевали назначение Рихимера соправителем Свинтилы с перспективой передачи ему власти. Можно предположить, что и угнетение неимущих, и раздача наиболее значимых должностей входили в число преступлений, совершенных бывшим монархом. Он поступал несправедливо и не заботился о благе подданных, поэтому и потерял трон, ведь, согласно максиме Исидора, тот, кто поступает не как правитель, перестает им быть³². Поэтому настоящим королем, согласно логике участников собора, мог стать только милосердный Сисенанд, но не жестокий Свинтила.

Таким образом, уже в вестготскую эпоху личность короля Свинтилы, как и его правление, оценивалась двояко. В «Истории готов...», написанной в эпоху его правления, он предстает мудрым и справедливым правителем; напротив, в актах IV Толедского собора, созванного по инициативе его противника, отнявшего у него трон, Свинтила назван алчным и несправедливым. Характерно, что обе столь противоречивые оценки исходили от Исидора Севильского — автора «Истории готов...» и председателя IV Толедского собора³³. При этом мятеж Сисенанда квалифицировался отцами собора как освобождение, а не как тиранический захват власти.

Между тем Родриго Толедский говорит о том, что Сисенанд «подобно тирану расположился на престоле королевства готов»³⁴, хотя и не объясняет, в чем, собственно, заключается тиранический захват власти. Текст настолько лаконичен, что его трудно понять до конца. Так, ключевую для нас фразу *post Suyntilam et Richimirum filium eius cepit regnare Sisenandus* можно прочесть в причинном смысле, что Сисенанд начал править *после смерти* Свинтилы и Рихимера, или же во временном смысле, что Сисенанд начал править *после* Свинтилы и Рихимера. Составители «Первой всеобщей хроники» придерживались первой трактовки³⁵, однако тогда остается непонятным, почему же Сисенанд все-таки назван тираном, если законный правитель умер своей смертью. Если же принять вторую трактовку, то можно домыслить, что Сисенанд сверг Рихимера и правил после него.

³² Isidori Etym. IX.5.4: Rex eris, si recte facias: si non facias, non eris.

³³ См. об этом: García Moreno L.A. La oposición a Suintila... // Polis. 1991. 3. P. 16–17; Wood J. The Politics of Identity in Visigothic Spain. Religion and Power in the Histories of Isidore of Seville. Leiden — Boston, 2012. P. 5–7.

³⁴ Rod. Tol. Hist. reb. Hisp. II.9: Post Suyntilam et Richimirum filium eius cepit regnare Sisenandus era DCLXXIII et regnuit annis V, mensibus XI. Iste per tyrannidem in regni Gothorum solio collocatur.

³⁵ PCG. 495: El rey Suyntilla seyendo aun uiuo regnaua su fijo Rachimiro con el... E lo uno por la persona, lo al por las costumbres, semeiaua bien a su padre; mas uisco poco despues del.

Сисенанд. Гравюра XVIII в.

В любом случае нарочитая краткость текста, в целом несвойственная этому автору, дает простор для толкования.

По всей видимости, здесь Родриго Хименес де Рада следует за так называемой «Мосарабской хроникой», известной также как «Хроника Исидора Бежского» или «Испанское продолжение»; на эту мысль наводят и текстуальные совпадения³⁶. «Мосарабская хроника» была написана в 754 г. мосарабом (т.е. христианином, проживающим на занятой арабами территории) из Толедо. Тот факт, что автор подробно останавливается на истории церковных соборов, говорит о том, что он, по всей видимости, был священником и имел доступ к архивам Толедской епархии³⁷. Автор «Мосарабской хроники» также расценивает Сисенанда как узурпатора, но не раскрывает причин, позволивших ему сделать такой вывод. Возможно, оба автора сознательно умалчивают о некоторых обстоятельствах воцарения Сисенанда; для восстановления полной картины обратимся к данным франкской хронистики.

³⁶ Cont. hispana. 18: Huius Eraclii temporibus Sisenandus in era DCLXVIII, anno imperii euis vicesimo, Arabum XIII, regnante in eis Amer anno pene expleto, per tirannidem regno Gothorum invaso, quinquennio regali locatus est solio.

³⁷ Martin G. Un récit (la chute du royaume wisigothique d'Espagne dans l'historiographie chrétienne des VIII et IX siècles) // Martin G. Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero. Paris, 1997. P. 13–14.

Мятеж Сисенанда: версия Сигиберта

Источники франкского происхождения — Фредегар († 660) и Сигиберт из Жамблу († 1112), на которого ссылается составитель «Первой всеобщей хроники», упоминают о союзе Сисенанда с королем Дагобертом и вооруженной помощи со стороны франков. Согласно Фредегару, Свинтила, царствовавший десять лет, был очень жестоким правителем, не считавшимся с интересами знатных людей королевства. Тогда против него был составлен заговор, и глава мятежников, Сисенанд, по совету остальных обратился за помощью к Дагоберту, пообещав ему дорогое золотое блюдо из казны готов. Правда, в дальнейшем вместо блюда пришлось отдать двести тысяч солидов³⁸. Сигиберт из Жамблу был более лаконичен, но ошибся в датировке: описываемые им события произошли на 13 лет раньше и царствовал Сисенанд всего пять лет, а не двадцать, как утверждает хронист³⁹. Таким образом, эта версия существовала только в «зарубежной», франкской хронистике, хотя сомневаться в ее правдивости у нас нет никаких оснований.

Понятно и то, почему испанские источники замалчивали этот факт: обозначив его, отцам IV Толедского собора было бы трудно оправдать поступок Сисенанда и его легитимность как правителя. Умолчал о союзе с Дагобертом и автор «Мосарабской хроники», известный под именем Исидора Бежского: он писал свою хронику сразу после арабского завоевания, так что история Толедского королевства представлялась ему своего рода утра-

³⁸ *Fred. Cron. IV. 73: Defuncto Sisebodo rege clementissimo, cui Sintela ante annum circiter successerat in regnum, cum esset Sintela nimium in suis inicus et cum omnibus regni suae primatibus odium incurrerit, cum consilium cytiris Sisenandus quidam ex proceribus ad Dagobertum expetit, ut ei cum exercito auxiliaretur, qualiter Sintilianem degradaret ad regnum. Huius beneficiae repensionem missurium aureum nobelisseum ex tinsauris Gothorum, quem Tursemodus rex ab Agecio patricio acceperat, Dagobertum dare promisit, pensantem auri pondus quinnentus. Quo audito, Dagobertus, ut erat cupedus, exercitum in ausilium Sisenandi de totum regnum Burgundiae bannire precepit. Cumque in Espania devolgatum fuisset, exercitum Francorum ausiliandum Sisenando adgregere, omnis Gotorum exercitus se dicione Sisenando subaegit. Abundancius et Venerandus cum exercito Tolosano tanto usque Cesaragustam civitatem cum Sisenando acceperunt; ibique omnes Goti de regnum Spaniae Sisenandum sublimant in regnum. Abundancius et Venerandus cum exercito Tolosano munerebus onorati revertunt ad proprias sedibus. Dagobertus legationem ad Sisenando rigi Amalgario duce et Venerando dirigit, ut missirium illum quem promiserat eidem dirigerit. Cumque ad Sisenando rego missurium ille legatarius fuisset tradetus, a Gotis per vim tolletur, mec eum exinde excobere permiserunt. Postea, discurrentes legatus, ducenta milia soledus missuriae huius praecium Dagobertus a Sisenandum accipiens, ipsumque pensavit.*

³⁹ *Sigiberti Gemblacensis. Chronica. 644: In Hispaniis Suintilane ob crudelitatem suam a Wisigothis reprobato, Sisenandus per auxilium Dagoberti sublimatus in regnum, regnat annis 20.*

Золотой триенс Свинтилы

ченным «золотым веком», где по определению не может быть иностранной интервенции. Возможно, правда, что он просто не знал об этом, так как опирался только на акты IV Толедского собора. Не желал упоминать о вмешательстве франков и Родриго Хименес де Рада, написавший свою «Историю об испанских событиях» во славу готов, предшественников современного ему Кастильского королевства.

Мятеж Сисенанда и попытка его объяснения в XIII в.

При чтении «Готской истории» возникает впечатление, что Родриго Толедский не знал, как описывать события 631 г. и какую оценку давать королям Свинтиле и Сисенанду. С одной стороны, по его версии, Сисенанд получил власть незаконно, фактически узурпировал трон. С другой стороны, вслед за автором «Мосарабской хроники» Родриго рассказывает, что в царствование Сисенанда был созван IV Толедский собор, имевший огромное значение для истории всей вестготской Церкви⁴⁰. Таким образом, в целом его правление пошло на пользу Церкви и королевству. Этот тезис потом повторяется и в «Первой всеобщей хронике», составитель которой, отдав должное версии Сигиберта, далее придерживается текста Родриго Толедского⁴¹.

При этом в описании правления Свинтилы Родриго Хименес де Рада, как было показано выше, следует «Истории готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского, превозносившего правление Свинтилы. Находясь в плену этого идеального образа, Родриго вынужден дать ему логическое

⁴⁰ Rod. Tol. Hist. de reb. Hisp. II.9.

⁴¹ PCG. 495–497.

завершение, то есть описать достойную смерть этого правителя, не отличающуюся от кончины прочих славных королей. Но тогда воцарение Сисенанда нельзя назвать иначе как тираническое. Если для Исидора Севильского и его современников мятеж Сисенанда хотя и был чрезвычайным событием, но все же мог быть оправдан, то хронисту XIII в. такое оправдание было очень сложно принять. В Толедском королевстве при отсутствии правящей династии королем становился тот магнат, который избирался представителями Церкви и знати, и оставался на троне ровно до тех пор, пока он их устраивал. Однако в Кастилии XIII в. существовала правящая династия, да и власть короля была не в пример сильнее, чем у вестготов, поэтому любой мятеж против законного монарха автоматически считался нелегитимным, а уж мятеж, поддержанный извечными противниками — франками, и вовсе не мог быть оправдан. Именно поэтому при чтении рассказа Родриго Хименеса де Рады возникает ощущение недосказанности.

Оригинальным образом воцарение Сисенанда описано у современника Родриго, Луки Туйского. В своем произведении «Всемирная хроника» Лука излагает следующую последовательность событий: замечательный король Свинтила, мудрый, справедливый и щедрый правитель, скончался в Толедо в почете и славе, оставив двух сыновей, Сисенанда и Хиндасвинта, которые по очереди и стали его преемниками⁴². Надо сказать, что Лука Туйский дальновидно решает сразу две проблемы: легитимности Сисенанда и легитимности короля Хиндасвинта, который по восшествии на престол в 642 г. вырезал представителей многих знатных семейств. Так или иначе версия Луки Туйского не вошла в «Первую всеобщую хронику», возможно, как раз в силу своей неправдоподобности.

Перед составителем «Первой всеобщей хроники» вновь встала проблема оценки правления Свинтилы и мятежа Сисенанда. Основным его источником была «История об испанских событиях», однако в данном случае этого текста было не достаточно: он не освещал полностью события 631 г., не раскрывал причины мятежа Сисенанда и не объяснял, почему он должен считаться тираном. Версию Луки Туйского — своего второго источника — хронист не смог или не захотел принять. Более ранние хрони-

⁴² *Luc. Tud. Chron. mundi. II.83: Praeter has militaris glorie laudes plurime in eo regie maiestatis uirtutes fulsere: fides, prudentia, industria, in iudiciis examinatio strenua, in (regendo) regno [strenua] cura precipua, circa omnes munificentia largus, erga indigentes et inopes misericordia satis promptus, ut non solum princeps populorum, sed etiam pater pauperum uocari sit dignus. Fine proprio Toletio decessit tempore imperatoris Eraclei, relictis duobus filiis Sisnando et Cindasuindo, quos de Theodora filia Sisebuti regis suscepit.*

ки либо вовсе умалчивали об обстоятельствах воцарения Сисенанда, либо, как «Мосарабская хроника», кратко именовали его тираном, незаконно захватившим власть. При таких обстоятельствах хронисту не оставалось ничего другого, как только обратиться к «Хронике» Сигиберта из Жамблу, которую он обычно использовал для описания событий византийской и франкской истории. Приведя версию Сигиберта, он заполнил лакуну в «приглаженном» и неполном рассказе Родриго Толедского. Нельзя также отрицать того, что обращение к тексту Сигиберта было продиктовано желанием составителя продемонстрировать свою эрудицию. Так или иначе, придворный хронист Альфонсо X представил наиболее полную и наиболее объективную (насколько это вообще было возможно) версию событий 631 г.

* * *

История мятежа Сисенанда, его последующего воцарения и легитимации на IV общенациональном соборе в Толедо является одним из важнейших событий истории королевства, ведь именно события 631 г. подтолкнули наиболее образованную часть епископата (прежде всего Исидора Севильского) сформулировать правила избрания монарха и кодекс его поведения. Образ Сисенанда в актах IV Толедского собора весьма идеализирован. О том, что новый король захватил престол благодаря военной помощи франков, умалчивают и отцы собора, и средневековые хронисты.

Хронисты Альфонсо X были первыми, кто попытался осветить эти события максимально подробно и честно. Как правило, при написании «готского раздела» составитель «Хроники...» в основном следовал «Готской истории» Родриго Хименеса де Рады, но в данном случае информации этого источника оказалось явно не достаточно. Хронист впервые обратился к версии Сигиберта и Фредегара и упомянул о том, что Сисенанда поддерживали франки — извечные противники вестготов. Тот факт, что хронист привел эту версию, на мой взгляд, говорит о том, что, помимо чисто идеологической, перед ним стояла другая, не менее важная цель — научно-познавательная, и в данном случае стремление докопаться до истины сыграло решающую роль при выборе источника.

REFERENCES

1. Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Coord. I. Fernández Ordóñez. Valladolid, 2000 etc.
2. Aurov O.V. «Gladio uindice Leuuigildi...»: the King-Reformer in the Face of Memory [«Gladio uindice Leuuigildi...»: korol-reformator pered litzom pamiati] // Vestnik RGGU. Ser. «Istoricheskie nauki. Vseobshhaya istoriya». 2010. № 10. P. 33–50.
3. Aurov O.V. «Deuen leer las estorias...»: the issues and evolution of the Class Identity of Castilian Chivalry (XII–XIV cent.) [«Deuen leer las estorias...»: istoki i razvitie soslovnij identichnosti kastil'skogo rycarstva (XII — seredina XIV v.)] // Socialnaya identichnost srednevekovogo cheloveka. M., 2007. P. 120–127.
4. Aurov O.V. Visigothic Kings-arians after Jordan (Character, Ideology and Symbolism of their Power) [Vestgotskie koroli-ariane posle jepohi Iordana (character, ideologiya i simbolika vlasti)] // Vspomogatelnye istoricheskie discipliny. 2010. № 31. P. 73–103.
5. Castellanos S. Los godos y la cruz. Recaredo y la unidad de Spania. Madrid, 2007.
6. Catalán D. La Estoria de España de Alfonso X. Creación y evolución. Madrid, 1992.
7. Cazier P. Isidore de Séville et la naissance de l'Espagne catholique. P., 1994.
8. Cazier P. Les Sentences d'Isidore de Séville et le IVe Concile de Tolède // Los visigodos. Historia y civilización. Actas de la semana internacional de Estudios Visigóticos. Madrid, 1986.
9. Díaz y Díaz M.C. Introducción general // Isidoro de Sevilla. Etimologías / J. Oroz Reta, M.-A. Marcos Casquero, eds. Madrid, 1982. P. 6–257.
10. Fontaine J. Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. Paris, 1959.
11. García Moreno L.A. Judila, rey godo ¿y también gran general del rey Suintila? // Homenaje al profesor Eloy Benito Ruano. Madrid, 2010.
12. García Moreno L.A. La oposición a Suintila: Iglesia, Monarquía y Nobleza en el Reino Visigodo // Polis. 1991. 3. P. 15–16.
13. González T. La iglesia desde la conversión de Reccared hasta la invasión árabe // Historia de la Iglesia en España / Dirigida por R.G. Villoslada. Madrid, 1979. T. 1. P. 435–487.

14. *Jérez Cabrero E.* El Chronicon mundi de Lucas de Tuy (c. 1238): técnicas compositivas y motivaciones ideológicas. Tesis Doctoral. Universidad Autónoma de Madrid, 2006.
15. *King P.D.* Law and Society in the Visigothic Kingdom. Cambridge, 1972.
16. *Linehan P.* Lucas de Tuy, Rodrigo Jiménez de Rada y las historias alfonsíes // Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Coord. I. Fernández Ordóñez. Valladolid, 2000.
17. *Madoz J.* San Isidoro de Sevilla: semblanza de su personalidad literaria. León, 1960.
18. *Marey A.V.* Friendship and Faith in Spanish Society of XI–XIII cent.: non-legal Controllers of Legal Framework [Druzhba i doverie v ispanskom obshhestve XI–XIII vv.: nepravovye regulatory pravovogo polja]. M., 2011.
19. *Martin G.* Compilation (cinq procédures fondamentales) // Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero. Paris, 1997. P. 107–121.
20. *Martin G.* Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero. Paris, 1997.
21. *Martin G.* Le pouvoir historiographique (l'historien, le roi, le royaume. Le tournant alphonsin) // Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero. Paris, 1997. P. 123–136.
22. *Martin G.* Los intelectuales y la Corona : la obra histórica y literaria // Alfonso X y su época / Coord. M. Rodríguez Llopis. Murcia, 2002. P. 259–285.
23. *Martin G.* Luc de Tuy, Rodrigue de Tolède, leurs traducteurs et leurs compileurs alfonsins. Comparaison segmentaire d'une lexicalisation // L'activité paraphrastique en Espagne au Moyen Age. Cahiers de linguistique hispanique médiévale 14–15. 1989–1990.
24. *Martin G.* Un récit (la chute du royaume wisigothique d'Espagne dans l'historiographie chrétienne des VIII et IX siècles) // *Martin G.* Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero. Paris, 1997.
25. *Orlandis J.* El poder real y la sucesión al trono en la monarquía visigoda // Estudios visigóticos. T. III. Roma — Madrid, 1962. P. 84–85.
26. *Orlandis J.* La Iglesia Visigoda y los problemas de la sucesión al trono en el siglo VII // Le Chiese nei regni dell'Europa Occidentale e i loro rapporti con Roma sino all' 800. Programma della settimana di Studio. Spoleto, 1960. T. 1. P. 333–352.
27. *Orlandis J., Ramos-Lissón D.* Historia de los concilios de la España romana y visigoda. Pamplona, 1986. P. 295.
28. *Pérez Pujol E.* Historia de las instituciones sociales de la España Goda. T. 3: Libro segundo. Parte especial. Instituciones para el fin moral y religioso. La Iglesia. Instituciones científicas. Valencia, 1896. P. 350–365.

29. *Sánchez Alonso B.* Historia de la historiografía medieval española. Madrid, 1947.
30. *Sánchez-Albornoz C.* La ordinatio principis en la España goda y postvisigoda // Estudios sobre las instituciones medievales españolas. México, 1965. P. 705–718.
31. *Spiegel G.* Romancing the Past: the Rise of Vernacular Prose Historiography in Thirteenth-Century France. Berkeley-Los Angeles-Oxford, 1993.
32. *Stocking R.* Bishops, Councils, and Consensus in the Visigothic Kingdom, 589–633. Michigan, 2000.
33. *Torres López M.* El Derecho y el Estado // *Menéndez Pidal R.* Historia de España. 5 ed. Madrid, 1985. T. III. España visigoda.
34. *Uklova V.I.* Isidore of Seville as a Cultural Figure of the Early Middle Ages [Isidor Sevilskii kak deyatel' kul'tury rannego Srednevekoviya] // Problemy ispanskoj istorii. M., 1984. P. 176–190.
35. *Uklova V.I.* The Heritage of Antiquity and a Culture of Early Middle Ages [Antichnoe nasledie i kul'tura rannego Srednevekoviya (konets V — seredina VII v.)] M., 1989.
36. *Valdeavellano L G. de.* Curso de Historia de las Instituciones españolas (De los orígenes a la Baja Edad Media). Madrid, 1973.
37. *Wood J.* The Politics of Identity in Visigothic Spain. Religion and Power in the Histories of Isidore of Seville. Leiden — Boston, 2012.
38. *Ziegler A. K.* Church and State in Visigothic Spain. Washington, 1930.

Ключевые слова:

«Первая всеобщая хроника Испании», Родриго Хименес де Рада, Толедское королевство, средневековые хроники, средневековая историография.

Elena S. Marey

TWO VERSIONS OF SISENAND'S REBELLION IN «PRIMERA CRÓNICA GENERAL DE ESPANNA»

The article describes one of the episodes of the struggle for power in the history of the Visigothic kingdom of Toledo – the Rebellion Dux Sisenand — and its subsequent interpretation in Medieval chronicles up to the famous «Primera Crónica General de Espanna» of King Alfonso the Wise.

In 631, Sisenard, the Dux of the province of Septimania rebelled against the legitimate King Svintila and seized the throne by force. Sisenand's power was legalized at the National IV Council of Toledo. None of the sources from the Iberian Peninsula mention that Sisenand won with the support of Dagobert, King of the Franks. This information can be found in Frankish sources: in the «Chronicle» Fredegar and Sigebert of Gembloux.

Only in the «First General Chronicle of Spain» was first announced, the «Frankish» version of events, along with the recognized version stored in the «De Rebus Hispaniae» of Rodrigo Jiménez de Rada.

According to Rodrigo, who relied on the «Historia gothorum, vandalorum et suevorum» of Isidore of Seville and the «Mozarabic Chronicle», the King Svintila was a fair, merciful and pious ruler, and he ended peacefully his days in Toledo. The circumstances of the accession of Sisenand are described very succinctly. Probably, this brevity and innuendo prompted chroniclers of Alfonso X to seek additional sources.

On the basis of this passage, some conclusions can be made about the principle of making «Primera Crónica General». Apparently, the chroniclers used data of the «De Rebus Hispaniae» of Rodrigo Jiménez de Rada and utilized other chronicles only if their information was incomplete or incomprehensible. The fact that the chronicler presented this version of Frankish historiography with, clearly hostile Visigoths, implies that, in addition to a purely ideological approach was another, equally important purpose — that of education, and in this case the desire to seek the truth played a decisive role in source selection.

 Елена Сергеевна Марей

кандидат исторических наук, старший преподаватель школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

О.В. Ауров

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ В РОССИИ И СССР

Люди, эпохи, идеи

З аглавие этого очерка предполагает задачи гораздо более широкие, чем это позволяют ограниченные рамки небольшой статьи. К настоящему времени российская школа изучения истории средневековой Испании достаточно велика как по числу представителей, так и по объему сделанного. Поэтому с самого

начала должен оговорить тот факт, что эта статья не является полноценным историографическим исследованием и ни в содержательном, ни в библиографическом плане не претендует на отражение всех научных концепций истории Испании, сложившихся в отечественной медиевистике. Разумеется, такая работа необходима. Но это остается делом будущего, тем более что целый ряд исследований по разным причинам до сих пор остаются неопубликованными.

Свою цель я вижу лишь в том, чтобы сделать первый шаг к решению этой грандиозной задачи. А именно: во-первых, обобщить данные о персональном составе тех, кто занимался и занимается изучением средневековой христианской Испании¹ в исторической России, Советском Союзе и странах быв-

¹ Соответственно, вне моего поля зрения остаются работы по истории средневекового испанского искусства, востоковедению (история и культура аль-Андалуса), а также по истории средневековой Португалии, что объясняется исключительно соображениями объема.

шего СССР, и, во-вторых, представить гамму научных интересов отечественных испанистов-медиевистов с учетом той эволюции, которую эти интересы претерпели. Об актуальности решения этих, относительно скромных, задач свидетельствует, прежде всего, тот естественный факт, что любые, даже самые основательные и фундаментальные историографические обзоры со временем неизбежно нуждаются в дополнении и определенном уточнении с учетом вновь возникающих обстоятельств².

Пытаясь добиться максимально возможной точности, я стремился получить как можно более широкий круг информации непосредственно из первых рук, от своих коллег, которые не только щедро поделились со мной данными о своей работе, но и сообщали важную, порой уникальную, информацию о себе и своих учителях, за что я приношу им глубокую и искреннюю благодарность.

* * *

Несмотря на то, что история российско-испанских политических и культурных связей восходит к XVII в., первые оригинальные исследования по истории средневековой Испании появились лишь на рубеже XIX—XX столетий, то есть тогда, когда образованное русское общество уже имело весьма целостное

² См.: Пичугина И.С. Изучение средневековой Испании в советской историографии // Средние века. 1958. Вып. 13. С. 69—78; *Variash O.* Los estudios medievales en la Rusia actual // Medievalismo. Madrid, 1995. N. 5. P. 257—261; *Savenko J.V.* Estado y perspectivas de la investigación de la historia del derecho europeo en Rusia. La Edad Media y los comienzos de la Edad Moderna // Anuario de Historia del Derecho Español. 2005. N. 75. P. 611—640; *Savenko J.V.* Los estudios de fueros y diplomas medievales castellano-leonés en Rusia // Los Fueros de Sepúlveda. II Symposium de Estudios Históricos de Sepúlveda/ Coord. J. Alvarado Planas. Madrid: Editorial Centro de Estudios Ramón Areces, S.A.; UNED, 2006. P. 273—304; Пичугина И.С., Ведюшкин В.А., Попова Г.А. Введение // История Испании. Т. 1: С древнейших времен до конца XVII в. М.: Индрик, 2012. С. 10—17; *Vedyushkin V.* La España de los historiadores rusos (Segunda mitad del siglo XIX — comienzos del siglo XX) // Eslavística Complutense. 2013. N. 14. P. 107—114. Кроме того, насколько мне известно, в 2013 г. в Белоруссии была защищена диссертация на эту тему. См.: *Кваченок В.В.* Социально-экономическое развитие и этнорелигиозная жизнь средневековой Испании в российской историографии XIX — нач. XXI в.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук; специальность 07.00.09 — «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Минск: Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка», 2013; на данный момент эта диссертация остается для меня недоступной; о ее основных выводах я могу судить лишь по статье В.В. Кваченка, которая (в доступной мне версии) содержит ряд неточностей. См.: *Кваченок В.В.* Историография средневековой Испании в работах советских медиевистов // Труд. Профсоюзы. Общество. 2010. № 4; см. также: URL: <http://wap.nkras.forum24.ru/?1-11-0-00000006-000-0-0-1272450520> (дата обращения: 16.01.2015).

представление об основных этапах истории Франции, Германии, Италии, Англии в период Средних веков. В целом, испанский язык и испанская культура, за небольшими исключениями, занимали периферийное положение в системе интересов гуманитарной интеллигенции дореволюционной России, что объяснялось, в целом, невысоким уровнем и относительно низкой интенсивностью испано-русских культурных связей до XX в. (разумеется, по сравнению с тем уровнем, который был достигнут в отношениях с Францией, Великобританией, Австрией или германскими государствами)³.

Однако такое положение не могло продолжаться вечно, прежде всего — в силу крайней интенсивности русско-французских связей. Между тем тесная связь Франции со своим запиренейским соседом рано или поздно должна была отозваться и в России. Так и случилось: впервые интерес к Испании, ее политике и культуре проявился именно в связи с Францией. В контексте Наполеоновских войн в России впервые широко заговорили об Испании, ее народе и его герилье; через посредство французской литературы русский читатель впервые узнал о Сиде⁴ и Дон Жуане; с французского на русский были осуществлены первые переводы великого романа М. де Сервантеса⁵ и т.д.

Аналогичным образом и интерес к испанской истории впервые проявился как бы через призму истории французской. Знаменитый русский историк Иван Васильевич Лучицкий (1845–1918), основные интересы которого были связаны с историей Франции, стал первым из отечественных исследователей, работавших в испанских библиотеках и архивах: осенью 1882 г. он приступил к работе в архивных собраниях Барселоны, Фуа и По. Интерес к поземельной общине в испанских Пиренеях и бегетриям средневековой Кастилии (это исследование так и не было закончено)⁶ также явился развитием его занятий аграрной историей Франции, но вместе с тем стал продолжением исследований

³ См., напр., об этом: Русские в Испании. Книга первая: Век XVII — век XIX /Сост. В.Г. Гринько. М.: Центр книги Рудомино, 2012.

⁴ Помимо известной пьесы П. Корнея, можно вспомнить и о разборе работы о знаменитом рыцаре, написанной выдающимся французским ученым Р. Дози, осуществленном Т.Н. Грановским (1813–1855). См.: *Грановский Т.Н. Испанский эпос. Новые исследования о Сиде* // *Грановский Т.Н. Полное собрание сочинений. Т. 2.* СПб., 1905. С. 255–276. См. также: *История Испании...* С. 10.

⁵ См., напр., об этом: *Бурмистрова Л.М. Русская судьба ламанчского рыцаря* // «Он въезжает из другого века...»: *Дон Кихот в России.* М.: Центр книги Рудомино, 2006. С. 13–19. См. также: *Сервантес в русской литературе.* М.: ВГБИЛ, 1998.

⁶ *Лучицкий И.В. Поземельная община в Пиренеях* // *Отечественные записки.* 1883. № 9. С. 57–78; № 10. С. 467–506; № 12. С. 415–442; *Лучицкий И.В. Бегетрии: очерк из истории испанских учреждений* // *Университетские известия (Киев).* 1882. № 10. С. 404–418; 1883. № 1. С. 20–30.

общинного строя родной Украины, который И.В. Лучицкий пытался встроить в максимально широкий европейский контекст⁷. В тот же период интерес к социальной и экономической истории Испании проявлял также видный ученый и социолог Максим Максимович Ковалевский (1851–1916); однако, насколько мне известно, самостоятельного значения сделанные им наблюдения о средневековой испанской истории все-таки не имеют⁸.

Первым же профессиональным испанистом в России с полным основанием считается ученик И.В. Лучицкого, Владимир Константинович Пискорский (1867–1910). Исследованию его жизненного и творческого пути посвящена значительная по объему литература⁹, а потому позволю себе остановиться лишь на отдельных сюжетах, представляющихся мне особенно значимыми.

Выпускник Киевского университета, который на рубеже XIX–XX вв. обладал замечательной школой медиевистики, В.К. Пискорский был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Темой его научных занятий стала история средневековых кастильских кортесов, а также традиционная для русской медиевистики проблематика, связанная с аграрной историей, разрабатывавшаяся В.К. на материале Каталонии. Решающее значение для формирования Пискорского как ученого имели большие зарубежные командировки 1896–1897 гг., в ходе которых он стажировался в лучших научных учреждениях Европы: в парижской Школе хартий, Школе высших исследований и Коллеж де Франс, страсбургском (тогда — Германия) семинаре выдающегося немецкого специалиста по палеографии и дипломатике Х. Бреслау¹⁰.

После возвращения из командировки и защиты магистерской и докторской диссертаций В.К. Пискорский преподавал в Нежинском педагогическом

⁷ См., напр., об этом: *Лантин П.Ф.* Проблемы общины в трудах И.В. Лучицкого // *Средние века*. Вып. 23. С. 216–228.

⁸ См., напр., об этом: *Vedyushkin V.* La España de los historiadores rusos... P. 108.

⁹ См.: *Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в.* Т. 1. Л., 1929. С. 78–82; *Мильская А.Т., Пичугина И.С.* Русский испанист В.К. Пискорский (1867–1910) // *Проблемы испанской истории*. М., 1975. С. 230–249; *Пичугина И.С.* Эволюция общественно-политических взглядов В.К. Пискорского // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Ч. 2. Калинин, 1978. С. 146; *Мильская А.Т.* Владимир Константинович Пискорский (1867–1910) // *Портреты историков: время и судьбы*. Т. 2: *Всеобщая история*. М., Иерусалим, Университетская книга, Geshtarim, 2000. С. 125–132; *Новикова-Пискорская Е.А.* Из истории российско-испанских научных связей // *Испанский альманах*. Вып. 2: *История и современность*. М., 2010. С. 307–311 и др. Значимым событием стала публикация собственных воспоминаний В.К. Пискорского о его поездке: «Заграничные воспоминания» В.К. Пискорского (Из писем к жене, 1896–1897) / Публикация И.С. Пичугиной, Е.А. Новиковой-Пискорской // *Проблемы испанской истории*. М., 1992. С. 178–191.

¹⁰ [Пискорский В.К.] Отчет о зарубежной командировке приват-доцента университета св. Владимира В. Пискорского за 1896 и 1897 годы // *ЖМНП*. 1898. Т. 320. № 12. С. 19–47.

институте (1899–1905)¹¹ и Казанском университете (1906–1910). Как преподаватель, он зарекомендовал себя человеком либеральных взглядов¹², собственных значительной части русских интеллигентов рубежа веков. О том же свидетельствует и круг его научных интересов: проблема средневекового парламентаризма¹³, а также форм и характера крестьянской зависимости в Каталонии¹⁴. О том же свидетельствует и содержание написанной В.К. Пискорским краткой «Истории Испании и Португалии»¹⁵, охватывающей период от доримских времен до начала XX в., большая часть которой была посвящена периоду Средневековья¹⁶. Прямых учеников-испанистов историк не оставил (наиболее известный из его учеников, Н.П. Грацианский, выбрал основной сферой своей специализации историю Франции).

* * *

Первая мировая война, а за ней — глубочайший национальный кризис, обусловленный революциями 1917 г., Гражданской войной и их последствиями, надолго прервал поступательное развитие гуманитарных наук, в том числе — медиевистики. Испанистика, традиция которой прервалась со смертью В.К. Пискорского, долго не имела никаких шансов возродиться вновь: отношения между Советской Россией-СССР и Испанией на протяжении 20-х — на-

¹¹ Об этом периоде жизни историка сохранились его воспоминания, которые опубликованы. См.: *Пискорский В.К. История моего профессорства в Нежине (1899–1905)* / Публ. А.Е. Москаленко // *История и историки: Историографический ежегодник*. 1979. М., 1982. С. 369–393.

¹² См., напр., об этом: *Добиаш-Рожественская О.А. Выступление на защите кандидатской диссертации И. В. Арского «Аграрный строй Каталонии IX–XII вв.»* (ЛГУ, 29. XI. 1937 г.) // *Добиаш-Рожественская О.А. Культура западноевропейского средневековья*. М., 1987. С. 241.

¹³ Речь идет о знаменитой работе: *Пискорский В.К. Кастильские кортесы в переходную эпоху от Средних веков к Новому времени (1188–1520)*. Киев, 1897. Испанский перевод этой книги — главной из всего, созданного историком, был сделан по просьбе выдающегося медиевиста К. Санчеса-Альборноса в два этапа: сначала — с русского на немецкий, затем (под контролем самого испанского историка) с немецкого на испанский. См.: *Piskorski V. Las Cortes de Castilla en el período de tránsito de la Edad Media a la Moderna, 1188–1520*. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1930 (2-е изд. — 1977 г.).

¹⁴ См.: *Пискорский В.К. Крепостное право в Каталонии в средние века*. Киев, 1901; *Он же. Вопрос о значении и происхождении «шести дурных обычаев» в Каталонии*. Киев, 1899. Последняя работа также была опубликована в Испании. См.: *Piskorski V. El problema de la significación y del origen de los seis «malos usos» en Cataluña*. [Barcelona], 1929.

¹⁵ *Пискорский В.К. История Испании и Португалии*. СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1902.

¹⁶ Там же. С. 8–122 (из 199 страниц, включая библиографию).

чала 30-х гг. оставались прохладными, активное экономическое и культурное сотрудничество практически отсутствовало. Ситуация резко изменилась лишь в середине 30-х гг., особенно — с началом Гражданской войны (1936–1939) в Испании.

Активная и всесторонняя помощь Советского Союза республиканской Испании рассматривалась подавляющей частью советских людей как закономерный внешнеполитический шаг. В среде интеллигенции общее внимание к военно-политическим событиям в Испании способствовало резкому росту интереса к испанскому языку, культуре и истории этой страны. «В событиях борющейся за свою свободу и независимость народной Испании наших дней невольно оживает далекое прошлое этой замечательной страны, этого удивительного народа, вернее народов, вызывающих своим героизмом всеобщее восхищение и преклонение», — писал в тот период ленинградский историк Александр Евгеньевич Кудрявцев (1880–1941)¹⁷, книга которого «Испания в Средние века» (1937) стала первой работой по истории средневекового прошлого далекой пиренейской страны, со времен издания работ В.К. Пискорского.

В контексте настоящей работы фигура А.Е. Кудрявцева, старого большевика, выпускника Юрьевского университета, участника революции 1905 г., представляет существенный интерес, поскольку в 1930-х гг. он стал лидером группы ленинградских историков-испанистов, сформировавшейся в ЛГПИ им. А.И. Герцена¹⁸. В ее состав входили профессор Александр Михайлович Розенберг (1900–1955), ассистент (позднее — доцент) Николай Сергеевич Масленников (1898–1984), а также аспирант (позднее — доцент ЛГУ) Игорь Владимирович Арский (1913–1941) и студент Григорий Николаевич Коломиец (в будущем — известный ученый-латиноамериканист).

Все это были ученые новой, советской, генерации, отношения которой со старшими коллегами были непростыми. И хотя официальная власть, как казалось, находилась на стороне «молодых», порой представители «старой школы» высказывались достаточно резко. В частности, выступая оппонентом при защите кандидатской диссертации И.В. Арским в ноябре 1937 г.¹⁹, О.А. Добиащ-Рождественская в ноябре 1937 г., дав в целом позитивную оценку работе, вместе с тем заметила, что соискателю свойственны «... недопустимая спеш-

¹⁷ Кудрявцев А.Е. Испания в Средние века. Л., 1937. С. 3.

¹⁸ Об этой группе см. обзорную статью И.С. Пичугиной: Пичугина И.С. Изучение средневековой Испании в советской историографии // Средние века. 1958. Вып. 13. С. 69–78.

¹⁹ В 1934–1937 гг. И.В. Арский подготовил диссертацию на тему «Аграрный строй Каталонии IX–XII вв.». Позднее она была опубликована в виде монографии; см: Арский И.В. Очерки по истории средневековой Каталонии до соединения с Арагоном (VIII–XII вв.). Л., 1941.

ность, небрежность, подчас почти что-то худшее: неуважение к читателю, надежда на его рассеянность, на его доверчивость»²⁰.

Сказано жестко, но не без определенных оснований. Действительно, как и сам А.Е. Кудрявцев²¹, И.В. Арский²², говоря словами О.А., «много разбрасывался», занимался чрезмерно широким кругом сюжетов — от раннесредневековой историографии до социальных движений XV—XVI вв. Об их коллегах (А.М. Розенберге, занимавшемся политической историей позднего Средневековья, Н.С. Масленникове, подготовившем диссертацию по материалам «Семи Партид» Альфонсо X, начинающем историке Г.Н. Коломийце²³) это можно сказать в меньшей степени, однако и они не вышли за рамки «малого» историографического жанра — статей и рецензий.

Впрочем, подобное положение стало не столько виной, сколько бедой как ленинградских испанистов, так их коллег, работавших в последующие десятилетия. По понятным причинам для исследователей Испания была надолго закрыта. Работа с рукописными источниками стала практически невозможной; но и доступ к опубликованным памятникам превратился в проблему. При этом библиотечные собрания Советского Союза — включая самые богатые из них, московские и ленинградские, — изначально были относительно небогаты испанскими материалами, а новые публикации — как источников, так и литературы — поступали выборочно, нередко с опозданием, а порой не поступали

²⁰ Добиаиш-Рождественская О.А. Выступление на защите кандидатской диссертации И.В. Арского «Аграрный строй Каталонии IX—XII вв.» (ЛГУ, 29. XI. 1937 г.) // *Добиаиш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья*. М., 1987. С. 239—244.

²¹ Кудрявцев А.Е. Испания в средние века. Л., 1937. См. также: *Он же*. Городские движения в Испании в начале XVI в. (Исторический очерк) // *Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена*. 1941. Т. XLV. С. 6—36; *Он же*. Основные проблемы изучения средневековой Испании // *Культура Испании...* С. 21—42.

²² См.: *Арский И.В.* Последнее десятилетие визиготского государства в средневековых испанских хрониках (701—710) // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. 1935. № 5—6. С. 55—75; *Он же*. Крестьянские войны в Испании в XV в. // *Борьба классов*. 1936. № 5. С. 94—109; *Он же*. Восстание ремесленников в Валенсии. 1519—1522 // *Исторический журнал*. 1938. № 1; *Он же*. Сельская община в готской Испании // *Ученые записки ЛГУ*. 1939. Вып. 4, № 39. С. 191—215; *Он же*. Реконкиста и колонизация в истории средневековой Каталонии // *Культура Испании*. Б.м., 1940. С. 42—68.

²³ *Розенберг А.М.* Коннетабль кастильский Альваро де-Луна и его борьба с силами феодальной реакции // *Ученые записки ЛГПИ*. 1941. Т. XLV. С. 37—78; *Коломиец Г.Н.* Битва при Лас Навас де Толоса (Из истории Реконксты) // Там же. С. 25; *Масленников Н.С.* «Siete Partidas» как исторический памятник // Там же. С. 79—107; *Масленников Н.С.* А.Е. Кудрявцев и проблема Реконксты ...; *Он же*. О предпосылке образования испанской буржуазной нации // *Вопросы истории*. 1954. № 11; *Розенберг А.М.* Восстания против королевской власти в Кастилии в XV в. // *Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена*. 1948. Т. LXVIII, С. 143—191; *Он же*. Франко-испанские отношения в первые годы царствования Людовика XI // *Вопросы истории*. 1946. № 11—12. С. 106—121.

вообще. К этому перечню следует добавить и проблемы с публикацией результатов исследований: число научных журналов существенно сократилось, а издание монографии стало делом долгим и сложным.

Без существенных изменений такая ситуация сохранялась до конца 1990-х гг. В этих условиях создание полноценных фундаментальных трудов по истории средневековой Испании превратилось в существенную проблему. Исследования носили вынужденно фрагментарный, дисперсный характер и в большинстве случаев не выходили за рамки статей и рецензий. И тем не менее колоссальная работа, начатая ленинградскими испанистами, а позднее продолженная их московскими коллегами, имела огромное значение. Ее результатом стал объем знаний о средневековом прошлом Испании и навыков работы с испанскими средневековыми текстами, который позволил создать не только общее представление об основных этапах средневекового прошлого народов Испании, но и значительные заделы на будущее.

Этапный характер носило участие видных представителей ленинградской группы испанистов-медиевистов 1930-х гг. в составлении сборника «Культура Испании» (1940 г.). В работе над книгой, редактором которой выступил один из «отцов-основателей» советской философии истории А.М. Деборин, приняли участие видные ученые — историки, филологи, лингвисты, — как «старой школы», так и советского поколения; в их числе — В.М. Жирмунский, И.Ю. Крачковский, А.А. Смирнов, М.В. Кельин, В.Ф. Шишмарев, М.А. Алпатов, О.А. Добиаш-Рожественская и др. Тем более показательным выглядит присутствие в их ряду А.Е. Кудрявцева («Основные проблемы изучения средневековой Испании») и И.В. Арского («Реконкиста и колонизация в истории средневековой Каталонии»). В целом, сборник представлял собой серьезную заявку на целостную марксистскую трактовку истории и культуры Испании Средних веков и Раннего Нового времени.

Однако эта работа не получила достойного продолжения. История ленинградской испанистики оказалась слишком короткой и закончилась резко и трагично. С началом войны добровольцами на фронт ушли И.В. Арский, Н.С. Масленников и Г.Н. Коломиец. И.В. Арский, сын морского офицера, эрудит, блестящий лингвист, по воспоминаниям О.Л. Вайнштейна, наряду с испанским, английским, французским, немецким владевший также скандинавскими языками, погиб в ноябре 1941 г. в своем первом же бою на «невском пятачке»²⁴. От последствий истощения блокадных месяцев по пути в эвакуа-

²⁴ Книга Памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета, 1941–1945. Вып. первый / Под ред. Т. В. Глушковой. СПб., 1995. С. 20–21. См. также: URL: <http://pobeda.spbu.ru/museum/item/1138-арский-игорь-владимирович-1913-1941> (дата обращения: 16.01.2015).

цию в декабре 1941 г. скончался А.Е. Кудрявцев²⁵. Уже в послевоенное время трагически сложилась судьба А.М. Розенберга, которого, несмотря на всю его крайнюю осторожность²⁶, не минули репрессии позорной кампании «борьбы с космополитизмом»; он ненадолго пережил «вождя народов» и умер в 1955 г.

Н.С. Масленникову и Г.Н. Коломийцу удалось пережить войну и период репрессий, однако, по разным причинам, в послевоенное время их занятия средневековой Испанией также не получили достойного продолжения. Так, Г.Н. Коломиец, ушедший на фронт в июле 1941 г., прошел всю войну, но после 1945 г. не занимался медиевистикой; с начала 1960-х гг. он стал сотрудником ИИА АН СССР²⁷.

Н.С. Масленников, прошедший всю войну, в том числе — ее самые тяжелые годы, которые провел на «невском пятачке», по возвращении, в 1946 г., защитил подготовленную еще до войны кандидатскую диссертацию «Кастильское государство при Альфонсе X Мудром». После этого он еще долго работал на кафедре всеобщей истории ЛГПИ им. Герцена, в том числе — в качестве заведующего, но публиковался мало и скупо. По мнению его дочери, Н.Н. Масленниковой (1927–2010), это было связано с особенностями его характера: «не был честолюбивым и не был настойчивым, когда дело шло о его личных интересах») писал, главным образом, в стол. До начала XVIII в. он довел свои «Очерки истории Испании», готовил исследование о восстании коммуно-неро, много работал с источниками. Ничего из этого не было опубликовано, а в 1970 г. историк тяжело заболел и отошел от активной работы.

Последним профессиональным испанистом, работавшим в Ленинграде в советский период, являлась Мария Борисовна Карасс, в 1955 г. защитившая диссертацию «Толедская деревня XII–XIII вв.»²⁸. К сожалению, мне известно о ней совсем немного: будучи востоковедом-арабистом по образованию, близким к школе И.Ю. Крачковского, она первой приступила к исследованию опубликованного в 1926–1930 гг. А. Гонсалесом Паленсия архива толедских мосарабов, прямых продолжателей традиции христиан, проживавших в му-

²⁵ См.: Педагогические вести. 1999. Апрель. № 5–6. С. 4.

²⁶ На эту черту его характера указывает в ироническом ключе работавший с ним в Государственном Эрмитаже Л.А. Раков. См.: Раков Л.А. В капле воды // Звезда. 2004. № 1.

²⁷ См.: Фруменкова Т.Г. Священная война // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. № 5. С. 7.

²⁸ Карасс М.Б. О хозяйстве толедской деревни // Средние века. 1955. Вып. 7. С. 47–63; Карасс М.Б. Реконкиста и колонизация в истории кастильского крестьянства // Средние века. 1962. Вып. 22. С. 130–158; Карасс М.Б. Архив толедских мосарабов XII–XIII вв. и изучение культурных связей между Востоком и Западом // Институт народов Азии. Москва. Краткие сообщения. 86. 1965. С. 196–202. Все эти данные сообщены мне Г.А. Поповой, за что я выражаю ей самую искреннюю благодарность.

сульманском окружении со времен вестготов. Документы, вошедшие в состав этого собрания и написанные на арабском языке, и стали главным источником исследований М.Б. Карасс, развивавших положения ее диссертации и в основном выдержанных в рамках советской традиции изучения аграрной истории. Именно источник, раскрытие его содержания и представляет главный интерес в статьях ленинградской исследовательницы.

К сожалению, эта работа не была продолжена. Последняя из известных мне статей М.Б. Карасс датируется 1965 г. Вскоре после этого она эмигрировала в Израиль и, насколько можно понять, прекратила академические занятия испанистикой.

Следует, правда, оговориться, что в начале 2000-х гг. к сюжетам из истории средневековой (вестготской) Испании на некоторое время обратился Юлий Беркович Циркин, к этому времени — уже признанный специалист по истории финикийской и римской Испании, попытавшийся обосновать правомерность рассмотрения вестготского периода в испанской истории как части «долгой античности»²⁹. Впрочем, к настоящему времени Ю.Б., для которого свойственна ширина интересов, оставил занятия вестготскими сюжетами и обратился к материалу более раннего времени.

«Вестготские» работы Ю.Б. Циркина стали скорее исключением, подтверждающим правило. Во второй половине 1960-х гг. ленинградская традиция испанистики прервалась. С 1950-х гг. главным центром развития испанистики (в том числе — исследований по истории испанского Средневековья) стала Москва; эта ситуация не изменилась до настоящего времени.

* * *

В значительной степени появление московской школы изучения истории средневековой Испании было предопределено общим направлением развития советской медиевистики. Первым в ряду московских испанистов следует несомненно назвать Александра Рафаиловича Корсунского (1914–1918), имя которого в истории отечественной испанистики следует поставить непосредственно вслед за именем В.К. Пискорского. Символично, что учителем А.Р. стал Николай Павлович Грацианский (1886–1945), ученик В.К. по Казанскому университету. Сам Н.П. Грацианский испанистом не стал: единственная его работа, в той или иной степени связанная

²⁹ Циркин Ю.Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. СПб., 2006; Циркин Ю.Б. Испания от античности к Средневековью. СПб., 2010.

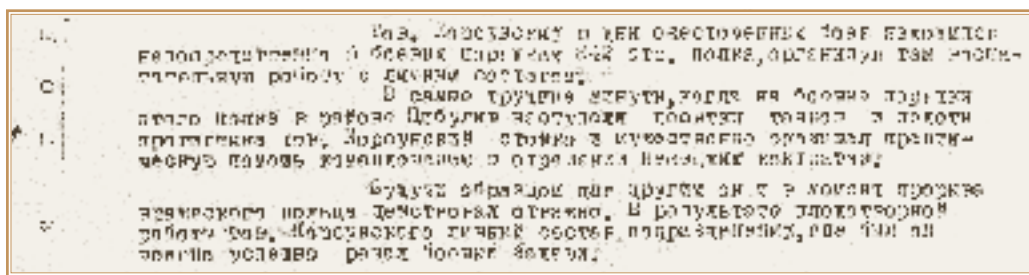
с испанской проблематикой, касается раздела земель у бургундов и вестготов³⁰. Однако интерес к вестготской тематике, по всей видимости, не был случайным и дал начало теме кандидатской диссертации, которую Н.П. поручил своему ученику, аспиранту кафедры истории Средних веков МГПИ А.Р. Корсунскому. 26 мая тот защитил результаты своего исследования по теме «Вестготское государство в VI–VII вв.», которому надлежало стать еще один кирпичиком фундамента здания советской марксистской медиевистики.

А потом началась война. А.Р. Корсунский немедленно направился на фронт добровольно и уже в июле 1941 г., судя по документам, находился в действующей армии, сначала в качестве офицера-артиллериста, а затем — в качестве инструктора политотдела, занимавшегося пропагандой среди войск и населения противника. Скромного, исполнительного и отважного офицера слишком ценило начальство, чтобы позволить ему быстро демобилизоваться. Уйти с военной службы А.Р. удалось только в 1953 г., уже в звании подполковника. После этого он до 1960 г. преподавал историю КПСС на кафедре марксизма-ленинизма Московского института нефтехимической и газовой промышленности им. Губкина. Лишь в 1960 г. он был приглашен на кафедру истории Средних веков исторического факультета МГУ, где в 1965 г. защитил докторскую диссертацию и где проработал до 1980 г. Только в это время А.Р. (не прекращавший своих научных занятий даже в период военной службы) в полной мере вошел в отечественную науку³¹. Поэтому рассказ о его научных занятиях как испаниста целесообразно изложить ниже, где речь пойдет о событиях более позднего времени.

До конца же 1950-х гг. ситуацию в испанистике определяли другие люди, которые пришли к изучению средневековой Испании разными путями: общей была лишь искренняя любовь к изучаемому материалу. Первым в их ряду следует назвать Сергея Васильевича Фрязинова (1891–1971). Представитель последнего довоенного выпуска историко-филологического факультета Московского университета, где он учился у А.Н. Савина, знаменитого специалиста по истории Англии и Франции, С.В., написавший выпускное сочинение по истории Великой французской революции, был оставлен для подготовки к

³⁰ Грацианский Н.П. О разделе земель у бургундов и вестготов // Средние века. 1942. Вып. 1. С. 7–19.

³¹ О жизни и научной деятельности А.Р. Корсунского см.: Москаленко А.Е. Памяти А.Р. Корсунского // Вестник МГУ. Сер. История. 1980. № 4. С. 94–96; Памяти А.Р. Корсунского (1914–1980) // Средние века. 1982. Вып. 45. С. 381–382 (библиографию его трудов см.: Там же. С. 403–406); Мильская Л.Т., Варьяш О.И. А.Р. Корсунский как историк-медиевист // Средние века. 1983. Вып. 46. С. 275–290.

Выдержка из приказа о награждении А.Р. Корсунского орденом Красного Знамени

профессорскому званию. Однако, как и многие его сверстники, диссертацию Фрязинов защитить не успел — помешали революционные события 1917 г. и потрясения последующих лет³².

Докторской диссертации С.В. так и не защитил, несмотря на то, что его научное наследие было достаточно велико: слишком разными сюжетами пришлось заниматься на протяжении всей жизни. Впрочем, в письме своему коллеге и покровителю, членкору АН СССР С.И. Архангельскому, сам С.В. Фрязинов, признавая наличие этой проблемы, указывал на другие причины: «Общая тематика моих работ ... пестра — но так складывалась жизнь, особенно в связи с работой в провинциальных вузах, где в порядке “педагогической нагрузки” превращают преподавателя, за недостатком людей, в своеобразного “универсала”»³³.

В ряду этих интересов средневековая Испания появилась, когда С.В. стал читать специальный курс по истории средневековой Испании на испанском отделении Московского педагогического института иностранных языков, где проработал с 1942 по 1949 г. Затем он был вынужден уйти оттуда и перебраться в Горький, где работал в 1950–1951 гг., до выхода на пенсию, и где читал ряд курсов по истории средневековой Испании. В тот же период он активно занялся научной работой в области испанистики, писал большие «Очерки по истории средневековой Испании» (так и оставшиеся незавершенными). Вероятно, статьи, публиковавшиеся С.В. в этот период, следует рассматривать

³² О жизни и научной деятельности С.В. Фрязинова см.: Пичугина И.С. С.В. Фрязинов — видный советский исследователь средневековой Испании (1891–1971) // Проблемы испанской истории. М.: Наука, 1975. С. 250–251; Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк и педагог Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 6. С. 62–88; Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк Запада в российском провинциальном вузе: Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 377–402.

³³ Цит. по: Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк и педагог Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971)... С. 74.

как наброски отдельных частей этого труда³⁴. Их тематика весьма широка как в хронологическом, так и в содержательном плане — от аграрной истории и истории феодального землевладения Высокого Средневековья до социальных движений Позднего Средневековья. С.В. разрабатывал эту тематику и после выхода на пенсию, однако завершить работу над «Очерками...» так и не смог.

Помимо С.В. Фрязинова, в испанистику в первые послевоенные десятилетия вошли две ученицы академика Сергея Даниловича Сказкина (1890–1973), одного из признанных лидеров советской медиевистики середины XX в., видного специалиста по истории Франции, вынужденного, в силу отсутствия испанистов, своими силами заполнять «испанские» лакуны в трудах обобщающего характера, прежде всего — во всемирной истории. Естественно, «испанские» сюжеты были знакомы ему почти исключительно по литературе. Зато он ориентировал на исследования в этой области Э.Э. Литаврину и И.С. Пичугину.

Эллида Эдуардовна Литаврина (1928–2002) прожила непростую, но яркую и интересную жизнь. Дочь репрессированного, несмотря на прекрасно сданные вступительные экзамены, она смогла поступить в Московский университет лишь после того, как обратилась с письмом к В.М. Молотову. Период учебы также не был безоблачным: в 2000 г. в разговоре со мной она много рассказывала о том, как она, француженка по отцу, пережила страшные события эпохи «борьбы с космополитизмом». В университете под руководством С.Д. Сказкина в 1951 г. она подготовила и успешно защитила дипломную работу по теме «Особенности экономического развития Испании в XVI в.». Однако продолжать занятия по этой тематике не смогла: несмотря на получение диплома с отличием, прекрасную защиту и блестящую лингвистическую подготовку (она владела испанским, французским, английским, немецким и латинским языками), по окончании университета Э.Э. смогла получить работу

³⁴ См.: Фрязинов С.В. Некоторые данные о крестьянских движениях в Кастилии XV в. (Германдиносы и крестьянские германдады; движение в армии при Саморе и Торо) // Ученые записки Горьковского университета. 1957. Вып. 43. С. 109–122; Фрязинов С.В. Из истории феодального землевладения клонийских монастырей в средневековой Кастилии // Ученые записки Горьковского университета. 1959. Вып. 46. Серия историко-филологическая. С. 83–122; Фрязинов С.В. Проблемы Реконкисты как колониационного движения в освещении испанских ученых // Ученые записки Горьковского университета. 1959. Вып. 46. С. 3–30; Фрязинов С.В. К вопросу об уровне сельского хозяйства в кастильской деревне XIII–XIV вв. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 2. С. 185–202; Фрязинов С.В. Феодальная борьба за земли во владениях монастыря в Онье (середина XII — начало XIV вв.) // Ученые записки Горьковского университета. 1958. Вып. 88. Ч. 2. С. 5–36; Фрязинов С.В. Из истории развития феодального землевладения в Астурии и Леоне IX–X в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 2. С. 122–142.

лишь в вечерней школе рабочей молодежи при ЗИЛе. Лишь после XX съезда, реабилитации отца и изменения социально-политического климата в стране она смогла поступить в аспирантуру Института истории АН СССР; в 1957 г. вышла ее первая научная статья по проблематике, связанной с дипломной работой. В 1965 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию «Проблема экономического упадка Испании в XVI — начале XVII в. по сочинениям испанских экономистов XVI—XVII вв.».

К этому времени она уже несколько лет работала в Институте Латинской Америки АН СССР, а в 1966 г., уже в качестве латиноамериканиста, вернулась в Московский университет, где проработала до конца жизни, пройдя путь от ассистента до профессора. Исследования по истории Испании отошли на второй план, хотя статьи по этой тематике Э.Э. Литаврина публиковала еще на протяжении длительного времени. Результаты ее работы как испаниста детально проанализированы В.А. Ведюшкиным, которого, судя по известным мне ее отзывам, она считала одним из наиболее талантливых своих учеников³⁵.

Владимир Александрович Ведюшкин, научные интересы которого в хронологическом плане находятся на стыке Средневековья и Раннего Нового времени, в 1987 г. защитил диссертацию в Институте всеобщей истории АН СССР «Дворянство в социальной структуре Кастилии (вторая половина XVI — первая половина XVII в.)»³⁶. Руководителем этой диссертации являлся известный советский историк А.Н. Чистозвонов (1914—1998), однако общая тональность исследований, тонкость и даже изысканность наблюдений, несомненно, во многом продолжают традицию Э.Э. Литавриной.

В дальнейшем тематика диссертации была развита В.А. в ряде статей, опубликованных в 1980—1990-х гг.³⁷ Подводить результаты его исследовани-

³⁵ См.: Ведюшкин В.А., Щелчков А.А. Элида Эдуардовна Литаврина (1928—2002) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 5: Средние века. Новая и Новейшая история / Отв. ред. Г.И. Севостьянов. М.: Наука, 2010. С. 87—99 (перечень основных трудов Э.Э. Литавриной см.: Там же. С. 99). См. также: Памяти Элиды Эдуардовны Литавриной // Латинская Америка. 2002. № 4. С. 109—111; Э.Э. Литаврина (17.01.1928—21.01.2002) // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 467—477; Литаврина Элида Эдуардовна // Энциклопедический словарь Московского государственного университета. Исторический факультет. М., 2004.

³⁶ Ведюшкин В.А. Дворянство в социальной структуре Кастилии (вторая половина XVI — первая половина XVII в.). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1987.

³⁷ Ведюшкин В.А. Дворянские братства в Кастилии в XVI—XVII вв. // Общности и человек в средневековом мире. М., 1992. С. 139—141; Ведюшкин В.А. Дворянство в борьбе за власть в кастильском городе XV—XVI вв. // Власть и политическая культура в средневековой Европе. Ч. 1. М., 1992. С. 348—355; Ведюшкин В.А. Дворянство в кастильских кортесах (XVI — начало XVII в.) // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме / Ред. Е.В. Гутнова. М., 1985. С. 98—110; Ведюшкин В.А. Представления о знатности в испанских трактатах конца XV—начала XVII в. // Господствующий

ям явно рано: В.А. активно продолжает активную работу; им написаны десятки статей, ряд учебников и учебных пособий по истории Средних веков для высшей и средней школы и т.п. Одним из наиболее значимых результатов его трудов как испаниста стал выход в свет первого тома «Истории Испании» (2012 г.)³⁸. Следует отметить факт значительной (если не решающей) роли В.А. в разработке концепции этого издания, охватывающего период от Античности до конца XVII в., в котором им — непосредственно или в соавторстве — были написаны главы, посвященные истории Кастилии второй половины XIV — середине XV в., эпохе Католических королей, испанской культуре этого времени, а также истории испанской монархии начала XVII в., эпохе Оливареса и культуре Испании Золотого века.

Традицию Э.Э. Литавриной, в известной мере, продолжает и ученица В.А. Ведюшкина, молодая исследовательница Наталья Владимировна Фомина, в 2002 г. защитившая диплом под руководством И.И. Шиловой-Варьяш по политической истории Испании эпохи Католических королей, а в настоящее время под руководством В.А. работающая над диссертацией, посвященной близкой ее учителю тематике, по истории кастильской аристократии рубежа Средневековья и Раннего Нового времени. В первом томе ею (как персонально, так и в соавторстве) написан ряд глав, посвященных истории и культуре Испании XV—XVI вв.

Еще одной ученицей С.Д. Сказкина, изначально занимавшейся Францией, но затем, по рекомендации своего учителя, переключившейся на испанскую проблематику, стала Ирина Сергеевна Пичугина³⁹. Признанный дуаиен отечественной испанистики, она и сегодня продолжает плодотворную работу. На протяжении многих лет она вела большую научную и общественную работу в Институте всеобщей истории. Предмет ее научных интересов менял-

класс феодальной Европы. М., 1989. С. 181—195; Ведюшкин В.А. Экономическое положение кастильской аристократии в XVI в. // Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. М., 1984. С. 151—173. Наиболее полную опубликованную библиографию работ В.А. Ведюшкина последнего времени см.: URL: <http://istina.msu.ru/profile/VedyushkinVA/> (дата обращения: 16.01.2015).

³⁸ История Испании. Т. 1: С древнейших времен до конца XVII в. М.: Индрик, 2012.

³⁹ См.: Пичугина И.С. О положении крестьянства Леона и Кастилии XII—XIII вв. (По данным фуэрос) // Средние века. 1962. Вып. 21. С. 49—60; Пичугина И.С. Из истории средневековых общин-бегетрий Кастилии // Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965; Пичугина И.С. Крестьянство и кортесы Кастилии во второй половине XIII — первой половине XIV вв. // Европа в Средние века: экономика, политика, культура. М., 1972. С. 189—197; Пичугина И.С. Особенности Реконксты в Кастилии XIII—XIV вв. // Проблемы испанской истории. 1979. С. 334—340 и др. Полный перечень публикаций И.С. Пичугиной см.: URL: <http://www.igh.ru/book/authors/pichugina/> (дата обращения: 16.01.2015).

ся с течением времени — от истории кастильского крестьянства, свободных общин-бегетрий до политической истории, прежде всего — истории кортесов. Однако, пожалуй, наиболее значимым направлением ее исследований последних лет стали работы по истории отечественной испанистики, прежде всего — научного и творческого пути В.К. Писковско⁴⁰. Участвовала Ирина Сергеевна и в работе над «Историей Испании», где ею написана часть «Вступления», а также главы, посвященной истории Кастилии и Леона в XII — середине XIV в.⁴¹ Наконец, И.С. Пичугиной принадлежат интересные воспоминания, доступные в сети Интернет в аудиоверсии⁴².

Ученицей С.Д. Сказкина, научные интересы которой непосредственно затронули историю средневековой Испании, является и Виктория Ивановна Уколова. Занятия духовной культурой Раннего Средневековья, прежде всего — наследием Кассиодора и остготской Италии в более широком смысле, в 1970-е гг. закономерно привели ее к исследованию творчества Исидора Севильского и интеллектуального климата его эпохи. Эти сюжеты, наряду с магистральными для В.И. проблемами творчества Кассиодора, получили освещение в ее, пожалуй, наиболее известной работе — монографии «Античное наследие и культура Раннего Средневековья» (М.: Наука, 1989), а также серии статей⁴³. По существу, только с трудами В.И. Уколовой в отечественной историографии были сделаны первые шаги к освоению Исидорова наследия: ранее к этому наследию обращались лишь спорадически. В этом смысле работы В.И. стали серьезным заделом на будущее. Несмотря на то, что среди ее многочисленных учеников практически нет собственно испанистов (за исключением И.И. Шиловой-Варьяш, интересы которой лежат далеко от периода Раннего Средневековья), а сама В.И. в настоящее время занимается почти исключительно позднеантичными сюжетами, сегодня ее дело как испаниста в опреде-

⁴⁰ Писковский В.К. Флорентийский сборник /Ред. М.К. Кеда, Е.А. Новиковой, И.С. Пичугиной. М., Киев, Чернигов: Изд-во ИВИ РАН, 2013. См. также выше прим. 10.

⁴¹ История Испании. Т. 1. С. 25.

⁴² Встреча седьмая: Ирина Сергеевна Пичугина //URL: <http://worldhist.ru/News/426/10430/> (дата обращения: 16.01.2015).

⁴³ Непосредственно творчеству Исидора посвящена глава «Рождение средневекового энциклопедизма. Исидор Севильский». См.: Уколова В.И. Античное наследие и культура Раннего Средневековья. М.: Наука, 1989. С. 207–283. См. также: Уколова В.И. Исидор Севильский и его сочинение «О природе вещей» // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985; Уколова В.И. Исидор Севильский и античная философия // Средние века. 1985. Вып. 48. С. 27–37; Уколова В.И. Исидор Севильский как деятель культуры Раннего Средневековья // Проблемы испанской истории. М., 1984. С. 176–190; Уколова В.И. Мир и человек в мировоззрении Исидора Севильского // Проблемы испанской истории. М., 1987. С. 273–287; Уколова В.И. Первый средневековый энциклопедист // Вопросы истории. 1983. № 6. С. 185–188.

ленной степени продолжают представители молодого поколения исследователей, разных научных школ и специализации.

В их числе — и моя ученица Елена Сергеевна Марей, под руководством которой группа молодых исследователей в составе Михаила Юрьевича Биркина и Сергея Александровича Воронцова завершила работу над переводом Исидоровых «Дифференций». В 2011 г. ею была защищена диссертация, касающаяся правовых представлений Исидора Севильского, а в 2014 г. вышла монография, написанная на ее основе⁴⁴. Кроме того, проблематику, связанную с богословскими представлениями Исидора, разрабатывает другой молодой ученый — уже упоминавшийся выше С.А. Воронцов, кандидат богословия, преподаватель Богословского факультета ПСТГУ⁴⁵, а представления Исидора о епископской власти — М.Ю. Биркин. Наконец, нельзя не упомянуть также о проекте полного перевода на русский язык Исидоровых «Этимологий», реализуемом выпускником Философского факультета СПбГУ Л.А. Харитоновым⁴⁶. Таким образом, традиции, заложенные В.И. Уколовой, продолжают развиваться.

Разумеется, мои замечания о результатах научной деятельности В.И. Уколовой носят характер наброска, тем более что гораздо лучше и глубже, чем я, это уже сделал один из ее любимых учеников П.П. Шкаренков, к статье которого я с удовольствием переадресую читателей, интересующихся деталями⁴⁷.

* * *

В 1960-х гг. ситуация в испанистике резко изменилась, прежде всего — как за счет притока молодых исследователей, так и за счет обращения к испанской проблематике исследователей, ранее занимавшихся иными сюжетами. Прежде всего, в 1960-х гг. как испанист выступила Лидия Тихоновна Мильская (1924–2006), ранее занимавшаяся исключительно историей раннесредневековой Германии⁴⁸. Она прошла школу видного отечественного медиевиста

⁴⁴ Марей Е.С. Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2014.

⁴⁵ См., напр.: URL: <http://pstgu.ru/faculties/theological/chairs/apologetics/common/> (дата обращения: 16.01.2015).

⁴⁶ Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. В 20 кн. Кн. 1–3. Семь свободных искусств / Пер., ст., прим. и коммент. Л.А. Харитонova. СПб.: Евразия, 2006.

⁴⁷ Шкаренков П.П. «Translator temporis». Виктория Ивановна Уколова — человек, ученый, педагог / П.П. Шкаренков // Средние века. 2004. Вып. 65. С. 174–198.

⁴⁸ О жизни и научной деятельности Л.Т. Мильской см.: Лидия Тихоновна Мильская // Новая и Новейшая история. 2006. № 6. С. 218; Мильская Лидия Тихоновна (1924–2006, ИВИ РАН) // URL: <http://www.srednieveka.ru/author/id304> (дата обращения: 22.01.2015).

А.И. Неусыхина (1898–1969), но также испытала и значительное влияние идей Н.П. Грацианского, с которым познакомилась еще в школьные годы и в спецсеминаре которого занималась до самой смерти ученого⁴⁹.

Это неожиданное расширение исследовательского поля принесло позитивные плоды. В 1962 г. появилась ее монография, положения которой впоследствии были развиты в ряде статей⁵⁰, которые принесли ей заслуженное признание не только в нашей стране, но и в среде каталонских историков, внимательно отслеживающих все, что касается внимания к их исторической области за пределами Испании. Наконец (но далеко не в последнюю очередь), Л.Т. Мильская оставила целый ряд работ по историографии, наиболее значимые из которых вошли во второй том издания «Портреты историков: время и судьбы»; в частности, в него вошли уже упоминавшиеся главы, посвященные В.К. Пискорскому, Н.П. Грацианскому и А.Р. Корсунскому. К сожалению, настоящих историографических работ о научном творчестве Л.Т. Мильской еще не написано; уверен, что это — дело будущего. Отдельного замечания заслуживает колоссальная научно-организационная работа, проводившаяся Л.Т. Мильской, в том числе — как многолетним сотрудником редакции ежегодника «Средние века»⁵¹.

На рубеже 1960–1970-х гг. в испанистику вошел Николай Петрович Денисенко (1941–2007). Выпускник Ленинградского университета, он закончил аспирантуру ИВИ АН СССР под руководством уже упоминавшегося А.Н. Чистозвонова и по прошествии некоторого времени защитил кандидатскую диссертацию по теме «Аграрный строй Кастилии в XVI в.» (1980). В 1977 г. он был приглашен на работу во вновь основанный Ивановский университет, где и проработал до 1998 г.

⁴⁹ См. об этом: Мильская Л.Т. Николай Павлович Грацианский (1886–1945)... С. 179–180.

⁵⁰ Мильская Л.Т. Очерки истории деревни в Каталонии. М., 1962; Она же. К вопросу о характере землевладения в Астурии IX–XII вв. (По документам епископства Овьедо) // Средние века. 1967. Вып. 30. С. 84–102; Мильская Л.Т. Аграрное развитие Каталонии и окружающая среда (XII — начало XIII в.) // Средние века. 1981. Вып. 44. С. 117–135; Мильская Л.Т. Пригородное землевладение арабов и Реконкиста в Каталонии XII в. // Проблемы испанской истории. М., 1984. С. 158–165; Мильская Л.Т. К вопросу о структуре господствующего класса в Каталонии X–XII вв. // Средние века. 1984. Вып. 47. С. 21–28; Мильская Л.Т. К вопросу о судьбах общины в Каталонии (X–XII вв.) // Средние века. 1985. Вып. 48. С. 38–46; Мильская Л.Т. Отчеты управляющих доменами графов-королей Каталонии — издание нового источника // Средние века. 1988. Вып. 51. С. 284–287 и др. Отмечу также активное участие Л.Т. Мильской в работе над первым томом издания «История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма» (М.: Наука, 1985) и над вторым томом «Истории Европы» (М.: Наука, 1992).

⁵¹ Подробно об этом см.: Мильская Лидия Тихоновна (1924–2006, ИВИ РАН) // URL: <http://www.srednieveka.ru/author/id304> (дата обращения: 22.01.2015).

Помещенный в этом же номере журнала текст Г.В. Савенко снимает проблему характеристики круга научных интересов Н.П. Отмечу лишь, что он был весьма широк — от аграрной истории позднесредневековой Испании до истории испанского абсолютизма⁵². Кроме того, Н.П. активно занимался переводами со средневекового кастильского языка, перевел отдельные статьи таких значимых средневековых памятников, как фуэро Тревиньо 1254 г., фуэро Теруэля (1177 г.), Старого фуэро Кастилии (1256 г.) и ряда других текстов, включая завещание Изабеллы Кастильской.

После того как Н.П. отошел от дел и переехал в Белгород, где и закончился его жизненный путь, эта традиция была продолжена в трудах его ученика Георгия Владимировича Савенко, главной работой которого следует считать перевод на русский язык кастильских версий фуэро Куэнки и Сепульведы (2004)⁵³. В целом же, предмет научных интересов Г.В. составляют история испанского права эпохи Высокого Средневековья (прежде всего — история юридической техники этого времени, изучению которой была посвящена его диссертация кандидата юридических наук), а также историография отечественной испанистики (главная статья на эту тему опубликована в 2005 г. в «Ежегоднике истории испанского права»)⁵⁴.

* * *

Большая часть испанистов, работающих в науке в настоящее время, принадлежит к традиции, основы которой были заложены уже упоминавшимся А.Р. Корсунским. Человек довоенного поколения, как ученый он в наибольшей степени проявил себя в 1960–1970-х гг., на которые приходится время его преподавания в Московском университете и выход научных трудов, принесших ему значительную известность как среди отечественных, так и

⁵² См.: *Денисенко Н.П.* Проблемы аграрной истории Испании XVI в. в зарубежной буржуазной историографии // *Средние века.* 1975. Вып. 39. С. 211–224; *Денисенко Н.П.* Отчуждение земель королевской властью в Испании в XVI в. // *Средние века.* 1976. Вып. 40. С. 172–183; *Денисенко Н.П.* Кастильская деревня в XVI в. (К характеристике производительных сил) // *Средние века.* 1985. Вып. 48. С. 125–140; *Он же.* Испанская корона и крестьянство в XVI в. // *Россия и Испания: историческая ретроспектива.* М., 1987. С. 230–241 и др.

⁵³ *Памятники права средневековой Испании: Фуэро Куэнки. Фуэро Сепульведы* / Пред., перев. и коммент. Г.В. Савенко / Под ред. В.А. Томсинова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2004 (Серия: «Памятники права зарубежных стран»).

⁵⁴ *Savenko J.V.* Estado y perspectivas de la investigación de la historia del derecho europeo en Rusia. La Edad Media y los comienzos de la Edad Moderna // *Anuario de Historia del Derecho Español.* 2005. T. 75. P. 611–640.

среди зарубежных ученых. Будучи в первую очередь исследователем вестготской Испании, истории которой были посвящены его кандидатская и докторская диссертации (1965 г.)⁵⁵, он воплотил результаты своих многолетних исследований, начатых еще в предвоенные годы и продолженных серией статей, опубликованных в 1950–1963 гг.⁵⁶ В 1969 г. вышла в свет его главная работа — «Готская Испания», в которой рассматривались ключевые вопросы политической и социально-экономической истории Тулузского и Толедского королевств вестготов⁵⁷.

Эта книга не является легким чтением. Она написана жестким, аскетичным языком, свойственным немецкой медиевистике рубежа XIX–XX вв. Для того чтобы оценить выводы автора, надо глубоко вчитаться в его текст, пройти по его примечаниям, прежде всего — на многочисленные источники, которые А.Р. знал всесторонне и глубоко. Несмотря на то, что книга писалась в СССР, наука которого была во многом изолирована от мировой, в монографии содержатся ссылки на важнейшие работы того времени, как если бы автор писал свою книгу в Мадриде, Париже или Геттингене.

Детальный анализ текста этой, да и других монографий Корсунского выходит за пределы задач настоящей статьи⁵⁸. Поэтому ограничусь лишь замечанием о том, что работа была встречена с большим интересом и за пределами СССР, в том числе — в Испании, где о ее содержании в разное время позитивно отзывались А. Иглесия Феррейрос (Барселона), К. Петит (Уэльва), а совсем недавно, в личной беседе со мной, — А. Гарсия Морено (Мадрид), знавший А.Р. лично. Такая оценка стоила тем больше, что отнюдь не предполагала согласия с мировоззрением и политическими взглядами А.Р. Корсунского. Разрабатывавшаяся им история революционного перехода от Античности к Средневековью, наиболее последовательно изложенная в их совместной работе с восточногерманским историком Р. Гюнтером, носила четко выраженный марксистский характер⁵⁹. Такие же взгляды были характерны и для мно-

⁵⁵ «Основные вопросы истории Испании V–VII вв.»; защищена на Историческом факультете МГУ.

⁵⁶ См. полный список трудов А.Р. Корсунского (Средние века. 1982. Вып. 45. С. 403–406).

⁵⁷ *Корсунский А.Р.* Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М., 1969.

⁵⁸ Об оценке работы современниками историка см., напр., рецензию А.Д. Люблинской (Люблинская А.Д. [Рец.] Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 328 // Вопросы истории. 1972. С. 163–165; Мильская Л.Т., Варьяш О.И. А.Р. Корсунский как историк-медиевист // Средние века. 1982. Вып. 46. С. 275–290.

⁵⁹ См.: *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984. См. также: *Корсунский А.Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; *Корсунский А.Р.* Проблемы

гих его учеников; в частности, покойный С.Д. Червонов во второй половине 1980-х гг. вполне искренне говорил мне, тогда ее только начинавшему свою студенческую жизнь, что история средневековой Испании является блестящим подтверждением марксистского понимания истории.

Особенности вклада А.Р. в науку заключаются в плодотворной и планомерной работе, связанной с освоением все новых источников и новых сюжетов, значительная часть которых имела самое непосредственное отношение к истории средневековой Испании, в том числе и за пределами вестготского периода. Именно А.Р. наметил важнейшие направления исследования испанского Средневековья в своей монографии «История Испании IX–XIII веков» (1976 г.)⁶⁰. Эта книга, написанная как пособие по спецкурсу, в первую очередь представляет собой масштабный план исследований, отдельные аспекты которого постепенно разрабатывали как сам А.Р. Корсунский (написавший ряд статей по социальной и аграрной истории раннесредневекового Астури-Леонского королевства⁶¹), так и его многочисленные ученики.

Безвременная смерть А.Р. в 1980 г. прервала творческий путь ученого. Его работу продолжили многочисленные ученики; не все из них в дальнейшем выбрали испанистику направлением своих исследований, не все смогли остаться в науке, но даже с учетом этого можно уверенно говорить о школе Корсунского, едва ли не самой представительной в отечественной медиевистике.

В числе прямых учеников А.Р. Корсунского выделяю Сергея Тимофеевича Минакова, разрабатывавшего проблемы истории испанского средневекового города на материале опубликованного архива Саагунского монастыря⁶²; в дальнейшем он оставил занятия Средневековьем и занялся отечественной историей XX в., но по-прежнему подчеркивает свою принадлежность к школе Корсунского.

революционного перехода от рабовладельческого строя к феодализму в Западной Европе // Вопросы истории. 1964. № 5. С. 95–111.

⁶⁰ История Испании IX–XIII веков (Социально-экономические отношения и политический строй Астро-Леонского и Леоно-Кастильского королевств). М.: Высшая школа, 1976.

⁶¹ Корсунский А.Р. О крестьянских общинных организациях в Астурии, Леоне и Кастилии в IX–XIII вв. // Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в. включительно). Ч. 1. Минск. С. 145–151; Korsunskij A.R.

⁶² См., напр.: Минаков С.Т. Зависимое крестьянство во владениях Саагунского монастыря в X–XIII вв. // Проблемы всеобщей истории. М., 1977. С. 268–286; Минаков С.Т. Восстание горожан в Саагуне в XI–XII вв. // Вестник МГУ. История. 1978. № 4. С. 71–80; Минаков С.Т. Крупная феодальная вотчина и город в Леоне в X–XIII вв. (По документам Саагунского монастыря). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1984; Минаков С.Т. О характере городских движений XI–XIII вв. в Испании (на примере города Саагун) // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1984. С. 174–184; Минаков С.Т. Социальная структура североиспанского города в XI–XIII вв. // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988. С. 133–138.

Дипломницей А.Р. Корсунского являлась и Елена Александровна Радзиховская, ныне работающая в Одессе. Защитив в 1978 г. диплом по теме «Борьба Леоно-Кастильского королевства с мусульманской Испанией в XI—первой половине XII в.»⁶³, в дальнейшем она занималась историей Арагона и защитила диссертацию по истории отношений Франции и Арагона под руководством Н.А. Хачатурян⁶⁴.

Еще одним учеником А.Р., трагически рано ушедшим из жизни, являлся Сергей Дмитриевич Червонов (1955–1988), яркий, талантливый и обаятельный человек; именно благодаря ему я пришел в испанистику и медиевистику. Прекрасный лингвист, наряду с европейскими языками, изучавший также арабский, он в 1982 г. защитил диссертацию по истории испанского средневекового города по материалам городских хартий и судебных книг — фуэро⁶⁵. Я успел поработать с ним лишь в рамках просеминара второго курса, но его взгляды и личность оказали на меня столь значительное влияние, что я считаю его своим первым учителем. Тем не менее учеником С.Д. Червонова в собственном смысле слова может считать себя только Владимир Анатольевич Кучумов, человек яркий и талантливый, блестящий лингвист, в 1990 г. защитивший диссертацию по истории кортесов средневекового Арагона⁶⁶ и написавший ряд статей на эту тему⁶⁷; по ряду причин в настоящее время занятий медиевистикой он не продолжает.

⁶³ См.: Дипломы, защищенные на кафедре истории Средних веков Исторического факультета МГУ // URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/Medieval/index.html> (дата обращения: 16.01.2015).

⁶⁴ См.: Радзиховская Е.А. Арагоно-Каталонское королевство и Франция во второй половине XIII — начале XIV в. Автореф. дисс. канд. ист. наук М.: МГУ, 1983. <http://onu.edu.ua/ru/structure/faculty/history/oldhist/>. См. также: Экономические идеи испанского купечества конца XIII — первой половины XIV в. (на материалах королевства Арагон) // Общности и человек в средневековом мире. М., 1992. С. 69–71 и др.

⁶⁵ В 2005 г., к 50-летию учителя, группе моих однокурсников при моем участии удалось издать диссертацию и статьи С.Д. Червонова под одной обложкой, добавив свои воспоминания о нем. См.: Червонов С.Д. Испанский средневековый город. М.: б.и., 2005. Там же помещена моя статья о нем: Ауров О.В. Сергей Дмитриевич Червонов и его труды по истории испанского средневекового города // Червонов С.Д. Испанский средневековый город. М.: б.и., 2005. С. 5–18.

⁶⁶ Формальным руководителем диссертации являлась Е.В. Гутнова. Однако и выбор темы, и повседневную работу с В.А. до самой своей смерти вел Сергей Дмитриевич.

⁶⁷ Кучумов В.А. Кортесы Арагона и Каталонии: генезис и специфика // Проблемы испанской истории. 1992. С. 146–159; Он же. Постоянные депутации арагонских и каталонских кортесов в XIII–XV вв. // Испания и Португалия. М., 1996. С. 21–39; Он же. Становление сословно-представительной монархии в Арагоне и Каталонии в 12–15 вв. / Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1990; Он же. Феодалная оппозиция внешнеполитическим планам Альфонсо X Кастильского (50–80-е годы XIII в.) // Господствующий класс феодальной Европы. М., 1988. С. 98–109.

Наиболее видной представительницей школы А.Р. Корсунского несомненно следует считать Ольгу Игоревну Варьяш (1946–2003). Несмотря на свою несправедливо раннюю смерть, она успела сделать очень и очень многое. Начав с исследований по аграрной истории Астура-Леонского королевства, в дальнейшем она включила в сферу своих интересов широкий круг сюжетов — от истории средневекового права до истории средневековой культуры и педагогической мысли. Хотя начиная с 1980-х гг. О.И. работала в первую очередь как специалист по истории средневековой Португалии, она оставалась испанистом до конца жизни, написала десятки работ на эту тему⁶⁸ и подготовила целый ряд учеников, воспоминания которых об учителе собраны в третьей части посвященного ее памяти сборника «Historia animata»⁶⁹. Кроме того, материалы к биографии О.И. Варьяш (прежде всего — ее письма) включены в сборник «Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в Средние века» (2006 г.). Вступительную статью к сборнику, содержащему, среди прочего, очерки биографии О.И., написал хорошо знавший ее и относившийся к ней с искренним уважением П.Ю. Уваров⁷⁰.

В числе учеников О.И. на первое место следует поставить ее дочь, И.И. Шилову-Варьяш, Г.А. Попову и Г.С. Зеленину⁷¹. К числу ее учеников принадлежу и я, испытывающий к ней глубочайшую благодарность за согласие руководить моей дипломной работой после безвременной смерти С.Д. Червонова. Галина Александровна Попова, старший научный сотрудник ИВИ РАН, в своих научных занятиях продолжала традиции изучения мосарабов, заложенные М.Б. Каррас; именно этой тематике были посвящены ее кандидатская диссертация, защищенная в 2002 г. («Мосарабы Толедо: проблемы идентификации»), и ряд опубликованных в тот же период статей. С течением времени сфера интересов исследовательницы расширяется, частично включив историю вестготского времени и историю средневекового Королевства Толедо как средневекового территориального и политического комплекса. В значительной мере эти новые интересы отразились в написанных Г.А. Поповой, персонально или в соавторстве, главах первого тома «Истории Испании»; они посвящены таким

⁶⁸ Полный перечень трудов О.И. Варьяш см. в кн.: *Варьяш О.И. Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в Средние века* / Сост. и отв. ред. И.И. Варьяш, Г.А. Попова / ИВИ РАН. М.: Наука, 2006.

⁶⁹ *Historia animata. Сборник статей. Ч. 3* / Редкол.: И.И. Варьяш, Е.Н. Кириллова, Г.А. Попова. М.: ИВИ РАН, 2004.

⁷⁰ *Уваров П.Ю. Пунктир ненаписанной книги* // *Варьяш О.И. Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в Средние века* / Сост. и отв. ред. И.И. Варьяш, Г.А. Попова / ИВИ РАН. М.: Наука, 2006. С. 11–24.

⁷¹ Еще одна известная ученица О.А., Е.Е. Бергер, занимается историей Испании Раннего Нового времени.

сюжетам, как история Вестготского королевства, история Астури-Леонского королевства, история Леона и Кастилии в период Высокого Средневековья, и, разумеется, в очерке истории христиан-мосарабов в аль-Андалусе. Квалифицированный исследователь, помимо европейских языков, она владеет еще и арабским, необходимым для работы с мосарабскими материалами. Среди ее учеников — молодая исследовательница Мария Кирилловна Караулова, выпускница РГГУ, защитившая диплом у автора этих строк и продолжающая под руководством Г.А. занятия политической историей Арагона эпохи Позднего Средневековья.

Галина Светлаяровна Зеленина, выпускница РГГУ и аспирантуры ИВИ РАН, работает на стыке медиевистики и гебраистики. Она защитила диссертацию (2005 г.) и опубликовала по ее материалам ряд статей и книгу по истории восприятия крещеных евреев (конверсо) в христианском (прежде всего — придворном) обществе Кастилии и Леона на рубеже Средневековья и Раннего Нового времени⁷². В настоящее время сфера ее научных интересов весьма широка и распространяется на историю евреев разных периодов и регионов Европы; вместе с тем «испанской» проблематики она не оставляет, свидетельством чему явились написанные ею разделы по истории испанских евреев в первом томе «Истории Испании». Г.С. ведет активную преподавательскую деятельность. В настоящее время она является доцентом Центра библеистики и иудаики Российского государственного гуманитарного университета. Вне сомнения, молодую исследовательницу ждут значительные научные перспективы.

Ирина Игоревна Шилова-Варьяш, дочь О.И. Варьяш, продолжает многие из начинаний Ольги Игоревны. Она — признанный историк-испанист, доцент кафедры истории Средних веков Московского университета, специалист, работающий на стыке востоковедения и медиевистики. Ученица В.И. Уколовой, она, разумеется, испытала и влияние взглядов и научных интересов своей матери, с которой была необыкновенно близка до самой смерти О.И. Защитив диссертацию по теме «Право и правовое положение иноконфессионального населения в Испании XIII–XV вв. (на примере мудехаров Арагона)», она опубликовала на ее основе книгу «Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв.» (М., 2001⁷³); еще ранее она выпустила в свет комментированный перевод своего главного источника — «Книги Сунны и Шары мавров», содержащей важные сведения по социальной и правовой

⁷² Зеленина Г.С. От скипетра Иуды к жезлу шута: придворные евреи в средневековой Испании / Институт всеобщей истории РАН. М.: Мосты культуры, 2008.

⁷³ В 2012 г. вышло второе издание книги. См.: Шилова-Варьяш И.И. Правовое пространство ислама в христианской Испании. М., 2012.

истории мусульманского меньшинства в Арагоне⁷⁴. Главной сферой научных интересов И.И. Шиловой-Варьяш остается история средневекового права, в том числе — мусульманского права христианской Испании. В этом смысле она органично продолжает дело, которым на протяжении многих лет занималась ее мать. На эти темы Ириной Игоревной опубликованы десятки статей⁷⁵.

Она ведет активную преподавательскую деятельность, прочла и читает целый ряд специальных общих и специальных курсов. Ею подготовлено 11 дипломников, в числе которых следует выделить Марию Владимировну Рыбину, в 2010 г. защитившую кандидатскую диссертацию по истории кордовских мучеников и опубликовавшую ряд статей на эту тему. В настоящее время она заведует кафедрой истории и политологии Московского государственного машиностроительного университета (МАМИ)⁷⁶. В числе аспирантов И.И. Шиловой-Варьяш, в настоящее время завершающих свои диссертационные исследования, следует назвать Марата Астахова, занимающегося историей взаимоотношений Арагона и Гранадского эмирата и написавшего ряд разделов в первом томе «Истории Испании», Дарью Софронову и будущего португалиста Александра Русанова.

В числе работ самой И.И. Варьяш последнего времени выделяю подготовленные ею главы в первом томе «Истории Испании», посвященные истории Каталонии и Арагона, а также истории мусульманского меньшинства. Несомненно, однако, что ее роль в работе над этим фундаментальным трудом не ограничилась лишь этими главами. Во многом первый том «Истории Испании», вышедший в свет в 2012 г., стал памятником О.И. Варьяш, не только потому, что значительная часть материалов была написана представителями ее школы, но и потому, что в содержании труда ощущается значительное влияние ее концептуальных представлений.

Что касается самого автора этих строк, то в числе своих учителей я должен назвать С.Д. Червонова, О.И. Варьяш и особенно Владимира Ивановича Мажугу, с которым я работал наиболее долго и активно (и с которым продолжаю сотрудничать до сих пор). Сфера моих интересов связана с социальной, правовой и культурной историей Кастилии и Леона эпохи Высокого Средне-

⁷⁴ Книга Сунны и Шары мавров /Пер., коммент., вступ. ст. И.И. Шиловой-Варьяш. М., 1995.

⁷⁵ См. личную страницу И.И. Шиловой-Варьяш на портале Исторического факультета МГУ (URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/Medieval/Staff/Shilova-Varjash.htm> (дата обращения: 16.01.2015)).

⁷⁶ Общие сведения о М.В. Рыбиной см. на портале МАМИ (URL: <http://mami.ru/new/index.php?id=277> (дата обращения: 16.01.2015)).

вековья; по этой теме мной опубликована монография⁷⁷; работать над ней я продолжаю и теперь. Кроме того, начиная с 2005 г. я довольно много работаю над проблемами политической и церковной истории, а также истории права Тулузского и Толедского королевств вестготов; здесь главным результатом стала публикация осуществленного под моим руководством русского перевода «Книги приговоров» («Вестготской правды») в 2012 г.⁷⁸

Ни один из моих проектов — ни прошлых, ни нынешних, — не мог бы успешно завершиться без участия моих учеников, чью помощь и поддержку я ощущаю постоянно и которым очень многим обязан. Не все из них избрали испанистику сферой своих занятий, не все сумели удержаться в науке в наше непростое время. Из тех, кто сумел преодолеть все испытания и доказать свое право на занятие историей средневековой Испании, в первую очередь, выделяю Александра Владимировича Марей и Любовь Витальевну Чернин. А.В. Марей, позднее защитивший диссертацию под руководством видного современного юриста-романиста Д.В. Дождева, — один из лучших специалистов по истории права Кастилии и Леона в период правления Альфонсо X Мудрого, работающих за пределами Испании. Давно уже являющийся самостоятельным исследователем, работы которого известны испанским коллегам и признаны ими, он плодотворно работает в Высшей школе экономики. Его перу принадлежат монография, написанная по материалам кандидатской диссертации⁷⁹, и десятки статей, проблематика которых охватывает сюжеты от Позднего Рима до философии и культуры Испании эпохи Раннего Нового времени⁸⁰.

А.В. Чернин, работающая одновременно в Израиле и в России, представила диссертацию на соискание степени PhD Еврейского университета в Иерусалиме. Она — компетентный специалист в области истории испанских евреев, прежде всего — вестготского времени, опубликовала ряд исследований на эту тему, в том числе — на испанском языке⁸¹. Блестящий переводчик с

⁷⁷ Ауров О.В. Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII — середине XIV в. М.: ИЦ РГГУ, 2012.

⁷⁸ Вестготская правда (Книга приговоров). *Lex Visigothorum (Liber Iudiciorum)*. М.: Изд-во ун-та им. Дмитрия Пожарского, 2012.

⁷⁹ Марей А.В. Язык права средневековой Испании: от законов XII Таблиц до Семи Партид. М.: УРСС, 2008.

⁸⁰ См. страницу А.В. Марей на сайте НИУ ВШЭ (URL: <http://www.hse.ru/org/persons/35436457> (дата обращения: 16.01.2015)).

⁸¹ Чернин А.В. Инструментарий Ранней Схоластики: пример Петра Альфонси // Кентавр/Centaurus: Studia classica et medievalia. Вып. 1. М., 2004. С. 161–178; Чернин А.В. Интерес к иудаизму и иудейской учености в Ранней Схолистике (Петр Альфонси и Петр Абеляр) // Вестник Еврейского университета в Москве. 2004. № 9(27). С. 9–28; Чернин А.В. Иудейский мессия глазами христианских полемистов: несколько примеров эпохи Высокого Средневековья // Кентавр/Centaurus: Studia classica et medievalia. Вып. 2.

латинского и кастильского языков, она участвовала и участвует в целом ряде проектов по переводу средневековых текстов. Как исследователь, переводчик и талантливый редактор она пользуется заслуженным уважением коллег.

Далеко не последнее место в этом ряду занимает также Елена Сергеевна Марей, о которой говорилось выше. Квалифицированный специалист по истории культуры вестготской Испании, она делает первые — и весьма успешные — шаги как самостоятельный исследователь.

* * *

Представители среднего и младшего поколения российских испанистов вошли в науку в непростых условиях переломной эпохи. 1990–2000-е гг. стали жестокой проверкой на прочность убеждений и верность науке. То, сколько многих смогли преодолеть эти испытания, говорит о прочности позиций российской школы испанистики как в отечественной, так и (теперь уже) мировой науке. И хочется верить, что это — только начало большого пути.

М., 2006. С. 146–157; Чернин Л.В. Экономические причины аниудейской политики в Вестготском королевстве VI–VII вв. // Вестник Еврейского университета в Москве. 2008. № 12. С. 13–31; Чернин Л.В. 'Non gente sed fide Judaeus' и 'fide et gente Hebraeus': к проблеме отступничества в аль-Андалусе IX в. // Кентавр/ Centaurus: Studia classica et medievalia. Вып. 5. М., 2008. С. 136–152; Chernin L. «Quod fidei plenitudine fines semper Spaniae floruerunt...» Egica and the Jews // Sefarad. 2009. P. 7–24; Чернин Л.В. «Послание Севера Меноркского: социальный конфликт в зеркале литературы «чудес» // Научные труды по иудаике: Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. 1. М.: Sefer, 2010. С. 82–98; Chernin L. Social conflict in the literature of miracles: Epistle of Severus, bishop of Menorca // Hispania Judaica. 2012. N. 9 (на иврите).

Ключевые слова:

Испания, Россия, Средние века, медиевистика, историография, история идей, Леон, Кастилия, В.К. Пискорский, А.Р. Корсунский

Oleg V. Aurov

STUDIES IN MEDIEVAL HISPANIC HISTORY IN RUSSIA AND IN THE USSR

Persons, epochs, ideas

The article is devoted to explore the main periods of studies in medieval Hispanic history in Russia and in the USSR. The text contains characteristics of biographies and scholarly activities of the prominent Russian and Soviet specialists in medieval Hispanic history like Vladimir Piskorsky, Alexander Korsunsky, Olga Variash and others. The contemporary situation is analyzed. The perspectives of scholarly activity are presented.

 Ауров Олег Валентинович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС
(Москва, Россия)

Г.В. Савенко

ПАМЯТИ Н.П. ДЕНИСЕНКО

Николай Петрович Денисенко (19.10.1941 — 28.01.2007) — выпускник исторического факультета ЛГУ им. Жданова. В аспирантуре ИВИ АН СССР под руководством профессора Чистозвонова он подготовил кандидатскую диссертацию «Аграрный строй Кастилии XVI в.», которую защитил в 1980 г. До 1977 г. работал в Красноярском педагогическом институте, а также переводчиком на Кубе. После образования Ивановского государственного университета Н.П. Денисенко в 1977 г. был приглашен для преподавания, в котором проработал до 1998 г. на кафедре Древнего мира и Средних веков сначала в должности старшего преподавателя, а затем доцента. Некоторое время даже возглавлял кафедру.

На истфаке ИвГУ Н.П. Денисенко запомнился всем нам как замечательный педагог и в высшей степени доброжелательный человек, не жалевший своего внимания и сил для работы со студентами. Его спецкурсы по истории королевства Кастилии, а также семинары по истории Средних веков, не говоря уже об индивидуальной работе со студентами, заставляли почувствовать себя сопричастным к решению серьезных научных проблем. Простота в общении, моментальное снятие каких-либо коммуникативных барьеров позволяют думать, что Николай Петрович

был и талантливым психологом. Да и в целом на истфаке ИвГУ Н.П. Денисенко держался независимо, пользуясь большим уважением среди преподавательского коллектива. Своим коллегам-медиевистам Н. П. Денисенко был также известен как вдумчивый и справедливый критик и оппонент. Так, например, он был вторым оппонентом на защите диссертаций С.Д. Червонова, В.А. Кучумова и С.Т. Минакова. Николай Петрович очень сожалел, что судьбы этих ученых сложились непросто, а то и трагически.

Научные интересы Н.П. Денисенко не ограничивались только рамками XV–XVI вв. и только проблемами аграрной истории или вопросами складывания абсолютной монархии. Из списка его публикаций можно увидеть, что на страницах межвузовских сборников и ежегодника «Средние века» с 1972 г. появлялись его статьи о гранадских морисках, кастильских эрмандадах (союзах городов), духовно-рыцарских орденах, об испанских университетах. Своим студентам Н.П. Денисенко рекомендовал обращать внимание и на правовые сюжеты. Известно, например, что две его студентки в середине 80-х гг. XX в. написали и успешно защитили дипломные работы по таким институтам в Старом Фуэро Кастилии (1356 г.), как залог и поручительство. В этом студентам помогало небольшое пособие «Испанское общество в XIII–XIV вв.» (Иваново, 1982), в котором Н. П. Денисенко впервые в СССР перевел отдельные статьи фуэро Теруэля (1177) — одного из самых известных испанских городских судебныхников, Старого Фуэро Кастилии 1356 г., полностью фуэро городка Тревиньо 1254 г., целый ряд привилегий Альфонсо X городам и крепостям центра и юга королевства Кастилии. Вообще же Николай Петрович считал, что советская наука, да и отечественная испанистика недооценивают юридическую составляющую жизни испанского общества, значение римского правового наследия в истории Кастилии. Появление работ С.Д. Червонова, а затем и его диссертации Николай Петрович воспринял как настоящий прорыв и очень сожалел о том (да и лично говорил об этом С.Д. Червонову), что тот не подготовил специальное приложение к своей диссертации с переводом текстов фуэро. Вряд ли случайным можно назвать тот факт, что два единственных аспиранта Николая Петровича (Г. Савенко и А. Павлов) защитили впоследствии в Москве и Санкт-Петербурге диссертации по истории права и им были присвоены ученые степени кандидатов юридических наук; явление не совсем обычное, если учесть, какие административные барьеры разделяют до сих пор историческую и юридическую специальности и соответственно диссертационные советы. Это еще раз подчеркивает глубокие и разносторонние знания Николая Пе-

тровича по истории кастильского общества и его умение, педагогический талант передать их другим. Он часто повторял своим ученикам, что они должны работать так, чтобы «не было стыдно перед европейцами».

Последний мой разговор по телефону с Николаем Петровичем состоялся за несколько дней до его ухода из жизни. На одну мою реплику он с азартом стал говорить о процессе распада в Кастилии крупных городских альфосов (округов) в XIII в., которые у них появились после колонизации центральной Испании, о резком увеличении количества поселений, о появлении у сельских поселений органов самоуправления, о стремлении их закрепить свой статус, путем получения у короля привилегии или фуэро или же путем их фальсификации (например, Амайя, 1285 г.). И эта беседа, и все предыдущие заставляют думать, что Николай Петрович — глубокий и оригинальный ученый — не реализовал до конца свой талант и свои возможности; уход его из науки произошел формально и вынужденно. Его угнетало то, что в 1990-х гг. Ивановский университет и государство практически полностью отказали преподавателям в какой-либо помощи, в стажировках в московские и питерские библиотеки. Не меньше его удручало и то обстоятельство, что исторический факультет ИвГУ скатывался, по его словам, к уровню педвуза, а научные исследования при этом «мельчали». Он неоднократно сетовал на «вымыывание» с кафедры Древнего мира и Средних веков позитивной истории и увлечение проблемами ментальности, общественной психологии, которые с подачи московских коллег с конца 80-х гг. XX в. стали в провинциальных вузах весьма популярными. Возможно, Николай Петрович относился слишком сурово к себе и так же сурово оценивал других коллег-историков.

Справедливости ради стоит сказать, что Н.П. Денисенко выступал также резко против «однобокого», по его словам, увлечения историков правовыми сюжетами и утраты исторического содержания в исследовании. Он возражал против сведения исторического исследования к абстрактным правовым конструкциям. Например, его настораживало мое увлечение испанскими историками права, которые издавали и комментировали испанские средневековые нормативные источники. На этой почве у нас с ним возникали не просто разногласия, но даже острые конфликты. Большого труда стоило убедить его в том, что базой историко-правовых исследований является именно история Средних веков, а внешний «перекос» в сторону правовых сюжетов — не что иное, как своего рода компенсация за долгое игнорирование в нашей науке роли институтов права в жизни средневекового общества. Николай Петрович также предостерегал еще от одной крайности — от чрезмерного увлече-

ния историей отдельных институтов (приводя в качестве примера исследования крупного испанского ученого Луиса-Гарсии де Вальдеавельяно), подчеркивая, что объектом изучения историка являются факты, их совокупность, материальная, так сказать, составляющая нашей жизни.

Несмотря на то, что в 1998–2007 гг. Николай Петрович, по его собственным заявлениям, и расстался с наукой, и просил «не втягивать» его в научные дискуссии, тем не менее он не оставлял своих учеников без доброго совета. Так, например, он проявил живой интерес к переводу судебных Куэнки и Сепульведы, которым я занимался в 2002–2004 гг. Помимо долгих разговоров по телефону он внимательно просматривал присланные ему фрагменты переводов с приложением оригинального текста и возвращал со своими пометками и комментариями. Споры с ним по поводу тех или иных вариантов перевода были иногда весьма острыми. В итоге он вычитал полностью перевод судебного Сепульведы 1300 г., хотя и не со всем предложенным Николаем Петровичем пришлось согласиться. Он смог также просмотреть часть перевода судебного Куэнки и некоторые к нему комментарии. Так что рождение в 2004 г. русских текстов судебных без живого участия Николая Петровича могло и не состояться и является, по сути, «ответным даром», искренней благодарностью дорогому Учителю.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Н.П. ДЕНИСЕНКО

Составил Г.В. Савенко

Денисенко Н.П. Некоторые вопросы хозяйственного уровня Кастильской деревни второй половины XVI в. // Вопросы всеобщей истории / Красноярский пединститут. 1972. Вып. 2. С. 59–81.

Он же. Проблемы аграрной истории Испании XVI в. в зарубежной буржуазной историографии // Средние века. Вып. 39. 1975. С. 210–224.

Он же. Отчуждение селений и земель королевской властью в XVI в. // Средние века. Вып. 40. 1976. С. 172–183.

Он же. Аграрный строй Кастилии в XVI в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1978. С. 48.

Он же. Генеральные Эрмандады в XIII–XV вв. (социальный состав и роль в централизации) // Власть и политическая культура в средневековой Европе. Ч. 1. М., 1979.

Он же. Рец. на La economía agraria en la historia de España. Explotación, Commercialización, Rentas. Madrid, 1979. Аграрная экономика в Испанской истории. Собственность, формы эксплуатации, торговля, ренты. Мадрид, 1979 // Средние века. Вып. 47. 1984. С. 354–358.

Денисенко Н.П., Штэккли А.Э. А.Н. Чистозвонов как историк // Средние века. Вып. 47. 1984. С. 274–281.

Он же. Кастильская деревня в XVI в. (К характеристике развития производственных сил) // Средние века. Вып. 48. 1985. С. 125–140.

Он же. Испанский абсолютизм и гранадакие мориски (1492–1571) // Проблемы истории Западной Европы развитого и позднего феодализма. Иваново, 1986. С. 143–155.

Он же. Испанская корона и крестьянство в XVI в. // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М.: ИВИ РАН, 1987. С. 230–241.

Он же. Проблемы бедности в трактате испанского гуманиста Хуана Луиса Вивеса «О вспомоществовании бедным» // Возрождение: общественно-политическая мысль, философия, наука. Иваново, 1988. С. 90–101.

Он же. Проблемы медиевистики в испанском историческом журнале // Средние века. Вып. 51. 1988. С. 167–180.

Денисенко Н.П., Кузнецова С.В. Налоговая реформа в Кастилии в 1480–1483 гг. // Проблемы истории западноевропейского феодализма: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1989. С. 79–89.

Денисенко Н.П. Испанские университеты в XIII–XV вв. // Университеты Западной Европы. Средние века, Возрождение, Просвещение. Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1990. С. 95–104.

Он же. Испанская монархия в последней трети XV — начале XVI века. Иваново, 1991.

Он же. Испанские военные ордена Сантьяго и Калатрава в XV — нач. XVI века // Латинская Америка в исторической ретроспективе XVI—XIX вв.: Материалы Всесоюзной конференции. Москва, 14–16 мая 1990 г./ РАН. ИВИ. Центр латиноамер. исслед. М., 1994. С. 115–127.

Публикации источников (переводы)

Испанское общество в XIII–XIV вв. (методические указания и материалы к специальному семинару для студентов исторического факультета). Иваново, 1982.

Завещание Изабеллы Кастильской (1451–1504) / Пер. и комм. Н. П. Денисенко // Европа и Америка на перекрестке эпох. Межвуз. сб. Иваново, 1992. С. 113–145.

Хуан Луис Вивес и его трактат «О вспомоществовании бедным» / Публ. Н.П. Денисенко // Возрождение: гуманизм, образование, искусство. Иваново, 1994. С. 127–139.

 Савенко Георгий Владимирович

кандидат юридических наук, доцент Ивановского государственного университета (Иваново, Россия)

И.В. Ершова

ВЕЛИЧИЕ МЫСЛИ И ДЕЛА: КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ АЛЬФОНСО Х МУДРОГО

Márquez Villanueva Fr. El concepto cultural Alfonsí
Toledo, 2004. 313 p.

амо название этой книги выделяет ее из обширнейшей литературы об Альфонсо Мудром — речь идет о попытке вычлениить, осмыслить и сформулировать ту концепцию культуры, которой совершенно осознанно и целенаправленно руководствовался в своих деяниях кастильский монарх.

Фундаментальность книги филолога-испаниста Маркеса Вильянуэвы в значительной мере вызвана как поставленной им задачей, так и избранной им методологией ее решения. Последнее, в свою очередь, теснейшим образом связано с его научными ориентирами и учителями.

Франсиско Маркес Вильянуэва (1931–2013), ученый с мировым именем, гарвардский профессор, крупнейший специалист по культуре и литературе Средних веков и Возрождения, автор 29 монографий, начинал свои научные занятия в университете Севильи студентом, а затем и ассистентом прославленного медиевиста Ф. Лопеса Эстрады. Однако сразу после блестящей защиты диссертации о поэте-конверсо XV в. Хуане Альваресе Гато он вынужден был оставить университет и уйти в добровольное изгнание (1959), чтобы уберечь от репрессий своего научного руководителя; тогдашний ректор пригрозил Лопесу Эстраде увольнением, если он даст должность на своей кафедре молодому ученому. Изгнание затянулось на всю жизнь, препода-

давать в Севилью Маркес Вильянуэва не вернулся, как он сам говорил, «ни при франкистах, ни при демократах». Более чем успешная научная карьера в Америке и непререкаемый авторитет среди испанистов всего мира оказались недостаточным основанием для университетов Испании предложить место профессору-изгнаннику. Причина, как кажется, лежит в его главной теме и области научных занятий — литература и культура Испании на стыке существования и взаимодействия трех культурных традиций, христианской, еврейской и арабской. Ученик и приверженец идей филолога и культуролога Америко Кастро в его споре о «проблеме Испании» и национальной идентичности с историком Клаудио Санчесом-Альборносом, Маркес Вильянуэва вобрал в себя не только идеи своего учителя, но и его «историологический» метод исследования, своего рода междисциплинарную герменевтику, рассуждение от текста через историю, социологию, историю идей, политику к выводам общекультурного, парадигматического порядка.

Книга «Концепция культуры Альфонсо Х», вышедшая в 1994 г., дополненная автором и переизданная в расширенном виде в 2004 г., почти сразу стала хрестоматийным текстом для исследователей Альфонсово́й эпохи. По словам американского лингвиста, этнографа, испаниста Самуэля Дж. Армистеда, сказанным об этой книге, «есть труды, которые являются чем-то большим, чем просто книги». Ее особая роль выразилась не только в постановке и решении самой проблемы, но и в определении научных перспектив для целого поколения исследователей, занимающихся этой проблематикой. Огромный и тщательный научный аппарат книги позволил ее автору концептуально осмыслить культурную стратегию Альфонсо Мудрого и почти по пунктам расписать область лакун и возможных тем последующих изысканий.

У этой книги есть еще одна удивительная особенность — при непрерывной опоре на конкретные тексты и труды самого Альфонсо, она вся словно бы состоит из выводов и наблюдений самого общего историко-культурного свойства, исторических параллелей, социологических выкладок, которые шаг за шаг вырисовывают удивительно стройную и структурированную картину культурных ориентиров и задач Альфонсо Х. Не случайно у книги, по сути, нет заключения. Главная мысль сформулирована сразу, во введении к книге, именно она движет всем дальнейшим ходом исследования, и каждая следующая часть текста ясно и продуманно надстраивает следующий этаж рассуждений и выводов. Сам автор настаивает на том, что отнюдь не вводит новый материал, более того, все факты и тексты, приводимые в ней, известны (хотя и не все изучены в полной мере), его же задача прояснить некоторые сущностные вопросы, подчеркнуть роль и оценку «восточного»

компонента, не умаляя остального, достроить «незаконченную картину» некоторыми фундаментальными положениями.

Маркес Вильянуэва объясняет появление этой книги тем, что «нельзя двигаться дальше, не прояснив главного», понимаемого им как серьезный разговор о событиях, обстоятельствах и условиях, определивших не только облик испанской культуры в Средние века, но и отразившихся в ее судьбе вплоть до нынешнего дня. Генезис «сущности Испании» он усматривает в трудах и делах ученейшего из испанских монархов, Альфонсо X Мудрого (1222–1284), сравнимого по своей роли и личностной значимости с Генрихом II Плантагенетом и Фридрихом II Штауфеном, а по масштабу задач отчасти превосходящего их. Собрание сочинений Альфонсо X уникально не только своим объемом, но также в силу своего основополагающего и стратегического характера для культуры. Культурный проект испанского короля, «не имеющий параллелей в христианском мире» Запада, оказывается важен не суммированием предыдущего опыта, но своей устремленностью в будущее. «Концепция культуры» Альфонсо, по мнению исследователя, опирается на идею последовательной секуляризации знания, заимствованной им у знаменитой Толедской школы переводчиков, цель существования которой заключалась в передаче христианскому западу арабских книг, средоточия самого передового научного знания той эпохи и где особую роль играли евреи-переводчики, переводившие на латынь арабские ученые труды. Описывая взаимодействие трех языков и культур в эпоху Альфонсо X, ставшее основой его культурной политики, Маркес Вильянуэва использует термин «*mudejarismo*», понимая под ним обширный процесс культурной гибридизации, взаимного окультуривания, где элементы западноевропейского мира смешиваются с элементами мира восточного, определяя тем самым особый характер развития мысли, литературы, институций, политики.

Цель книги, по словам автора, объяснить, что достижения Альфонсовой эпохи представляют собой не просто естественный результат средневекового «возрождения» XII в., не имевшего столько яркой выраженности на Пиренеях в силу ее особых обстоятельств, и не следствие «национальной мечты» в ее современной трактовке, а результат осмысленной и продуманной политики конкретного человека, его ясного и основательного видения происходящего, внимательного и тщательного анализа реального положения дел. Политика эта опередила свое время лет на сто и была не вполне понята даже ближайшими потомками испанского короля (в частности его сыном Санчо IV).

Начиная свой разговор о концепции культуры Альфонсо Мудрого, Маркес Вильянуэва призывает учитывать социологию повседневной жизни кастильского мира Альфонсовой эпохи, в частности, особенности ежедневной

практики общения трех общественных групп — христиан, евреев и мусульман. Речь не идет о «мирном существовании» вер в современном смысле этого понятия, всё, безусловно, было подчинено христианской власти, ее законам и институтам. Однако именно повседневная реальность (а не умо-зрительный культурный эксперимент или утопическая идея), заключающаяся в сосуществовании трех народов и общности их разговорного языка, вызвала к жизни обширный культурный проект Альфонсо X.

Конечно, важнейшей в его формировании оказывается сама личность короля-магистра, короля-ученого (глава «El Rex Magister»), человека редкой образованности и обширнейших познаний. Его роль — это не роль мецената и покровителя искусств, собирателя книг и коллекционера. Он не библиофил, а исследователь, не любитель учености, а знаток и мудрец, желающий распространения, передачи и обучения знанию для своих подданных. Стремление и воля Альфонсо X к обновлению носили всеобщий и политически мотивированный характер; его культурная концепция тем самым была не абстрактным идеальным горизонтом, к которому надлежало стремиться, но, согласно выводам Маркеса Вильянуэвы, была целью осознанной и прагматической (глава «Политическая концепция культуры»). Именно таким способом, как полагал Альфонсо X, мог монарх приумножить славу предков и совершенствовать собственную роль правителя — эта мысль будет ясно осмыслена и четко сформулирована в созданном по его началом своде законов «Семь частей». Для Альфонсо власть и культура суть понятия синонимичные. Осознающий свою ответственность перед народом и свою культурную миссию, монарх превратил ее в политическую стратегию, став не только монархом, но и учителем для всего общества. Его понятие «тела народа», выведенное за пределы традиционного средневекового членения, отсылает ко всему обществу в целом, к каждому отдельному человеку (*omne qualesquien*), утверждая, вслед за Аристотелем, столь почитаемым монархом, естественное право народа на осознание своей «природы». Культуртрегерская программа Альфонсо X обращена к среднему человеку, и взгляд этот в значительной мере был заимствован монархом, по мнению автора монографии, из тогдашней арабской культуры.

Обращаясь к среднему человеку, Альфонсо осознанно выбирает и «средний» язык, понятный всем и каждому. Из трех доступных языков — латынь (язык церкви и документа), арабский (язык литературы и мудрости) и кастильский (язык бытового общения) — он выбирает последний как всеобщий для всех народов, населяющих его земли, и свободный от закрепленных за ним функций (глава «Освящение народного языка»). Именно кастильскому языку (*castellano*) предстоит стать ключевым элементом интеллектуальной реформы Альфонсо Мудрого. При этом если само преобладание кастиль-

ского в качестве разговорного — это процесс естественный и спонтанный, то желание вытеснить им латинский — осознанный. В XIII в. только в Кастилии народный язык полноценно вторгся в область права и государственных бумаг. В главе о выборе языка, как и на протяжении всей своей книги, Маркес Вильянуэва не раз подчеркивает особую нагрузку кастильского в представлении испанского монарха — вытеснить и заменить латынь, секуляризовав тем самым культурное поле, сделать кастильский в первую очередь языком светского знания. В ситуации трехгlossии выбор кастильского, с одной стороны, подчеркивал западную ориентацию Испании, а с другой — свидетельствовал о выборе особого пути, открывая дорогу для арабской мысли и знания. Коротко и очень деликатно вклиниваясь в спор Кастро и Санчеса Альборноса (глава «Полемика Кастро-Альборнос») по вопросу о статусе *alfonsí*, Маркес Вильянуэва отстаивает тезис о целенаправленном выборе кастильского как всеобщего языка трех народов для культурных целей Альфонсо.

Выбор кастильского стал и своего рода реакцией на закат латинского в Кастилии и Леоне (главы «О проблеме культурного наследия», «Перед латинским наследием»). Эти области Испании совсем не знали того расцвета латинской культуры, который обозначается как «латинский ренессанс XII века»; число созданных здесь в это время литературных памятников на латыни ничтожно мало по сравнению, скажем, с соседней Францией, как нет и фигур, сопоставимых по масштабу, например, с Иоанном Солсберийским. Слабая латынь и узость ее применения, ограниченная преимущественно клерикальной сферой, во многом определили уверенность Альфонсо в неспособности латыни соответствовать его новым целям и задачам. Маркес Вильянуэва высказывает мысль о том, что и сам Альфонсо знал латинских авторов куда хуже, чем арабских. Даже латинская патристика представлена у него в основном именами святого Иеронима и Блаженного Августина, позже, в «Семи Партидах», начинает звучать голос Исидора Севильского, хотя меру его присутствия и влияния еще предстоит оценить. Более всего об этом свидетельствуют собственные труды Альфонсо: латинские источники в них ограничены и конкретны, а арабское влияние обширно и многослойно — от исповедальных интонаций в «Кантигах», проникших из арабской поэзии (глава «Альфонсо-литератор»), до астрономических и астрологических трудов, отразившихся в базовом для европейской культуры докоперниковой поры труде «Альфонсовы таблицы».

Выбор кастильского определял и новые задачи: создание языка истории, права, науки и политики. Для поэзии готовый язык уже существовал (галисийско-португальский), король сам сочинял на нем песнопения в честь Девы Марии и песни «хулы и насмешки», при этом интересно, что обожавший поэзию

и музыку Альфонсо не особенно заботился о развитии поэзии и всего того, что можно обозначить как «вымышленное повествование» (*ficción narrativa*). Почти не интересовала его и философия как таковая. Следует, кстати, помнить, что наиболее авторитетным языком философии на Пиренейском полуострове того времени был арабский (именно на нем будет изначально писать почти все свои сочинения его современник Рамон Льюль, настаивавший на необходимости обязательного изучения арабского в школе).

Альфонсо язык нужен для других целей и для другого рода словесности — научной, исторической и правовой прозы, то есть всего того, что должно выполнить главную цель монарха-просветителя — учить и образовывать свой народ. Праобраз этой модели в ее практическом воплощении он находит в работе еврейских переводчиков Толедо (глава «Толедский культурный идеал»). Оглядываясь на предысторию, Маркес Вильянуэва всячески подчеркивает особую роль переводческой традиции и еврейских переводчиков, в том числе и в истории развития и становления кастильского как языка распространения знания. Особая техника перевода (кастильский как устный посредник между письменным арабским и письменным латинским), принятая в Толедских школах (в отличие от остальных европейских стран), по сути подготовила работу по выработке письменной нормы кастильского, предпринятую Альфонсо Мудрым (глава «Мир переводов»). Устная традиция должна была получить письменное закрепление, но без этой латентной, долгой подготовительной фазы создать так быстро письменный язык было бы невозможно (уже начало «Истории Испании» свидетельствует о «готовом» языке).

Под руководством Альфонсо принятыми и востребованными становятся переводы на кастильский, тогда как латинские переводы составляют лишь редкое исключение из правил. Результатом этого, по мнению ученого, стала некоторая обособленность пиренейской научной, исторической, политико-правовой мысли, незначительно повлиявшей на европейское ментальное пространство. Так, перевод «Семи Партид» на латинский мог бы изменить политические и правовые ориентиры Европы. Если же латинские переводы, как побочный результат обширной работы в переводческих мастерских Альфонсо, все же случались, то резонанс оказывался удивительным и мощным (глава «Побочные переводы»); в качестве примера Маркес Вильянуэва приводит судьбу «Книги о лестнице Магомета», одного из возможных источников «Божественной комедии» Данте, учебника по практической магии, астрологии и талисманам «Пикатрикс» и знаменитых астрологических «Альфонсовых таблиц». Автор справедливо сетует на то, что полный «*corpus alfonsí*», включающий перечень всех трудов, переведенных с арабского и еврейского в Толедской школе переводчиков по указанию ученого короля, еще ждет

своего исследователя, тогда как масштаб осуществленной работы потрясает. Именно эта часть культурной политики Альфонсо в полной мере отражает весь спектр интересов и направлений мысли короля-ученого.

При этом Альфонсо отнюдь не балансировал на границе между христианским миром и арабо-иудейским. Он всегда остается в христианском поле веры, но его главный интерес ученого и учителя сосредоточен не на вере, которой он не касается (не случайно в его окружении и среди его сподвижников почти нет ни одного крупного религиозного деятеля) и язык которой он отверг (глава «Выход Альфонсо за пределы церковной культуры»). Выбрав однажды и ни разу потом не усомнившись в избранном пути, он сосредоточивает все свои силы на универсальной природе человеческого знания и на желании его всячески приумножить. Иудео-мусульманская культура и наука давали ему возможность утолить этот интерес (глава «Мавры и евреи»). Его влечет не метафизика космоса, но метафизика «природы» и человека. Арабская культура дала ему и модель школы, которая должна была вне стен церкви, в пространстве, свободном от влияния веры, сосредоточиться на делах науки. «Мудехаризм» как важнейшее синтетическое свойство его культурной концепции, по мнению Маркеса Вильянуэвы, неотделим от направленной секуляризации мысли, предпринятой Альфонсо X.

Избрав язык, определив свои культурные ориентиры и задачи, Альфонсо Мудрый принялся за систематическую работу по созданию испанской прозы, «отправив в путь великий язык культуры». Это работа не столько по созданию собственного литературного творчества, работа писателя, хотя было и это (глава «Король-писатель»), сколько гораздо более сложная и многомерная работа издателя, идеолога, редактора, переводчика. Он сам разработал и принципы перевода (следуя преимущественно стратегии перевода *de verbo ad verbum*), сам отбирал тексты для перевода и определял состав источников для исторических и правовых сочинений, просматривал и редактировал их, придавая всему необходимую смысловую цельность.

Такой была работа над историческими сочинениями (глава «Историография Альфонсо. Ориентиры»), радикально переориентировавшая историографическую традицию латинских хроник. С 1250 г. и до конца своих дней он работает над созданием сначала «Истории Испании», а затем и «Всеобщей истории». Его интересует не хроника событий, правлений, а история произошедшего, рассказ о мотивах, причинах и результатах. По мнению Маркеса Вильянуэвы, Альфонсо решительно рвет с традицией Исидора Севильского, уходит от провиденциалистской концепции истории, трактуя мифологические и даже библейские события сугубо эвгемеристически. Его главная забота — идея светской власти, опору которой он ищет в нацио-

нальной истории, следуя и существенно расширяя границы, очерченные не-
давней латинской историографией Луки Туйского и Родриго Хименеса де
Рады. Его читатель и слушатель — все население его земель, все населявшие
их народы, потому и круг источников включает и латинскую, и арабскую
историографию (глава «Новое искусство истории»). Вдохновленный «сум-
мами» схоластов и опытом арабских хронистов, Альфонсо всегда изучает и
использует разные источники в рассказе об одном и том же событии. Его
история призвана учить, наставлять и увлекать своим рассказом, именно это
во многом определило почти художественный язык Альфонсовой прозы.

Идея обучения, явно заложенная в историографии, дает Маркесу Вилья-
нуэве повод затронуть еще один аспект культурной программы Альфонсо X.
Речь заходит об образовании, о поощрении университетского образования
(глава «Университетская политика») и создании школ, об Альфонсовом
патронаже Саламанкского университета, о создании двенадцати кафедр и
присвоении ему имени «университет» в указе об основании от 2 мая 1254 г.
В этом самом указе ясно видна ориентация не на теологические штудии, а
на юридические науки.

Важнейшей идеей Альфонсо была, как пишет ученый, также задача со-
хранения и приумножения традиции арабского преподавания, выразив-
шаяся в создании школ в Севилье и Мурсии (глава «Продолжение арабского
преподавания») и поощрении самого духа арабской учености. Сохранение
арабских медресе (а в Арагоне они будут существовать еще и на протяжении
всего XV в.), избранная им политика протектората на арабских землях имели
для Альфонсо Мудрого, согласно автору книги, сугубо практические причи-
ны. Отвечая на вопросы, зачем было сохранять школы и «*estudios de arábico*»,
Маркес Вильянуэва предполагает, что Альфонсо X полагал, что только таким
путем можно сохранить не только систему обучения евреев и мусульман,
но только так могут продолжить свое существование и развитие естествен-
ные науки (математика, физика, астрономия и даже менее важная для него
медицина), то есть все науки о «природе вещей», которые Альфонсо хотел
включить в круг знаний своих современников (глава «Научные труды»).

И вновь в поисках истока идей Альфонсо об образовании Маркес Вилья-
нуэва возвращается к «толедской модели» (глава «Школа переводчиков,
еще раз»), где с давних пор взаимодействовали латинская ученость и араб-
ская наука, которой обучались в индивидуальных школах (вне и помимо
церкви) и мавры, и иудеи, и христиане. Эти неофициальные «толедские
университеты», о которых мы знаем по рассказам Даниэля де Морли, Вир-
гилия Кордобского, Херардо де Кремона и других, подсказали ученому мо-
нарху оптимальный путь передачи знания.

Интерес Альфонсо X к естественным наукам, а именно к магии и астрологии, бывшим, по сути, одним из вариантов натурфилософии, о котором Маркес Вильянуэва пишет в главе «Астрология, магия и гадание», во многом опережал свое время (их расцвет в Европе придется на эпоху Возрождения). От увлечения монарха натурфилософией фокус повествования естественным образом (астрологические занятия в Средние века были неотъемлемой частью аристотелевской космологии) смещается к самому сложному и вместе с тем самому важному для исследователя утверждению.

Речь идет о философских основах культурного проекта Альфонсо Мудрого, где особая роль отводится им Аристотелю, ценимому испанским монархом очень высоко. Упоминания о нем неоднократно возникают на страницах «Семи частей» и других его сочинений. И снова возникает идея синкретизма классического и восточного: источником культурной концепции Альфонсо X оказываются как положения самого Аристотеля, так и идеи, развиваемые арабо-иудейскими комментариями аристотелевских трудов Аверроэса и Маймонида. Важнейшей для Альфонсо среди прочих идей Аристотеля становится мысль о естественном желании человека обретать знание («слышать и узнавать о новых вещах» — «oir, et saber cosas nuevas», Part. I, 1,19). Это «новое» для Альфонса составляло, в том числе, и рациональный и трезвый взгляд на традиционные темы и предметы, например, библейские сюжеты. По словам Маркеса Вильянуэва, «сама идея знания как высшего показателя совершенства человека, в совершенной независимости от национальной принадлежности и религии, обязана своим происхождением самому радикальному аристотелизму» (р. 215). Под влиянием именно этих аристотелевских идей формируется положение Маймонида о Государстве как организованном обществе, которое должно обеспечить человеку не только физическую включенность и здоровье, но и его потребности в интеллектуальном и моральном порядке. Не менее близкой и ключевой для Альфонсо должна была быть и мысль Аверроэса об «обучающем государстве», центром которого становится фигура просвещенного правителя. Этот двойной рационализм придавал особый вес той концепции культурного строительства, которую столь тщательно и мотивированно исследует в своей книге испанский филолог. Мощь и масштаб замыслов Альфонсо особенно ярко видны в сопоставлении, предпринятом в последних параграфах книги, с фигурами его великих современников — Хайме I и Рамона Льюля.

Заключением к книге стал краткий экскурс в историю развития и функционирования результатов проведенной Альфонсо X культурной реформы (глава «Судьба и хронология концепции культуры Альфонсо»); проекта, несомненно, удачного и подготовившего (даже вопреки оппозиции ближай-

ших потомков) тот расцвет испанской литературы и культуры XIV—XV вв., который составил славу испанской средневековой словесности.

Если работа Америко Кастро, его учителя и вдохновителя, вышла в чрезвычайно неудобный в политическом отношении момент, когда Испания спустя долгое время начинала активно встраивать себя в европейское сообщество и невольно обрела то громкое политическое звучание, на которое никогда не претендовала, то книга Маркеса Вильянуэвы оказалась свободной от этой идеологической нагрузки и сыграла ту роль, какую и должна была сыграть талантливо и увлекательно написанная работа концептуального характера. Именно этот концептуальный смысл книги, собравшей воедино результаты многих исследований медиевистов-историков, филологов, историков культуры, антропологов и социологов (добрая половина пространства книги занята обширными и очень содержательными сносками, содержащими богатейший справочный и научный материал по теме), а также плоды его собственных многолетних изысканий, и стал фундаментальным основанием для восторженной рецепции книги. Вместе с тем логичным следствием этой концептуальности стали неизбежное упрощение и схематизация высказываемых предположений. Это касается и идеи «двойного рационализма» в основании культурных и политических идей Альфонсо, требующей специального анализа, и тезиса о почти полном небрежении Альфонсо латинской и патристической мыслью.

Вместе с тем несомненно одно — «Концепция культуры Альфонсо» указала один из важнейших векторов движения научной мысли для будущих исследователей испанского Средневековья. Лучшим свидетельством тому можно считать недавно вышедшую (но отнюдь не первую) коллективную монографию «Перекресток культур: Альфонсо X и его пограничное время» (*Encrucijada de Culturas: Alfonso X y su Tiempo de Frontera. Homenaje a Francisco Márquez Villanueva*. Sevilla, 2014), посвященную памяти Франсиско Маркеса Вильянуэвы, книга которого сама обрела статус «культурного проекта» для своих читателей.

 Ершова Ирина Викторовна

доктор филологических наук, профессор Института филологии
и истории РГГУ (Москва, Россия)

Н.К. Спиченко

ШЕСТЬ ВЕКОВ ИСПАНСКОЙ АДВОКАТУРЫ

Alonso Romero M.P., Garriga Acosta C. El régimen jurídico
de la abogacía en Castilla (siglos XIII—XVIII)
Madrid, 2014. 332 p.

Монография «Адвокатура в Кастилии XIII—XVIII вв.», написанная в соавторстве известными испанскими историками права Марией Пас Алонсо Ромеро и Карлосом Гарригой Акостой, представляет собой историко-правовое исследование, посвященное становлению и развитию института адвокатуры в период от правления Альфонсо X Мудрого (1252–1284) до конца XVIII в., иными словами, в период господства в Испании правовой системы *ius commune*¹.

Данная книга является исправленным и дополненным изданием вышедшего двадцать лет назад одноименного исследования, опубликованного в 1994 г. Она обновлена с учетом результатов основных трудов авторов, проведенных за минувшие годы, однако, как заверяют сами авторы, они постарались сохранить как сюжетную канву, так и основные выводы первоначального

¹ Обзор *ius commune* в Кастилии см. в статье мадридского историка права Фаустино Мартинеса: Мартинес Мартинес Ф. Когда Европа была единой. Общее право, стиль итальянский, стиль французский и кастильское приложение // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 2005. № 2 (16). С. 143–162.

текста. Структурно книга разделена на две части, одна из которых составляет собственно исследование и по объему занимает одну треть издания, вторая, бо́льшая часть работы, является приложением к исследованию, в котором собраны законодательные акты XIII—XVIII вв., посвященные статусу и деятельности адвокатов. Немного отвлекаясь в сторону, отмечу, что тексты, подобранные в приложении к рассматриваемому исследованию, выстроены его авторами в хронологическом порядке, что, в свою очередь, позволяет оценить их позицию по вопросу о датировке основных законодательных памятников эпохи Альфонсо X. Так, «Королевское фуэро» и «Зерцало» они помещают между документами, выпущенными в 1254 и 1258 гг., соответственно, а Партиды и «Новые законы» — между 1258 и 1274 гг.

Исследовательская часть анализируемой книги состоит из шести глав, каждая из которых посвящена определенной теме: эволюции в истории института адвокатуры и собственно адвокатов (глава 1), личным требованиям к кандидатам и условиям приема в адвокаты (глава 2), функции и отправлению адвокатуры (глава 3), вознаграждению и гонорарам адвокатов (глава 4), ответственности, дисциплине и контролю за деятельностью адвокатов (глава 5) и привилегиям адвокатов (глава 6). Внутри каждой главы изложение выстроено в хронологическом порядке — там, где источники предоставляют такую возможность, авторы рассматривают интересующие их аспекты истории адвокатуры на протяжении всего избранного для исследования периода.

Исследование М.П. Алонсо Ромеро и К. Гарриги не имеет полемического характера: авторы претендуют на то, чтобы осветить процесс становления и развития адвокатуры, не входя при этом в серьезные историографические дискуссии. Данное исследование, скорее, можно охарактеризовать как исторический экскурс или историческое обозрение института адвокатуры Кастилии Средневековья и Нового времени, наиболее ценной и содержательной частью которого, безусловно, следует счесть подборку источников, приведенных в приложении. По заявлению самих авторов работы, в это приложение вошли все законодательные документы от XIII до XVIII в., имеющие отношение к истории и правовому положению адвокатов.

Обращаясь к вопросу развития института адвокатуры в истории, авторы отмечают, со ссылкой на Франсиско Мартинеса

Марину, что в вестготский период в Испании института адвокатуры не было, поскольку в адвокатах там не было нужды. Впервые адвокаты упоминаются в кастильских источниках в сводах законов Альфонсо X Мудрого, таких как «Королевское фуэро», «Зерцало» и Партиды, где адвокаты именуются словом *bocero*, что в буквальном переводе означает «гласный». При этом в Партидах дается объяснение, что адвокат называется *bocero* потому, что в своей работе пользуется голосом и словами. При этом характерно, что к концу XIV в. это понятие получает иное, уничижительное, значение и начинает восприниматься как «болтун», а в юридических документах для обозначения адвокатов укореняется термин *letrado* (как минимум начиная с кортесов в Бривиеске, собиравшихся там в 1387 г., при короле Хуане I).

Качественно иной этап развития институт адвокатуры переживает в эпоху правления Католических королей, что отражается в королевском ордонансе 1495 г. и рескриптах 1499 и 1502 гг. Именно с этого времени и в течение всего XVI столетия численность адвокатов возрастает настолько, что в 1601–1602 гг. указами Филиппа III было предписано ее сократить вдвое. Однако, несмотря на очевидный переизбыток адвокатов, спрос на них, в силу сутяжнического характера общества, в XVII в. оставался высоким. Вместе с тем при такой высокой востребованности адвокатов их репутация в глазах испанского общества оставалась низкой и часто подвергалась насмешкам, о чем хорошо свидетельствует собирательный образ адвоката, созданный Франсиско Кеведо и неоднократно встречающийся в его знаменитом сатирическом сборнике повестей «Сновидения».

Вместе с тем в начале XVIII в. адвокаты в силу профессиональной солидарности и корпоративного сознания, характерного для той эпохи, создают адвокатские коллегии, в которых вырабатывают свои нормы регулирования деятельности института адвокатуры.

Во второй главе, посвященной личным требованиям к адвокатам, исследователи обращают внимание на то, что законодательство Альфонсо X Мудрого разрешало заниматься адвокатской деятельностью только христианам, тогда как мусульманам и иудеям занятия адвокатской практикой были запрещены, за исключением тех случаев, когда была необходимость защищать в суде своих единоверцев (Part. III.6.2). Равным образом отреше-

ние от адвокатуры распространялось и на лиц духовного звания, которые имели право лишь на защиту в суде интересов своей церкви, своего вассала, его потомков, или неимущих. Кроме того, запрет на адвокатскую деятельность распространялся также на женщин, вплоть до XIX в., на осужденных, рабов и представителей таких профессий, как тореадоры (Part.III.6.4)². Все эти положения позднее подтверждались ордонансом 1495 г., который распространил запрет на отправление адвокатской деятельности также и на потомков иудеев и мусульман, принявших христианство.

Наконец, становиться адвокатами запрещалось целому ряду должностных лиц, отправлявших судопроизводство, а именно судьям первой и апелляционной инстанций (*oidores*) и алькальдам королевского суда, о чем свидетельствуют протоколы кортесов, проходивших в Торо в 1371 г. и в Сеговии в 1386 г. Значительно позднее адвокатские коллегии еще больше ужесточили требования к желающим получить разрешение на отправление адвокатской деятельности.

На фоне столь жесткого фильтра, имевшего ярко выраженный сословный характер, выглядит крайне интересным, что в кастильском праве на протяжении нескольких столетий к желающим заниматься адвокатурой не предъявлялись требования обязательного университетского образования. Условия образовательного ценза, необходимого для занятий адвокатским делом, упоминаются лишь в Партидах, где говорится, что адвокат должен быть знатоком права, или фуэро, или обычаев края (Part.III.6.2), и в Барселонской Прагматике 1493 г., устанавливающей необходимость изучать юриспруденцию в течение десяти лет, чтобы получить право заниматься этой профессией. Законодательно закрепленное требование университетского образования и звания бакалавра права для участия в тяжбах в суде низшей инстанции или — лиценциата и доктора права — для участия в процессе в суде высшей инстанции появляется только в упомянутом выше королевском ордонансе 1495 г.

² Интересные результаты может принести сравнение данного списка лиц с другим, в который включались все те, кому было запрещено выходить на поединок. Практически полное совпадение этих двух перечней наводит на мысль, что адвокатура изначально воспринималась как занятие для рыцарей-идальго — благородных мужчин, обладавших правом носить оружие. — Прим. ред.

Однако поскольку университетское изучение права в тот период основывалось на текстах и общих положениях *jus commune*, без привязки к правовым реалиям Кастилии рубежа XV—XVI вв., то эти адвокаты с университетским образованием оказывались зачастую дальше от реальности, чем «знатоки права, фуэро и обычаев края» времен Альфонсо X. Понимая необходимость того, что адвокаты должны знать право не только в теории, но и на практике, доктор права и адвокат верховного трибунала Гранады Мендес де Саласар в 1523 г. предложил обязать всех соискателей должности адвоката присутствовать один год в процессах.

Для удовлетворения этих же требований равного знания теории права и судебной практики в XVIII в. стали появляться предшественники современных юридических клиник — так называемые академии юридической практики — сначала как профессиональные сообщества, а позже, с одобрения Королевского совета, как учебные заведения. Ситуация кардинальным образом изменилась в последней трети XVIII в., когда в ходе университетских реформ, проводимых Карлосом III, в 1771 г. на юридических факультетах были созданы кафедры королевского права.

Новый импульс в образовательном процессе адвокатов был получен благодаря реформе, проведенной в 1802 г. Хосе Антонио Кабальеро, согласно которой от будущих адвокатов требовалось изучение теории в течение четырех лет и приобретения практических навыков в течение последующих двух лет в верховном трибунале или суде апелляционной инстанции. Обращаясь к теме деятельности адвокатов и отправления адвокатуры, авторы отмечают, что основной обязанностью адвоката было консультирование в области права. Будучи сведущими в области юриспруденции, они занимались не только защитой прав и интересов своих сторон, что составляло главную задачу их деятельности, но и участвовали в принятии решения.

Как правило, к большинству адвокатов обращались по какому-либо определенному делу, вместе с тем были те, кто защищал интересы постоянных клиентов за назначенное жалованье. Поскольку услуги адвокатов, как правило, дорого стоили, то судья мог обязать кого-нибудь из них в случае защиты интересов вдов, сирот и других обездоленных брать с них умеренную плату или защищать их из любви к Богу, то есть, по сути, безвозмездно (Part. III.6.6). В 1595 г. была создана конгрегация адвокатов Мад-

рида с ярко выраженными религиозными и благотворительными целями, занимавшаяся покровительством бедных. Численность этой конгрегации изначально составляла восемь человек и на протяжении двух последующих столетий снизилась до четырех, что в итоге в 1771 г. привело к ее упразднению, после чего мадридская коллегия адвокатов ежегодно выделяла шесть адвокатов, которые обязаны были в течение года вести дела немущих, заключенных в королевской тюрьме.

Адвокаты брались за любые дела, в том числе за самые бесперспективные, руководствуясь, по признанию Антонио де ла Пенья — адвоката XVI в., с одной стороны, тем, что обе стороны не могут выиграть дело, с другой — возможностью заключения мирового соглашения. В случае заключения мирового соглашения адвокат мог взять на себя роль примирителя, за что получал вознаграждение. Если же избирался путь судебного разбирательства, то адвокат брался защищать интересы доверителя, конечная цель которого заключалась в выигрыше в суде, и в течение этого времени адвокат был обязан хранить лояльность своему клиенту. В свою очередь, тот должен был предоставить честную и правдивую информацию по спорному вопросу, изложить все события, привести доказательства в свою пользу и любые сведения, которые могли бы облегчить работу адвоката. Эти правила были закреплены в ордонансе 1495 г. и являлись серьезной гарантией от возможных будущих рекламаций со стороны клиентов, несогласных с итогами от оказанных услуг.

Однако требования, установленные ордонансом 1495 г., практически не исполнялись. В ряде случаев адвокатов приводили к присяге для того, чтобы напомнить те координаты, в которых они должны были осуществлять свою деятельность: верность, прямота, правдивость, соблюдение норм права и также требование, не включавшееся в текст присяги, но также необходимое — это независимость от судей. Иногда необходимость отделения адвокатов от судей вносилась в список запретов: не принимать от них ни денег, ни подарков, ни займов, они не размещались в одних и тех же гостиницах и не имели частных разговоров.

В ведении адвокатов находились определение предмета спора, стратегия ведения дела, обоснование и доказательство требования. С 1504 г. адвокаты получают право вместо судей самим назначать адвокатов, предварительно приняв у них соответствующую

ций экзамен. Несмотря на то, что именно устная традиция дала название слову «гласные» (*boceros*), почти вся работа адвокатов велась письменно. В их функции входило составление основных процессуальных документов, как в фазе установления предмета спора, так и в стадии доказательств и выводов для принятия решения. Написание таких документов, как требования и обвинения по форме, возражений, допрос свидетелей или приведение доводов доказательства и выводов — все это было в ведении адвоката. По этим документам оценивалась работа адвоката. Поэтому естественно, что адвокаты старались непропорционально увеличить количество и объем этих процессуальных бумаг, что, очевидно, было одной из причин медлительности судебной машины, против которой все так боролись.

Звездным часом каждого адвоката была защитительная речь, которой они стремились произвести впечатление на доверителя и тем самым получить большой гонорар. Также в задачу адвокатов входило по окончании судебного заседания подписать протоколы, чтобы подтвердить всё то, что было произнесено в ходе судебного заседания. По окончании судебного разбирательства адвокаты каждой из сторон должны были информировать судью о своем праве выступить на конечной стадии процесса. Для этого они садились по старшинству. Сначала речь держал адвокат истца, затем ответчика, и в этот момент выступления они должны были встать и говорить стоя, в отличие от судей, выслушивавших их сидя, хотя на практике это не всегда соблюдалось.

Переходя к вопросу о вознаграждении адвокатов, авторы отмечают, что в законодательном порядке установление оплаты работы адвокатов относится к эпохе Альфонсо X, и эта фиксация, по сути, стала основным элементом юридической практики и, вероятно, главной статьёй расходов тяжущихся сторон. При этом, несмотря на постоянные отсылки к знаменитому закону Цинция 204 г. до н.э. (*lex Cincia*), который запрещал адвокатам принимать подарки от своих клиентов, практика шла совершенно по другому пути. Более того, начиная как минимум с конца XV в. подобные подарки адвокатам были, по сути, легитимированы правовой доктриной. Так, известный юрист XVI в. Херонимо Кастильо де Бовадилья, служивший в канцелярии Филиппа II и не проявлявший никакой благосклонности к адвокатам, тем не менее признавал, что безвозмездная защита чужих

интересов была бы неразумной и неестественной, ибо заставила бы адвокатов забросить свои собственные дела и семьи.

Сумма вознаграждения определялась по взаимной договоренности адвоката с его подзащитным. Однако, несмотря на то, что в Кастилии никогда не существовало обязательного указания цены на адвокатские услуги, ограничения в размере гонорара были установлены еще законодательством Альфонсо X. Вознаграждение могло быть как в размере «двадцатой части от суммы иска», то есть пяти процентов от стоимости предмета спора, но не выше ста мараведи (Part.III.6.14). Кроме того, под запретом была практика заключения *pacta de quota litis*, то есть соглашения, которое ставило в зависимость размер гонорара от результата судебной тяжбы, и нарушение этого запрета могло привести к пожизненному запрету на профессию адвоката. В уголовных делах, в которых, в отличие от гражданских дел, не было цены иска, алькальду предписывалось назначить вознаграждение адвокату по своему усмотрению. Норма этого закона была обязательна для королевского суда и, несмотря на свою очевидную непопулярность среди адвокатов, должна была применяться на местах.

Неопределенность в установлении размера вознаграждения длилась на протяжении нескольких столетий, вплоть до правления Католических королей. Так, в ордонансе 1489 г. обязанность назначать сумму вознаграждения по каждому делу возлагалась на судей, и максимальный уровень оплаты, выше которого нельзя было платить, при этом не оговаривался. В неоднократно уже упомянутом ордонансе 1495 г. были добавлены новые нормы, согласно которым доверитель мог заключить с адвокатом соглашение на определенный период времени и за определенное жалованье. Причем адвокаты обязаны были договориться о сумме вознаграждения в начале процесса. Это первый случай, в котором видна попытка урегулировать на законодательном уровне соотношение вознаграждения и адвокатской деятельности. Следует отметить, что новация, установленная ордонансом 1495 г., сохранилась практически в нетронутom виде вплоть до издания в 1895 г. Новейшего свода законов Испании (*Novísima recopilación de las leyes de España*). Однако, по мнению авторов, подобное долголетие нормы свидетельствует, скорее, не столько о ее действенности, сколько о неприменимости на практике.

Помимо установления суммы вознаграждения в начале ведения тяжбы (*ab initio*), ордонансом 1495 г. было также разрешено пересматривать размер гонорара по окончании процесса, как от цены иска, так и от затраченного на ведение дела времени, но размер не должен был превышать двадцатой части от суммы выигранного дела. Это дополнение получило значительное развитие в XVI в., когда контроль за размером вознаграждения после окончания тяжбы (*ex post*) оказался единственным возможным способом сдерживать неумеренные аппетиты адвокатов. Такой контроль за размером вознаграждения *a posteriori* привел к тому, что предварительное соглашение адвоката с доверителем о размере вознаграждения в начале тяжбы стало свободным, а установленный в конце процесса размер гонорара был обязательным к выплате. Это касалось в первую очередь судов высшей инстанции, в которых судьи действительно контролировали гонорары адвокатов. Однако проведенная в королевской аудиенсии (суд апелляционной инстанции) в 1594 г. проверка размеров вознаграждений обнаружила, что никакие законодательные меры по ограничению размера вознаграждения не могли справиться с умением адвокатов их обходить.

Спустя два десятилетия, в 1615 г., кортесы вынуждены были признать положение настолько серьезным, что два года спустя, в 1617 г., ими был принят специальный декрет 1617 г., в котором устанавливались новые ограничения размера гонораров. По мнению авторов, эти действия не только были негативно восприняты адвокатами, но и никогда не выполнялись. Оба исследователя сходятся во мнении, что на практике вплоть до конца XVIII в. между адвокатом и его доверителем заключалось соглашение, и лишь в случае отсутствия такового размер вознаграждения назначал судья.

Несмотря на широко распространенные злоупотребления с размером вознаграждения в адвокатском сообществе, следует помнить и о том, что сами адвокаты порой становились жертвами обмана со стороны клиентов или своих коллег-конкурентов и в случае неуплаты доверителями обещанного гонорара могли предъявить им исковые требования. Переходя к вопросу об ответственности адвокатов за свою деятельность, исследователи отмечают, что институт адвокатуры служил ярким примером существовавшей разницы между законом и практикой.

Альфонсо X привлекал к ответственности адвокатов за их противоправное поведение при исполнении профессиональных обязанностей. Замысел был прост: если по закону адвокаты должны были быть «добрыми» и действовать «честно», то, соответственно, закон должен наказывать зло и неверность адвокатов в отношении их подзащитных. Следует отметить, что если наказание «плохих» и «нечестных» адвокатов еще могло применяться в королевских судах, то в судах низших инстанций такой практики не было.

Слабым местом законодательства было отсутствие материальной ответственности адвокатов. Возможно, именно поэтому Толедские кортесы 1480 г. обязали адвокатов возмещать ущерб и расходы, которые их клиенты понесли из-за их халатности или непрофессионализма. Это положение нашло также поддержку в ордонансе 1495 г. Дальнейших изменений в вопросе об ответственности адвокатов вплоть до начала XIX в. больше не происходило.

На практике ответственность адвоката возникала из обязательств перед подзащитным в тот момент, когда он заключал с ним соглашение об оказании помощи и защите его интересов за вознаграждение. В соответствии с преамбулой к шестому титулу Третьей Партиды он должен был действовать «хорошо» и «честно». Таким образом, главными требованиями к адвокату были, с одной стороны, расторопность и профессионализм, а с другой — сохранение тайны и лояльность клиенту. При несоблюдении этих требований наступала ответственность, которая обычно квалифицировалась как недобросовестность или злой умысел (*culpa y dolo*). Наибольшим изменениям подвергались нормы, применявшиеся к недобросовестным адвокатам (*culpa*). Ответственность за злой умысел (*dolo*) наступала тогда, когда адвокат умышленно действовал против интересов клиента. В этом случае он совершал подлог (*falsedad*), что квалифицировалось как двурушничество и считалось наивысшим преступлением в профессиональном сообществе.

Среди наказаний предусматривался штраф, более серьезные нарушения могли караться временной приостановкой деятельности или запретом на профессию, а в особо тяжких случаях (как, например, сговор с противной стороной против своего клиента) предусматривалась смертная казнь. Однако свидетельств применения такой меры нет. Все эти меры могли оказать эффект только

в случае осуществления контроля за их исполнением. Контроль должны были осуществлять в первую очередь судьи. Кроме того, в 1594 г. были введены ежегодные проверки жалованья адвокатов. Однако, как было выше отмечено, эти нормы, направленные на ужесточение, никогда строго не исполнялись. Можно сказать, что если судьи наказывали адвокатов за какие-либо нарушения, то делали это не столько в соответствии с нормами, сколько по своему усмотрению.

О контрольных функциях за деятельностью в XVII—XVIII вв. практически ничего не известно, и, вероятно, снижение их было обусловлено появлением и развитием понятия профессиональной этики.

Обращаясь в заключительной главе к вопросу привилегий адвокатов, исследователи отмечают, что требования к адвокатам и та ответственность, которую они должны были нести за свои действия, вели, в свою очередь, к выработке адвокатами тактики собственной защиты. Так, в 1764 г. издается «Краткий перечень привилегий, наград и прерогатив испанских адвокатов». И хотя в кастильском праве не найдется ни одного текста, который мог бы служить основанием для такого особого отношения, авторы с завидным упорством прибегают к текстам, которые щедро выдают свободные интерпретации древних норм, по сути, сводящимся к двум положениям Партид, в которых, безотносительно к адвокатам, говорится о том, что «древние мудрецы полагали, что знание права есть особый вид рыцарского служения» и что «магистр права должен быть освобожден от пыток».

На этом основании зижделось уважение адвокатуры как своего рода дворянства (*nobleza de letras*), дворянства личного, не потомственного, но которое позволяло людям адвокатского звания получать дворянские и военные привилегии на протяжении всего рассматриваемого периода, вплоть до конца XVIII в. Все это должно было привести и привело к тому, что адвокатское сообщество, которое создавалось с религиозными и милосердными целями, превратилось в профессиональную корпорацию для защиты интересов своих членов. Это обстоятельство со временем вызвало к жизни ряд норм с целью «придать блеск» сообществу и обеспечить ему «чистоту крови».

С этой целью в 1673 г. было подано в Королевский совет прошение о принятии нового Устава, который гарантировал бы, что

новые члены будут «чисты от всякой заразы и дурного происхождения, дети добропорядочных родителей, занимающихся достойным делом», а с 1685 г. это стало обязательным требованием к желающим стать адвокатом. Претендент должен был представить семь свидетельств о крещении: свое собственное, своих родителей и бабушек и дедушек с обеих сторон, а также рекомендации двенадцати свидетелей, которые подтверждали бы чистоту крови и рода. На протяжении XVIII в., по мере усиления внутригрупповых связей, ограничения такого типа становились все жестче.

Так или иначе, но людей, которым удавалось преодолеть все эти препоны, было предостаточно, что привело к переизбытку адвокатов, так что многие из них, не находя клиентов, влачили нищенское существование. К концу XVIII в. в игру вступили совсем новые правила — спрос и предложение. Мадридская коллегия адвокатов в 1773 г. предложила сократить свою численность. Ее голос в тот момент не был услышан, но позже к нему присоединились другие коллегии, так что в 1794 г. был принят королевский указ о постепенном сокращении численности адвокатов в Мадриде до 200 человек.

А в 1798 г. новым указом предписывалось распространить практику сокращения численности адвокатов на все коллегии всех уровней в соответствии с численностью местного населения. Наступал новый век, а с ним — новое общество, новая юридическая культура, новое право и новая юридическая система ожидали адвокатское сообщество.

 Спиченко Нина Константиновна

кандидат исторических наук, юрист (Москва, Россия)

О.В. Ауров

«ОБ УЧИЛИЩАХ, ГДЕ УСВАИВАЮТСЯ НАУКИ, И О МАГИСТРАХ, И О СТУДЕНТАХ»¹

Блестяще образованный и амбициозный король Альфонсо X Мудрый², метко названный исследователями «императором культуры», сделал право одной из основных сфер своих реформ, именуемых в литературе «ренессансом XIII в.»³ Вслед за «Зерцалом» (ок. 1255–1260) и «Королевским фуэро» (1255)⁴ появились «Семь Партид», ставшие вершиной законодательного творчества «Мудрого короля»⁵. Следуя стандартам Юстинианова (и вообще позднеимператорского) права, Партиды (то есть, по

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ «Научный перевод и комментирование “Семи Партид” Альфонсо X Мудрого» (грант РГНФ № 13-03-00181).

² Наиболее полную из существующих биографий Альфонсо X см., напр.: *González Jiménez M. Alfonso X el Sabio*. Barcelona, 2004. См. также: *Alfonso X y su época. El siglo de Rey Sabio* /Coord. por Miguel Rodríguez Llopis. Barcelona, 2001.

³ См., напр., сборник: *Emperor of Culture. Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance* /Ed. by R. Burns. Pennsylvania, 1990.

⁴ Общий обзор законодательной деятельности см., напр.: *Craddock J.R. The Legislative Works of Alfonso el Sabio // Emperor of Culture...* P. 182–197; *Perez Martín A. La creación del derecho de estado // Alfonso X y su época...* P. 235–256; *Маре́й А.В. Язык права средневековой Испании: От Законов XII Таблиц до Семи Партид*. М., 2008. С. 14–23.

⁵ См. об этом, напр.: *Маре́й А.В. Язык права средневековой Испании...* С. 27–34.

существу, отдельные части — «книги» () в римском понимании) делились на титулы, а титулы — на отдельные законы. Последние даже в чисто стилистическом плане испытали огромное влияние Дигест: часто они напоминают не столько законы *stricto sensu*, сколько фрагменты из юридических трактатов.

Представленный ниже текст титула II.31 из Второй Партиды, содержание которой современная исследовательница И. Нану вполне обоснованно связывает с традицией трактатов об идеальном государе эпохи Высокого Средневековья⁶, завершает соответствующую часть Свода. Он воспроизводит нормы, выработанные в дидактической, социальной и правовой практике Болонского университета: не случайно в тексте ощущается явное влияние знаменитой привилегии 1158 г., пожалованной университету Фридрихом I Барбароссой; как известно, именно эта привилегия предоставила университету официальный статус.

Как и весь памятник, текст содержит значительную долю правовой утопии, которая особенно ощутима в тех его частях, которые посвящены описанию идеального учебного заведения, его наставников и питомцев. Чего стоят одни только замечания о том, что в городе, где надлежит основывать описанные учебные заведения, воздух должен быть приятным, а путь к его воротам — красивым, «чтобы магистры, дающие знания, и студенты, которые их усваивают, вели в нем здоровую жизнь, и по вечерам, когда утомленными они встанут из-за своих занятий, могли бы предаваться отдыху и наслаждаться окружающим». Кроме того, место расположения «училища» должно изобиловать хлебом, вином и «добрыми», но недорогими постоялыми дворами (служившими болонским студентам общежитиями-дормиториями). Жителям же университетского города вменялось в обязанность всеми силами защищать и почитать магистров и студентов во всех их делах. Строжайше запрещалось брать залоги от должностных лиц студенческих корпораций (*universidad*). По отношению к студентам или их родителям городским властям не следовало допускать бесчестья, беззакония или насилия. В этих описаниях сильно ощущается дух Болоньи, для которой университет превратился, по существу, в градообразующее предприятие, с которым была связана немалая часть городских доходов.

В целом, титул II.31 весьма интересен как источник по истории распространения болонской традиции, чему в случае королевства Кастилия

⁶ Nanu I. La Segunda Partida de Alfonso X el Sabio y la tradición de los Specula Principum. Tesis doctoral. Valencia, 2013.

и Леон (как, впрочем, и во многих других подобных случаях) активно способствовали как профессора, так и выпускники Болоньи, заложившие основы системы высшего образования на испанской земле. Его содержание позволяет проникнуть сквозь века, ощутить дух университетской жизни эпохи, когда эта жизнь только зарождалась. Немногие тексты того времени представляют ее настолько полно и всесторонне, как представленный ниже титул из второй части «Семи Партид мудрого короля дона Альфонсо».

Перевод сделан по изданию: *Las Siete Partidas del muy noble rey don Alfonso el Sabio, glosadas por el lic. Gregorio López...* Т. 1. Madrid: Compañía general de impresores y libreros del Reyno, 1843. P. 647–652.

ПАРТ.ІІ.31. ОБ УЧИЛИЩАХ⁷, ГДЕ УСВАИВАЮТСЯ НАУКИ, И О МАГИСТРАХ⁸, И О СТУДЕНТАХ⁹

том, как король и народ должны любить и защищать страну, в которой они живут, заселяя ее и защищая ее от врагов, мы ска-
зали достаточно в титулах, предшествующих этому. И посколь-
ку советами мудрецов пользуются, оберегают себя от опасно-
стей и руководствуются люди, страны и королевства, потому
мы желаем в конце этой Партиды поговорить об училищах, и о магистрах, и
об учениках, которые трудятся во имя того, чтобы преподавать и усвоить знания.
И мы установим в первую очередь, что такое училища, и каких типов они бы-
вают, и по чьему приказанию должны создаваться. И что магистрами должны
быть те, кто руководят отдельными школами (факультетами) в этих училищах,
и где таковые должны быть основаны, и какими привилегиями и почестями
должны обладать магистры и студенты, которые день за днем читают лекции и
посвящают себя учебе. А затем мы поговорим о библиотекарях, которые хра-
нят книги, и о том, что касается общих училищ (университетов)¹⁰.

Закон 1

**Что такое училища, и каких типов они бывают,
и по чьему приказанию должны создаваться**

Училище — это сообщество магистров и студентов, которое создается в ка-
ком-либо месте добровольно и со стремлением усвоить знания. И училища

⁷ В тексте — *estudios* (от лат. *studium*); как явствует из дальнейшего изложения (см. Part II.31.1), этот термин носит общий характер, подразумевающий все виды учебных заведений — от средних школ до высших; в противовес им, под «университе-
том» понималась студенческая или профессорская корпорация, каковых изначально Кастилия не знала. См. об этом: Part.II.31.11.

⁸ В тексте — *maestros* (от лат. *magister*), то есть собственно учителя. Подробнее об этом см. ниже, Part.II.31.8.

⁹ В тексте — *escolares*, дословно — «учащиеся».

¹⁰ В тексте — *estudio general* (лат. *studium generale*). Сохранение термина «училище» пред-
ставляется целесообразным, поскольку в тексте «общие училища» противопоставляются
«частным», то есть средней школе.

бывают двух типов. Первый — которые именуются «общими училищами» (университетами), где есть магистры свободных искусств, таких, как грамматика, логика, риторика, арифметика, геометрия и астрология; а также там присутствуют магистры канонического права¹¹ и магистры гражданского права¹². И такое училище должно быть основано по приказанию либо Папы, либо императора, либо короля. Другой тип — те, что называются «частными училищами», под которыми понимается, когда какой-нибудь магистр учит в каком-нибудь городе немногих школьников. И таковое училище могут приказать создать прелат или консехо.

Закон 2

В каком месте следует основывать училища и каким образом должны быть защищены магистры и студенты

Там, где находится город, где пожелают основать училища, воздух должен быть приятным, а путь к его воротам¹³ — красивым, чтобы магистры, дающие знания, и студенты, которые их усваивают, вели в нем здоровую жизнь, и по вечерам, когда утомленными они встанут из-за своих занятий, могли бы предаваться отдыху и наслаждаться окружающим. Кроме того, этот город должен изобиловать хлебом, вином и добрыми постоянными дворами, в которых магистры и студенты могли бы жить и проводить время без больших расходов. Далее, мы устанавливаем, что горожане того места, где будет основано училище, должны всеми силами защищать и почитать магистров и студентов во всех их делах. И у представителей¹⁴, которые явятся к ним из своих городов, никто не должен ни брать залога или задерживать их за долги, сделанные как их родителями, так и другими лицами из тех мест, уроженцами которых они являются. И кроме того, мы утверждаем, что ни из-за вражды, ни из-за наличия преступного умысла со стороны какого-либо лица, по отношению к студентам или их родителям не следует допускать бесчестия, беззакония или насилия. И потому мы приказываем, чтобы и магистры, и студенты, и их пред-

¹¹ В тексте — *Decretos*; от лат. *decretum* (изначально — послание епископа, направленное его пастве), форма множественного числа которого (*decreta*) обозначала каноническое право.

¹² В тексте — *Señores de Leyes*. Подробнее об этом см. ниже, Part.II.31.8.

¹³ В тексте — *salidas*, дословно — «выходы», «подъезды».

¹⁴ Речь идет о представителях университетской корпорации (*universidad* в собственном смысле слова). Подробнее об этих корпорациях и их представителях см. ниже, Part. II.31.10.

ставители, и все их вещи были в безопасности, и защищены перемирием на пути в училище, и в период пребывания в нем, и во время возвращения в свои страны. И эту безопасность мы жалуем им во всех местах, находящихся под нашей сеньориальной властью. И всякий, кто это нарушит, забрав у них что-либо насильно или ограбив их, должен вдвое заплатить четверть стоимости присвоенного; и если он ранит, или подвергнет бесчестью, или убьет, преступник должен быть жестоко наказан, как тот, кто нарушил Наше перемирие и Наши гарантии безопасности. Но если случайно те, кто будут рассматривать этот иск в суде, не пожелают исполнить право так, как об этом сказано выше, они должны заплатить требуемую сумму из своего имущества и быть смещенными со своих постов, как запятнавшие себя позором. И если они выступят против студентов из злого умысла, не желая применить судебную власть против тех, кто совершили бесчестье, или нанесли ранение, или убили, тогда официалы, совершившие это, должны быть строго наказаны волей самого короля.

Закон 3

Сколько магистров должно быть в университете и в какой срок им должно быть выплачено их жалованье

Для того чтобы общее училище (университет) было полноценным, магистров в нем должно быть столько же, сколько существует наук, чтобы каждая из них была представлена по меньшей мере одним магистром. Но если для всех наук не смогут найти последних, то достаточно, чтобы были магистры грамматики, логики, риторики, гражданского и канонического права. И жалованье для тех, кто преподает, должно быть установлено королем, причем следует точно указать, сколько положено каждому соответственно науке, которую он представляет, а также тому, в какой мере является ее знатоком. И жалованье, положенное каждому магистру, должно выплачиваться в три приема: одну часть должны выдать ему вслед за тем, как он начнет читать курс; вторую — в Пасху, а третью — в праздник святого Иоанна Крестителя.

Закон 4

Каким образом магистры должны преподавать знания студентам

Магистры должны передавать студентам знания тщательно и верно, читая им книги и объясняя их содержание настолько хорошо, насколько только смогут. И начав читать, они обязаны продолжать курс вплоть до момента,

когда будут закончены книги, к которым они приступили. И будучи здоровыми, они не имеют права поручать другим, чтобы те читали вместо них, за исключением случая, если кто-нибудь из них поручит когда-нибудь сделать это, чтобы оказать ему честь, а не для того, чтобы самому освободиться от чтения. Но если случится, что кто-нибудь из магистров, уже начав курс, заболевает, причем болезнь окажется столь тяжелой и долгой, что он никоим образом не сможет читать, мы приказываем, чтобы ему выдали жалованье так, как если бы он читал. И если случится так, что он умрет от болезни, пусть его наследники получают причитающееся ему жалованье, как если бы он читал в течение всего года.

Закон 5

В каких местах должны располагаться школы, открытые магистрами, или о студентах

Школы университета должны располагаться в месте, находящемся за пределами города, одни рядом с другими, чтобы студенты, намеревающиеся пройти ускоренный курс, могли слушать по две лекции подряд или даже больше, если захотят этого; и чтобы о вещах, вызывающих у них сомнение, одни студенты спрашивали у других. Но вместе с тем одни школы должны быть настолько удалены от других, чтобы магистры не мешали самим себе, когда одни слышат то, что читают другие. Кроме того, мы утверждаем, что студенты должны наблюдать, чтобы постоянные дворы или дома, в которых живут одни из них, не нанимались другими в то время, когда они заняты первыми, желающими проживать в них и далее. Но если один студент узнает, что дом занят другим жильцом, и он не имеет желания оставаться там дольше срока аренды, если первый пожелает поселиться там, он должен спросить уже живущего студента, не намеревается ли он жить там еще, и если получит ответ «нет», он может арендовать этот дом, но никак иначе.

Закон 6

Что магистры и студенты могут создавать между собой совет и братство, и избирать одного, чтобы он их наказывал

Древние мудрецы определили, чтобы совета и братств, объединяющих многих людей, не было ни в городах, ни в королевствах, поскольку от этого происходит больше дурного, чем доброго. Однако мы считаем соответ-

ствующим праву, чтобы магистры и студенты могли создавать таковые в университете, поскольку они собираются с намерением сделать благое, и являются иностранцами, происходящими из разных мест. А потому пусть все они собираются согласно нормам права, когда это будет необходимо, для обсуждения дел, которые пойдут на пользу их курсам и во имя защиты самих себя и всего принадлежащего им. Кроме того, они могут ставить старшину над всеми, который по-латыни зовется *rector* училища, власти которого пусть они подчиняются в делах подходящих, сообразных и соответствующих нормам права. И ректор должен наказывать студентов, дабы они не создавали группировок и не устраивали драк ни вместе с студентами из разных мест, ни между собой. И чтобы следили за тем, чтобы ни к кому не поступали бесчестно и незаконно. И следить, чтобы никто не расхаживал по ночам, но чтобы все отдыхали на своих местах на постоянных дворах и предавались исследованиям, и учебе, и добродетельной и честной жизни. Поскольку училища учреждаются именно для этого, а не для того, чтобы днем и ночью расхаживать вооруженными, стремясь завязать драку или совершить иное сумасбродство или злодеяние в ущерб самим себе, вплоть до изгнания из тех мест, где они проживают. И если кто-либо выступит против этого, тогда наш судья должен наказать их и направить на верный путь так, чтобы они воздерживались от дурного и совершали благое.

Закон 7

Какие судьи должны судить студентов¹⁵

Магистры, обучающие наукам в училищах, могут судить студентов у них в том, что касается исков, которые одни из них подают против других, а также в других делах, возникающих между людьми, которые не касаются кровопролития; и их не следует препровождать к иному алькальду для подачи исков или под охраной без их добровольного согласия. Но если им захотят предъявить иск перед лицом магистра, то на их выбор остается отвечать ли на него непосредственно перед ним или же перед местным епископом или судьей по фуэро — так, как им покажется более приемлемым. Но если студент выдвинет иск против того, кто студентом не является, тогда он должен действовать согласно праву в общем порядке перед лицом того, кто

¹⁵ Содержание этой статьи воспроизводит привилегию студентам Болонского университета, изданную на Ронкальском сейме в ноябре 1158 г. Фридрихом I Барбароссой и включенную в состав «Новелл» (Authentici) Корпуса Юстиниана, в титул *Habita IV.13*. См.: *Privilegium scolasticum* //MGH: LL. T. 2. Hannoverae, 1837. P. 114.

может наказать ответчика. Кроме того, мы устанавливаем, что если студенту предъявлен иск перед судьей по фуэро, и он не сошлется на свою привилегию, заявив, что не должен отвечать иначе, как перед своим магистром или перед епископом, как сказано выше, то, если он будет отвечать на иск в обычном порядке, пусть он потеряет привилегию, которой обладает, в том, что касается дела, по которому он выступает ответчиком, и вплоть до завершения его дело должно вестись тем судьей, который начал его рассматривать. Но если случится, что студент захочет воспользоваться помощью своей привилегии прежде, чем выступит ответчиком, заявив, что не желает и не должен отвечать по иску иначе, чем перед своим магистром или епископом, и, тем не менее, его накажут и заставят быть ответчиком; тогда тот, кто предъявил против него иск, должен потерять все свои права на вещь, являющуюся предметом иска. А судья, который его наказал, должен получить наказание волей самого короля, за исключением случая, если тяжба будет касаться дел по королевскому или уголовному праву¹⁶, которые могут быть возбуждены против студента, являющегося мирянином.

Закон 8¹⁷

Какими особыми почестями должны обладать магистры гражданского права¹⁸

Изучение гражданского права — это как бы источник справедливости, и мир пользуется им в большей мере, чем другими науками. А потому императоры, которые создали гражданское право, жаловали магистрам факультетов привилегии четырех типов. Первая привилегия: чтобы, поскольку они являются преподавателями, они именовались бы магистрами, и рыцарями, и чтобы их именовали сеньорами гражданского права¹⁹. Вторая привилегия: что каждый раз, когда магистр права явится перед судьей, находящимся при исполнении своих обязанностей, тот должен подняться со своего ме-

¹⁶ В тексте — «de justicia o de sangre».

¹⁷ В целом, главным прототипом этого закона стала конституция императоров Феодосия II и Валентиниана III, изданная 15 мая 425 г. (на что в своем комментарии указывает и Гр. Лопес). Она вошла в состав Кодекса Феодосия (CTh. VI.21.1), однако ее текст был, скорее всего, известен составителям Партид по версии, вошедшей в состав Кодекса Юстиниана (C.XII.15.1). Очевидно, однако, что на составителей Партид повлияла сама идея предоставления привилегий преподавателям, тогда как содержание римской нормы практически никак не отразилось в тексте рассматриваемого закона.

¹⁸ В тексте — *leyes*, в противовес *decretos* — каноническое право.

¹⁹ В тексте — «señores de las leyes».

ста, и поприветствовать его, и принять его так, чтобы он был рядом с ним. И если судья будет против этого, пусть действует закон о наказании, чтобы он выплатил три либры золота. Третья привилегия: что привратники²⁰ императоров, королей или князей не должны ни держать перед ними дверь, ни мешать войти перед ними, когда у них в том возникнет нужда, за исключением лишь времени, когда будут обсуждаться великие тайны; но даже тогда они обязаны сказать магистрам, если те находятся у дверей и спрашивают, приказали ли им войти или нет. Четвертая привилегия: чтобы они были проникательными и понятливыми, и чтобы умели учить такому знанию, и были разумны, и обладали хорошими манерами; и после того, как исполнится 20 лет со времени, как они держат школы гражданского права, магистры должны получить почести, приличествующие графам. И поскольку гражданское право и императоры желали отметить их особым образом, приличествует, чтобы и короли сохраняли за ними эти почести²¹. А потому мы считаем во благо, чтобы означенные магистры везде, куда простирается наша сеньориальная власть, обладали перечисленными выше привилегиями, как то приказывает и древний закон²². Кроме того, мы устанавливаем, чтобы эти магистры и другие, которые обучают наукам в училищах на землях нашей сеньории, должны быть свободны от платежей и им не следует являться ни в войско, ни в набег, ни исполнять иные обязанности, если сами они этого не желают.

Закон 9

Как следует проверять студента, который захочет стать магистром прежде, чем ему будет пожаловано разрешение преподавать

Студент, желающий стать магистром, прежде должен быть учеником²³. И когда он получит хорошую подготовку, то должен явиться к старшинам училищ, которые имеют право давать разрешение на преподавание. И они должны сохранять свое решение в тайне, прежде чем пожалуют это разрешение, если соискатель является человеком с положительной репутацией и

²⁰ В тексте — *porteros*.

²¹ Прототип этой нормы — упомянутая выше конституция из Кодексов Феодосия и Юстиниана, которая жалует отличившимся преподавателям знаки достоинства комита. См.: CTh. VI.21.1; C. XII.15.1.

²² То есть C. XII.15.1.

²³ В тексте — «discipulo», то есть лицо, готовящееся к званию магистра, в некотором роде — аналог современного аспиранта.

обладает хорошими манерами. Кроме того, он должен прочесть несколько лекций по книгам той дисциплины, с которой желает начать свое преподавание²⁴. И если он проявит хорошее понимание текста, и глоссы по означенной дисциплине, и хорошие манеры, и плавную речь при объяснении, и хорошо ответит на вопросы и замечания, которые ему выскажут, то далее ему должны публично оказать почести, сделав его магистром, после того как он принесет клятву в том, что будет добротнo и верно преподавать свою дисциплину, и что ни даст, ни пообещает дать что-либо тем, кто пожалуют ему это разрешение на преподавание, и не сделает это через кого-либо, чтобы получить это разрешение в будущем.

Закон 10

Что все студенты университета пусть имеют одного представителя, который именуется педель²⁵, и что входит в его обязанности

Университетская корпорация²⁶ студентов должна иметь одного представителя, по-латыни именуемого «bidellus». В его обязанности входит не что иное, как обходить факультеты, сообщая о праздниках, по приказанию старшины училища; и если случится, что кто-либо захочет продать книги или купить их, он должен объявить об этом. И ему следует идти, провозглашая, чтобы тот, кому нужны такие-то книги, явился в такое-то место²⁷, где они находятся, и откуда он узнал, кто желает продать их, и кто — купить, и этот педель должен осуществить добросовестное посредничество между ними. А кроме того, пусть он объявляет о том, чтобы студенты собрались в каком-нибудь месте для рассмотрения и решения дел, представляющих общий интерес, или для экзамена студентов, желающих стать магистрами.

²⁴ Имеется в виду методика проведения занятий, предполагавшая комментированное чтение (лат. *lectio*) текста по избранной дисциплине.

²⁵ П е д е л ь (от пров. *bedel*, восходящего к франкск. **budil*, древневерхненем. *bital* — «тот, кто востребует»; ср.: англ. *beadle*, нем. *Pedell*) — в современном языке — надзиратель в учебном заведении.

²⁶ В тексте — *universidad*; речь идет не об университете вообще, а именно о корпорации. Следуя болонской модели, в данном случае она объединяет только студентов, но не профессоров.

²⁷ В тексте — *estación* (от лат. *statio* — «место», «местопребывание» и др.); так назывались места, где находились лавки стационариев (от лат. *stationarius* — постоянно находящийся в одном и том же месте), которые занимались продажей книг, а также их передачей для копирования и выдачей студентам на руки на время.

Закон 11

О том, что университеты должны иметь стационариев, которые пусть держат книжные лавки для снятия копий с книг

Необходимо иметь стационариев в любом университете, для того, чтобы он имел завершённый вид; чтобы такой стационарий имел у себя хорошие книги, пригодные для чтения, точно отражающие основной текст и глоссу, и чтобы они за плату передавались студентам, дабы для них копировались книги — как полностью, так и частично, для улучшения уже переписанных ранее. И такую лавку или место никто не имеет права держать без разрешения ректора университета. И последний, прежде чем выдать соответствующее разрешение, должен сначала посмотреть книги того, кто должен будет держать лавку, чтобы удостовериться, что они хороши, и пригодны для прочтения, и точны в передаче текста. И тому, о ком выяснится, что у него нет таких книг, не следует давать права ни быть стационарием, ни предоставлять книги студентам за плату, кроме как если прежде они будут исправлены. Кроме того, ректор, с согласия совета университета, должен установить, сколько стационарий имеет права брать за каждую тетрадь, предоставляемую студентам за переписывание с начала и до конца, либо частично. Кроме того, они должны дать добрых поручителей, что они будут хорошо и правильно, без всякого обмана, хранить все те книги, которые им передадут для продажи.

 Ауров Олег Валентинович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС,
доцент РГГУ (Москва, Россия)

А.В. Марей

«ГЛАВА ВСЕХ ЗОЛ»: ЗАКОНЫ ПРОТИВ ПРЕДАТЕЛЬСТВА В «СЕМИ ПАРТИДАХ»¹

В мире средневековой Европы, в том числе и в средневековой Кастилии, предательство традиционно считалось наиболее страшным из всех преступлений, которые только мог совершить человек. Это становится понятным, если иметь в виду, что феодальное общество было построено, прежде всего, на системе личных связей², в основе которых лежали межличностные соглашения-пакты, генетически восходившие к римско-правовому *pactum*³. Пакты объединяли между собой не только рыцарей, приносивших вассальную присягу-оммаж своим сеньорам, но также и горожан, и представителей Церкви. В условиях правового плюрализма, подразумевавшего отсутствие единой правовой системы и, по сути, нормативный хаос, наиболее действенным регулятором внутриобщественных отношений феодального мира становились именно такие, не всегда формализуемые, связи личной верности. Соответственно, и покушение на них возводилось, по сути, в ранг

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ «Научный перевод и комментирование “Семи Партид” Альфонсо X Мудрого» (проект № 13-03-00181) и гранта НИУ ВШЭ по софинансированию проекта РГНФ №15-09-0251.

² Ganshof F.-L. Qu'est-ce que la féodalité? Paris, 1989.

³ Ауэров О.В. Город и рыцарство в феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII — середине XIV века. М., 2012.

покушения на основы самого миропорядка: недаром первым предателем считался дьявол, восставший против Господа, а его подобием в Новом Завете — Иуда Искарот, предавший Иисуса⁴. Эти соображения объясняют и внимание, уделявшееся средневековым законодателем фигуре предательства, и место, отведенное этим законам в Партидах — самое начало последней Партиды, посвященной уголовно-правовым материям.

Этимология понятия «предательство» (*traición*) особых проблем не вызывает: оно восходит к латинскому термину *traditio*, однако основные вопросы, возникающие при исследовании понятия «предательство» в леоно-кастильском праве, связаны не с самим термином, а, скорее, с историей формирования его значения.

Работ об истории предательства в леоно-кастильском средневековом праве практически не существует. В нескольких работах это преступление рассматривалось в той или иной мере⁵, но есть, пожалуй, лишь одна монография, полностью посвященная его исследованию, — речь идет о работе знаменитого испанского историка права А. Иглесии Феррейроса «История предательства. Королевское предательство в Леоне и Кастилии», вышедшей в 1971 г.⁶ В своей монографии он весьма категорично утверждал, что то «предательство», которое мы знаем по памятникам леоно-кастильского средневекового права, было чисто готским институтом, не имевшим с римскими *crimen perduellionis* и *crimen laesae maiestatis* никакой связи, кроме внешней схожести.

⁴ Можно отметить, что даже само имя Господа передавалось по-латыни термином *Domínus*, а по-кастильски — *Señor*, то есть теми же словами, которые использовались для обозначения сеньора в системе вассально-сеньориальных отношений. Соответственно, восстание против Господа могло трактоваться как восстание против своего сеньора, и наоборот. Можно вспомнить и написанную примерно в одно время с Партидами «Божественную комедию» Данте, где предатели, в число которых входили, помимо Иуды, также Брут и Кассий, занимали последний, 10-й круг Ада.

⁵ Маре́й А.В. Дружба и доверие в испанском обществе XI–XIII вв.: неправовые регуляторы правового поля. М., 2011; *García González J.* Traición y alevosía en la Alta Edad Media // *AHDE*, 1962. P. 323–346; *Martínez Martínez F.* Et cum juda traditore domini: lenguaje bíblico como lenguaje jurídico en el derecho altomedieval hispánico // *INITIUM. Revista catalana d'història del dret*. 2005. P. 85–210; *Orlandis J.* Sobre el concepto del delito en el Derecho en la Alta Edad Media // *AHDE*. 1945. P. 112–192; *Id.* Las consecuencias del delito en el Derecho de Alta Edad Media // *AHDE*. 1947. P. 61–165.

⁶ *Iglesia Ferreirós A.* La traición regia en Leon y Castilla. Santiago de Compostela, 1971.

Справедливости ради, надо отметить работы К. Брехта (*Brecht C.* *Perduellio. Eine Studie zu ihrer begrifflichen Abgrenzung im römischen Strafrecht bis zum Ausgang der Republic.* München, 1938) и Фл.С. Ли (*Lear F.S.* *Treason and related offenses in Roman and Germanic law.* Houston, 1955), но первая из них ограничивается исследованием предательства в праве поздней Римской республики, вторая же доходит до Вестготского королевства. Помимо этого выводы обеих этих работ на сегодняшний день серьезно устарели.

А. Иглесия начинает свое доказательство с заявления о том, что «...предательство, дитя средневекового мира, было неизвестно среди римлян»⁷. Основой этого тезиса служит убеждение А. Иглесии в том, что предательство, прежде всего, было проявлением личной неверности (сеньору, королю и т.д.), тогда как римляне такой правовой фигуры не знали⁸. Следом, несколько противореча себе в части готского происхождения предательства, Иглесия предлагает искать его истоки в христианском вероучении, описывая образ Иуды как первого предателя и своеобразного «князя предателей»⁹. Однако все последующие выводы испанского исследователя относительно истории предательства на Пиренейском полуострове серьезных возражений не вызывают¹⁰.

По замечанию А. Иглесии, впервые понятие «предательство» появляется в латинских нарративных источниках около 1000 г. [Iglesia Ferreirós, 1971, 100]. Примерно в это же время термин «предательство» (*traditio vel proditio*) начинает употребляться в нормативных источниках и в эпиграфических. С течением времени рассматриваемый термин начинает упоминаться все более и более активно, особенно в текстах нормативных источников: он появляется в тексте фуэро Миранды де Эбро, Фреснильо, Компостелы, в постановлениях собора в Паленсии. В тексте «Истории Родриго» появляется уже подробное описание как обвинения в «предательстве» (*reptatio traditionis*), так и процедуры очищения от подобного обвинения. Таким образом, в общих чертах основное ядро этой правовой категории сложилось к началу XII в., и потом, вплоть до середины XIII в., ее наполнение менялось лишь в сторону увеличения количества норм, входивших в нее.

Законодательство Альфонсо X в отношении предательства и, прежде всего, приведенный ниже титул Партид имели главным образом систематизирующее значение. Предательство получило здесь свое развернутое определение, описание основных признаков и регламентацию последствий. Однако, помимо этого, оно само по себе было серьезно переосмыслено, была предложена принципиально иная его концепция, соответствующая общей политической теории, развиваемой придворными интеллектуалами Альфонсо Мудрого.

В законах титула Part.VII.2 предательство определяется, во-первых, через этимологию слова, а во-вторых, через выстраивание параллелей из классиче-

⁷ Iglesia Ferreirós A. Op. cit. P. 10.

⁸ Ibid. P. 85–86, 178–184.

⁹ Ibid. P. 95–96.

¹⁰ Более подробный разбор основных концепций происхождения средневекового предательства см. в моей статье: Марей А.В. Proditio — traditio — traicion: От Древнего Рима до кодификаций Альфонсо X Мудрого. Статья 1. Римские истоки // IUS ANTIQUUM. Древнее право. № 20. М.: Спарк, 2008. С. 186–196.

ского римского права Свода Юстиниана. Апеллируя к этимологическому аргументу, составители закона отмечают, что «предательство значит то же, что предать одного человека другому, как бы передать из добра во зло; и это зло, которое вырывает верность из сердца человека»¹¹. Первичное значение слова, в данном случае, мало чем помогает законодателю, что и приводит к появлению уточнения в формулировке — предает тот, кто не просто передает одного человека другому, но делает это со злой целью, «передает из добра во зло». Звучит в этом же определении и та противоположность предательству, которую то уничтожает, удаляет из сердца человека — «верность» (*lealtad*).

Помимо этимологии, авторы титула Part.VII.2 дают понятию «предательство» и еще одно определение, отождествляя его с латинскими терминами *crimen laesae maiestatis* и, в начале 3-го закона того же титула, — с *crimen perduellionis*. Оба этих отождествления не только выдают источники, использованные кастильскими юристами при составлении рассматриваемых законов, но и позволяют сделать определенные выводы относительно их понимания сути предательства.

Дело в том, что как первая, так и вторая латинские конструкции, приводимые авторами законов в качестве аналогов кастильскому понятию *traycion*, исторически восходят к публичному римскому праву, а если быть более точным, то к знаменитому Юлиеву закону об оскорблении величия (*lex Iulia maiestatis*), регулировавшему разбирательство по преступлениям, совершаемым римскими гражданами «против римского народа и его безопасности»¹². Согласно этому закону в состав такого преступления входили: убийство без надлежащего приказа заложников, покушение на убийство и убийство магистрата при исполнении тем обязанностей, захват храмов, подстрекательство к мятежу и участие в таковом, призыв врагов на территорию Рима, помощь им оружием или советом и т.д.¹³ В качестве отдельного

¹¹ Part.VII.2.1: Traycion tanto quiere dezir, como traer vn ome a otro, so semejança de bien a mal: e es maldad que tira de si la lealtad del coraçon el ome.

¹² D.48.4.1.1, Ulp. VII de off. procons.: Maiestatis autem crimen illud est, quod adversus populum Romanum vel adversus securitatem eius committitur.

¹³ D.48.4.1.1, Ulp. VII de off. procons.: Quo tenetur is, cuius opera dolo malo consilium initum erit, quo obsides iniussu principis interciderent: quo armati homines cum telis lapidibusve in urbe sint convenientve adversus rem publicam, locave occupentur vel templa, quove coetus conventusve fiat hominesve ad seditionem convocentur: cuiusve opera consilio malo consilium initum erit, quo quis magistratus populi Romani quive imperium potestatemve habet occidatur: quove quis contra rem publicam arma ferat: quive hostibus populi Romani nuntium litterasve miserit signumve dederit feceritve dolo malo, quo hostes populi Romani consilio iuventur adversus rem publicam: quive milites sollicitaverit concitaveritve, quo seditio tumultusve adversus rem publicam fiat.

См. также D.48.4.2.

состава, предусматривавшего более жестокие наказания, в состав «оскорбления величия» входило и преступление, называвшееся по-латыни *crimen perduellionis*. Оно включало в себя враждебные выступления лично против императора или против всей *res publica Romana*¹⁴.

Собственно, именно эти составы и были сведены составителями Партид в первый закон титула «О предательстве», с учетом, естественно, небольших, но весьма значительных изменений. Во-первых, в качестве родового состава, от которого зависят все остальные, было выбрано враждебное действие, направленное уже не против народа, но против личности короля¹⁵. Несколько строками ниже оно раскрывается чуть более подробно, как поступок, совершенный против «Бога, сеньора по рождению и всех людей»¹⁶. Подобное единство Бога, короля и народа становится понятным, если обратить внимание на Вторую Партиду, в первых двадцати титулах которой законодатель подробно расписывает свою теорию королевской власти, подразумевающую наличие органической связи между королем и его народом, с одной стороны, между королем и Богом — с другой¹⁷. С другой стороны, эта формулировка наводит на мысли о возможном влиянии на составителей Партид вестготской политико-правовой традиции, отраженной в «Книге приговоров», известной также как «Вестготская правда»¹⁸.

¹⁴ **D.48.4.1.1**, *Ulp. VIII Disp.*: ...qui perduellionis reus est, hostili animo adversus rem publicam vel principem animatus...

¹⁵ **Part.VII.2.1**: *Laese maiestatis crimen*, tanto quiere dezir en romance como yerro de traycion que faze ome contra la persona del rey.

¹⁶ **Part.VII.2.1**: E estas tres cosas fazen al coraçon del ome tan flaco, que yerra contra Dios, e contra su señor natural, e contra todos los omes...

Ср. замечание Ульпиана, открывающее цитированный выше титул Дигест, о том, что преступление против величия сродни святотатству: **D.48.4.1pr.**, *Ulp. VII de off. procons.*: **Proximum sacrilegio crimen est, quod maiestatis dicitur.**

¹⁷ Подробный разбор теории королевской власти Альфонсо X см. в статьях Д. Панатери, М. Клейне и Х. Санчеса-Арсильи Берналя, опубликованных в данном номере журнала, а также в следующих работах: *Марей А.В.* Король, Папа и Император: проблема легитимности светской власти в «Семи Партидах» и глоссе Грегорио Лопеса // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. № 2. С. 347–364; *Marey A.* El rey, el emperador, el tirano — el concepto del poder e ideal político en la cultura intelectual Alfonsina // Cuadernos de Historia del Derecho. 2014. N. 21; *Nanu I.* La «Segunda Partida» de Alfonso X el Sabio y la tradición occidental de los «specula principum». Ph.D. Dissertation. Barcelona, 2013; и цит. там библиографию; точку зрения, альтернативную представленной в названных работах, см. в статье И.И. Варьяш, опубликованной в данном номере журнала.

¹⁸ Имеется в виду закон из 1-го титула 2-й книги «Книги приговоров», в заглавии которого употребляется знаменитая формула преступления «против правителя, народа и родины» (**LI.II.1.6** De his, qui contra principem vel gentem aut patriam refugi sive insolentes existunt).

Однако в упомянутом законе вестготского свода речь идет, прежде всего, о преступлениях против «народа и родины», а не против короля и, что даже более важно, совсем нет упоминания о том, что преступление против короля направлено и против Бога. Слегка забегаая вперед можно с уверенностью отметить, что составители «Семи Партид», в отличие, скажем, от авторов «Королевского фуэро», в данном случае сознательно отошли от вестготской традиции, предпочтя ей римскую.

В последующих строках первого закона рассматриваемого титула Партид его составители суммируют основные известные им гипотезы предательства, общим количеством четырнадцать. На первый взгляд они в целом совпадают со списком, приведенным в 26-м законе соответствующего титула «Королевского фуэро»¹⁹, однако присутствует серьезное различие, на котором необходимо остановиться. В отличие от «Королевского фуэро», признававшего предательством преступление, совершенное вассалом против своего сеньора или, в частности, против короля (сеньора по рождению), Партиды акцентируют внимание на том, что предательство всегда направлено только и исключительно против короля. Даже тогда, когда конкретное действие преступника наносит ущерб кому-либо из официалов или, более абстрактно, «общей пользе королевства», конечным пострадавшим все равно является король. Это и обуславливает содержащуюся в прологе к этому титулу трактовку предательства как «главы всех зол» и уподобление его по вредоносной силе проказе. По сути, в разбираемых законах формулируется концепция уже не феодального, но государственного преступления, концепция, свойственная скорее Новому времени, нежели Средним векам.

Интересно обратить внимание и на эффекты, порождаемые совершаемым предательством. Таковых, описанных в Партидах, можно выделить два вида: этические и юридические. К первым относятся указанные в первых же строках первого закона ослабление сердца человека, разрушение в нем верности и, как следствие, зарождение лжи, трусости и подлости²⁰. Сюда же можно отнести и ущерб, наносимый предательством репутации

¹⁹ **FR.IV.21.26:** Предателем считается тот, кто убил своего сеньора или его ранил, или его захватил, или передал в руки врагов, или же приказал, или посоветовал это сделать; или тот, кто какую-нибудь из этих вещей сделал сыну своего сеньора по рождению, тому, который должен царствовать, пока он не выйдет из подчинения своему отцу. Также предателем считается тот, кто переспит с супругой своего сеньора или посоветует это сделать другому. Также предателем считается тот, кто лишает наследства своего короля или помогает лишить его наследства, либо тот, который сдал замок или укрепленный город.

²⁰ **Part.VII.2.1:** E traycion es la mas vil cosa, e la peor, que puede caer en coraçon de ome. E nascen della tres cosas, que son contrarias a la lealtad, e son estas: tuerto, mentira, e vileza.

как самого человека, совершившего преступление, так и членам его рода — законодатель отмечает, что предательство, подобно проказе, накладывает свою печать не только на самого преступника, но и на тех, кто живет с ним вместе и ведет от него свой род²¹. Впрочем, этот эффект имел и вполне конкретные юридические следствия — сыновья предателя лишались права вести нормальную жизнь, быть рыцарями, жить при дворе и даже оставлять завещания и наследовать другим людям их имущество.

С ограничениями имущественных прав личности связаны и чисто правовые эффекты предательства. Четвертый закон 2-го титула Партид содержит весьма интересное утверждение, согласно которому человек, совершивший предательство, не может никоим образом подвергать свое имущество отчуждению, то есть продавать его, дарить, оставлять в залог и т.д. Связано это с тем, что, по утверждению составителей закона, с того момента, когда человек замыслил предательство и приступил к осуществлению своего преступного замысла, он перестает быть сеньором своего имущества, оставаясь при этом его держателем от имени короля²². Таким образом, конфискация имущества, закрепленная в качестве одного из наказаний за предательство, является лишь логичным следствием рассматриваемого эффекта: предательство в кастильской правовой доктрине оказывается сильнее права собственности (*señorio*) и, в силу самого факта своего возникновения, отменяет его. Поскольку же, как было сказано ранее, единственным потерпевшим от предательства является король, сеньория над указанным имуществом автоматически переходит к нему, становясь частичной компенсацией понесенного им ущерба. Похожая норма была известна в Римской империи — последний фрагмент титула «О Юлиевом законе об оскорблении величия» Кодекса Юстиниана содержит запрет обвиняемому по этому закону рас-

²¹ **Part.VII.2.prooem.:** E otrosi, que faze a ome, despues que es gafo ser apartado, e alongado de todos los otros. E sin todo esto es tan fuerte maletia, que non faze mal al que la ha en si tan solamente: mas aun al linaje que por la lina derecha del decienden, e a los que con el moran. Otrosi, en aquella manera mesma, faze la traycion en la fama del ome, ca ella la daña, e la corronpe, de guisa, que nunca la puede endereçar, e aduze a gran alogança, e a estrañamiento de aquellos que conoscen derecho, e verdad: e denegrece, e manzilla la fama de los que de aquel liñaje decienden, maguer non ayan en ella culpa: de guisa que fincan toda via enfamados por ella.

²² **Part.VII.2.4:** Vendida nin donacion, nin camio, nin enagenamiento que ouiesse fecho de sus bienes, el que fuesse judgado por traydor, desde el dia que començo andar en la traycion, fasta el dia que dieron la sentencia contra el, non deue valer en ninguna manera: ca maguer fuesse en tenencia de los bienes a la saxon, que los enagenaua, perdido auia ya el señorio por su maldad, e eran ya de la camara del rey. E porende non podria despues, ninguna cosa de los bienes que tenia enagenar en ninguna manera.

поряжаться своим имуществом²³. Однако уже к моменту составления Партид это положение являлось предметом дискуссии в среде юристов, значительная часть которых считала, что человек все же остается собственником своих вещей вплоть до вынесения против него приговора, предусматривающего конфискацию²⁴.

Завершая обзор представляемого титула, стоит обратить внимание еще на одно наблюдение, несколько раз уже появлявшееся в данной статье. Представляется любопытным, что составители Партид и, конкретно, титула «О предательстве» последовательно отказываются от вестготской правовой традиции, опираясь на традицию реформированного римского права. Интересно в этом повороте то, что при составлении «Королевского фуэро», как это было не раз отмечено исследователями²⁵, юристы Альфонсо X активно использовали как раз вестготский правовой материал, в то время как при работе над Партидами он учитывался очень ограниченно или, как в случае с титулом «О предательстве», не учитывался вовсе. Делать выводы о причине подобной смены ориентиров, опираясь на исследование одного титула Партид, конечно же, нельзя. Однако можно предположить, что ее следует искать в разном предназначении двух сводов права: «Королевское фуэро» составлялось и готовилось как действующий закон, как перспективная замена для местных фуэро кастильских городов, в то время как Партиды мыслились своеобразной «правовой энциклопедией», сводом, охватывающим все известные ветви права и предназначенным служить своеобразным правовым идеалом.

Перевод произведен по изданию: *Las Siete Partidas del muy noble rey don Alfonso el Sabio, glosadas por el lic. Gregorio López...* Т. 3. Madrid: Compañía general de impresores y libreros del Reyno, 1844. P. 328–337.

²³ C.9.8.6.3, *Paulus de publ. iudiciis*: Sic et divus Severus et Antoninus constituerunt, ex quo quis tale crimen contraxit, neque alienare neque manumittere eum posse: nec ei solvere iure debitorem magnus Antoninus rescripsit.

²⁴ См. материалы упомянутой полемики, собранные в глоссах Гр. Лопеса к соответствующему закону: gl. Non deue ualer ad **Part.VII.2.4**; gl. El señorio ad **Part.VII.2.4**.

²⁵ См. статью Х. Санчеса-Арсильи Берналя, опубликованную в этом номере журнала, и цитированную там библиографию.

PART.VII.2. О ПРЕДАТЕЛЬСТВАХ

редательство есть один из наибольших проступков²⁶ и заблуждений, в которые может впасть человек; и древние мудрецы, которые правильно понимали положение вещей, считали его таким злом, что сравнивали его с проказой; так как точно так же, как проказа — это зло, которое охватывает все тело, и после того, как тело охвачено ею, нет возможности ни удалить ее, ни излечить, таким образом, чтобы больной выздоровел. И также заставляет оно человека, после того как он стал прокаженным, жить отделенным и отдаленным от всех остальных²⁷. Кроме всего этого, это столь сильная болезнь, что она причиняет зло не только тому, в ком она есть, но также и роду, который нисходит от него по прямой линии, и тем, кто вместе с ним живет. Так же и то же самое делает предательство и с молвой о человеке, так как оно вредит ей и ломает ее так, что уже никогда невозможно ее исправить; и приводит оно к большому отдалению и отчуждению от тех, кто живет по праву и правде; и очерняет и бесчестит оно молву о тех, кто происходит из этого рода, таким образом, что, хотя и нет их вины в нем, они все же остаются опозоренными за него. И поэтому после того, как в предыдущем титуле мы говорили в общем об обвинениях, которые выдвигаются по причине серьезных проступков, совершаемых людьми, хотим отсюда и далее установить, какие бывают преступления, которые совершают делом или словом; и сначала скажем о тех, которые совершаются делом; а потом расскажем о других, которые совершаются словом. И начнем мы с предательства, которое есть глава всех прочих зол; и покажем, что оно собой представляет; и откуда берется это имя; и какие его виды есть, и какое наказание за них должны иметь не только те, кто совершает его, но и советчики, и помощники, и соучастники, и еще те, кто знает о предательстве и не раскрывает его.

²⁶ Термин «проступок» (*yerro*) в законодательстве Альфонсо X использовался в качестве обобщающего для обозначения любых противоправных действий. Восходя этимологически к латинскому понятию *error*, то есть «ошибка, заблуждение», *yerro* объединял в себе правовые, религиозные и этические коннотации, придя на смену понятию «грех» (*pecado*), использовавшемуся для аналогичных целей в период правления Фернандо III. См. об этом подробнее: Марей А.В. Язык права средневековой Испании: от законов XII Таблиц до Семи Партид. М., 2008; Он же. Понятие уерго в кастильском праве XIII века: между грехом и преступлением // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2012. Т. 6. № 2. С. 365–384.

²⁷ Образ проказы заимствован из Библии. См.: Лев.13:2–59.

Закон 1

Что такое предательство, и откуда взялось это имя, и какие виды предательства бывают

*Laese maiestatis crimen*²⁸ значит то же, что на романсе предательство, которое совершает человек против личности короля. И предательство есть подлейшее и наихудшее из того, что может запасть в сердце человека; и рождаются от него три вещи, которые противны верности, и они таковы: кривда, ложь и подлость. И эти три вещи делают сердце человека столь слабым, что выступает он против Бога, и против своего сеньора по рождению, и против всех людей, делая то, чего делать не должно; так как столь велики подлость и злоба несчастных людей, которые совершают такой проступок, что не осмеливаются они отмстить тем, кому желают зла иначе, нежели скрытно и обманным путем. И предательство значит то же, что предать одного человека другому, как бы передать из добра во зло; и это зло, которое вырывает верность из сердца человека. И люди впадают в предательство различными путями, как показывают древние мудрецы, творившие законы. Первый, и наибольший, и тот, который должен быть наказываем наиболее сильно, — это если какой-либо человек добивается смерти своего короля или того, чтобы при жизни заставить его потерять достоинство своего положения, добиваясь с враждебностью, чтобы другой стал королем, или чтобы его сеньор был бы лишен королевства. Во-вторых, если кто-либо связывается с врагами для того, чтобы воевать или причинять зло королю или королевству, или помогает врагам делом или советом, или посылает им письмо или гонца с тем, чтобы оповестить их о чем-либо, против короля и в ущерб королевству. В-третьих, если кто-либо добивается делом или советом того, чтобы какой-либо край либо народ, который повиновался своему королю, восстали против него, или чтобы не повиновались так хорошо, как принято. В-четвертых, когда какой-либо король или сеньор какого-либо края, который находится вне его сеньории, захочет отдать королю край, в котором он является сеньором, и повиноваться ему, платя дани и подати, а кто-нибудь из его сеньории воспрепятствует этому делом или советом. В-пятых, когда тот, кто держит от короля замок, или город, или другую крепость, поднимет в этом месте бунт, или сдаст его врагам, или

²⁸ Источником этого закона стали, по большей части, нормы, вошедшие в соответствующий титул Дигест Юстиниана (D.48.4 О Юлиевом законе об оскорблении величия).

потеряет его по своей вине или в результате чьего-либо обмана; тот же самый проступок совершит магнат, или рыцарь, или кто-либо другой, кто будет снабжать провиантом или оружием какое-либо укрепленное место, для того, чтобы воевать против короля или против общей пользы королевства, или если займет другой город, виллу или замок, хотя и не держит их от короля. В-шестых, если кто-либо оставит короля в битве, или переметнется к врагам или на другую сторону, или покинет войско другим образом без королевского приказа до истечения того времени, которое он должен служить, или если позволит себе лишнего, или умышленно начнет сражаться с врагами без приказа короля или не уведомив его, так, что враги пленят его, или нанесут ему какой-либо ущерб или какое-либо бесчестие, а король останется незащищенным, или откроет врагам королевские тайны в ущерб королю. В-седьмых, если кто-либо, составляя против короля заговоры или сообщества рыцарей или городов, поднимет в королевстве бунт или мятеж, от которого произойдет ущерб королю или королевству. В-восьмых, если кто-либо убьет кого-нибудь из старших аделантадо короля, или из чтимых советников короля, или из рыцарей, назначенных охранять его тело, или из судей, которые имеют власть судить по поручению короля при его дворе. В-девятых, когда король даст какие-нибудь гарантии какому-либо человеку или населению какой-либо местности или края, а другие из его сеньории нарушат ту гарантию, которую он дал, убив их или ранив, или обесчестив против его запрета, если только им не пришлось этого сделать от страха, защищая себя или свое имущество. В-десятых, когда каких-либо людей дают в качестве королевских заложников, а кто-либо убьет их всех или кого-либо из них, или позволит им сбежать. В-одиннадцатых, когда какой-либо человек обвинен или вызван на поединок по делу о предательстве, а другой отпустит его или устроит так, чтобы тот сбежал. В-двенадцатых, если король лишит должности какого-либо аделантадо или другого официала из старших и назначит другого на его место, а первый будет столь упрям, что не оставит свою должность или крепости со всем, что к ним относится, и не захочет принимать другого по приказу короля. В-тринадцатых, когда кто-либо злонамеренно ломает или ударит, или повалит какое-либо изображение, которое будет сделано или установлено в каком-либо месте в честь или в подобие короля. В-четырнадцатых, когда кто-либо делает фальшивую монету или подделывает печати короля. И кроме того, постановляем, что когда что-либо из этих вышеназванных проступков совершено против короля, или против его сеньории, или против общей пользы королевства, то это собственно и называется предательством, а

когда это совершено против других людей, то называется это изменой²⁹, согласно фуэро Испании³⁰.

Закон 2

Какое наказание заслуживает тот, кто совершает предательство³¹

Какой-либо человек, который совершит любой из видов предательства, установленных нами в предыдущем законе, или окажет кому-нибудь в этом деле помощь, или подаст совет, должен умереть за это, а все его имущество должно отойти в королевскую казну, за исключением приданого его жены и долгов, которые он был должен отдать и которые он сделал до того дня, когда он начал творить предательство. И более того, все его дети мужского пола должны навсегда остаться заклеяменными позором, таким образом,

²⁹ Основное различие между понятиями «предательство» (*traición*) и «измена» (*aleve*) заключается в том, что первое из них совершается по отношению к королю или к своему сеньору, то есть, разрывает вертикальные связи, скрепляющие иерархическую систему леоно-кастильского феодального общества. Измена (*aleve*), в свою очередь, совершается по отношению к другому идалго, с которым правонарушитель не состоит в вассально-сеньориальных отношениях, то есть по отношению к формально равному ему субъекту. Таким образом, измена влечет за собой разрыв «горизонтальных» внутриобщественных связей, обозначавшихся в источниках терминами «древняя дружба» (*amistad antigua*) и «доверие» (*fe*). См.: Мареу А.В. Дружба...; García González J. Traición y alevosía...; Iglesia Ferreirós A. La traición regia...; Otero Varela A. El riepto en el derecho castellano-leonés // Id. Dos estudios historico-juridicos. Roma — Madrid, 1955.

³⁰ FR.IV.21.1—3.

³¹ Источником для этого закона послужила конституция 397 г., изданная императорами Аркадием и Гонорием и включенная в соответствующий титул Кодекса Юстиниана:

C.9.8.5, *Imperatores Arcadius et Honorius AA. Eutychiano PP.*: Quisquis cum militibus vel privatis, barbaris etiam scelestam inierit factionem aut factionis ipsius suscepit sacramenta vel dederit, de nece etiam virorum illustrium qui consiliis et consistorio nostro intersunt, senatorum etiam (nam et ipsi pars corporis nostri sunt), cuiuslibet postremo qui nobis militat cogitarit (eadem enim severitate voluntatem sceleris qua effectum puniri iura voluerunt), ipse quidem utpote maiestatis reus gladio feriat, bonis eius omnibus fisco nostro addictis: 1. Filii vero eius, quibus vitam imperatoria specialiter lenitate concedimus (paterno enim deberent perire supplicio, in quibus paterni, hoc est hereditarii, criminis exempla metuentur), a materna vel avita, omnium etiam proximorum hereditate ac successione habeantur alieni, testamentis extraneorum nihil capiant, sint perpetuo egentes et pauperes, infamia eos paterna semper comitetur, ad nullos umquam honores, nulla prorsus sacramenta perveniant, sint postremo tales, ut his perpetua egestate sordentibus sit et mors solacio et vita supplicio. 2. Denique iubemus etiam eos notabiles esse sine venia, qui pro talibus umquam apud nos intervenire temptaverint. 3. Ad filias sane eorum, quolibet numero fuerint, falcidiam tantum ex bonis matris, sive testata sive intestata defecerit, volumus pervenire, ut habeant mediocrem potius filiae alimoniam quam integrum emolumentum ac nomen heredis. Mitior enim circa eas debet esse sententia, quas pro infirmitate sexus minus ausuras esse

что они никогда не смогут иметь чести рыцарства, ни какого-либо достоинства, ни должности, также они не могут наследовать имеющимся родственникам, ни чужаку, который назначит их наследниками, ни могут принимать дары, отказанные им по завещанию. Это наказание они должны нести за то зло, которое совершил их отец. Но дочери предателей, конечно, могут наследовать до четверти имуществ своих матерей; это так потому, что никто не должен полагать, будто женщины совершают предательство или столь же безрассудно, как и мужчины, вмешиваются в это дело, чтобы помочь своему отцу. Поэтому не должны они нести столь же тяжкое наказание, как те. А все прочие наказания, которые установлены за предательство согласно фуэро Испании, в полной мере собраны во Второй Партиде этой книги, в законах, которые говорят на эту тему.

Закон 3

За какое предательство человек может быть обвинен после своей смерти, и кто может выдвинуть такое обвинение, как это

*Crimen perduellionis*³² по-латыни значит то же, что на романсе предательство, которое человек совершает против личности короля или против общей пользы всего королевства. И это предательство такого рода, что хотя бы тот, кто его совершил, и умрет до того, как будет обвинен, могут его обвинять также и после его смерти; и если его наследник не сможет его защитить или оправдать по праву, то должен король осудить покойного

confidimus. 4. Emancipatio, quae a praedictis sive in filios, post legem dumtaxat latam, sive in filias fuerit collata, non valeat. Dotes donationes, quarumlibet postremo rerum alienationes, quas ex eo tempore qualibet fraude vel iure factas esse constiterit, quo primum memorati de ineunda factione ac societate cogitaverint, nullius statuimus esse momenti. 5. Uxores sane praedictorum recuperatas dotes, si in ea condicione fuerint, ut, quae a viris titulo donationis acceperunt, filiis debeant reservare, tempore quo usus fructus absumitur omnia ea fisco nostro se relicturas esse cognoscant, quae iuxta legem filiis debebantur: Falcidia etiam ex his rebus filiabus tantum, non etiam filiis deputata. D. prid. non. sept. Ancyrae Caesario et Attico cons.

Содержательно этому закону соответствует также последний закон титула «О вызовах», вошедшего в четвертую книгу «Королевского фуэро»:

FR.IV.21.17: Каждый предатель умрет за предательство, которое сделает, и потеряет все, что он имел, и отойдет это королю, даже если бы у него и были законные дети, или внуки, или кто-либо еще.

³² Источник этого определения следует искать в норме из Дигест Юстиниана (D.48.4.11, Ulp. VIII Disp.), где *crimen perduellionis* определяется, как наиболее тяжкая часть общего *crimen laesae maiestatis*, включавшая в себя враждебные действия против императора или общего блага республики.

как виновного в предательстве и приказать забрать у его наследника все имущества, полученные тем от предателя. Но по любому из остальных видов предательства, которые мы установили в первом законе этого титула, никто не может быть обвинен, ни вызван на поединок после своей смерти. Также постановляем, что любой человек, будь то мужчина или женщина, пользующийся доброй или дурной славой, богатый или бедный, а также все те, о которых мы постановили в титуле об обвинениях, что не могут они обвинять других, могут сделать это в случае предательства; и это было им позволено, поскольку видели мы в древних книгах, как некоторые женщины и подлые людишки раскрывали предательства, совершавшиеся против императоров, и поэтому не должны отводиться те, кто раскрывает предательства, кем бы они ни были³³. Но если тот, кто вызывает другого за предательство, не сможет этого доказать, то он должен получить такое же наказание, которое получил бы вызванный, если бы было доказано его предательство.

Закон 4

**О том, что человек, который совершает предательство,
не может отчуждать свое имущество с того дня,
как он начал его совершать и далее**

Ни продажа³⁴, ни дарение, ни обмен, ни отчуждение, которые совершил со своим имуществом тот, кто был признан предателем, с того дня, когда он начал совершать предательство, и до того дня, когда ему вынесут приговор, никоим образом не должны иметь силы, поскольку хотя бы имущество и находилось в его владении в тот период, когда он совершил отчуждение, но из-за своего преступления он уже потерял сеньорию над ними, и они уже относились к казне короля; и поэтому после того он никоим образом не мог отчуждать ничего из имуществ, которыми он владел.

³³ Норма, позволяющая выдвигать обвинение в предательстве любому человеку, восходит к двум фрагментам из Дигест Юстиниана (D.48.4.7, Mod. XII Pand.; D.48.4.8, Pap. XIII resp.). Во втором из этих фрагментов его автор, римский юрист эпохи Северов Секст Эмилий Папиниан, комментируя то, что женщинам разрешено обвинять в предательстве, упоминает заговор Луция Сергия Катилины, о котором, как известно, Цицерону донесла женщина.

³⁴ Источник этого закона следует искать в Кодексе Юстиниана:

C.9.8.6.3, *Paulus de publ. iudiciis*: Sic et divus Severus et Antoninus constituerunt, ex quo quis tale crimen contraxit, neque alienare neque manumittere eum posse: nec ei solvere iure debitorem magnus Antoninus rescripsit.

Закон 5

О том, что тот, кто задумал предательство, может быть прощен, если откроет его до того, как оно свершится

Поскольку, как говорили философы, первые порывы, волнующие сердца людей, находятся не в их власти³⁵, то если кто-либо по своей воле войдет заодно с остальными в сговор о предательстве и откроет его королю до того, как они принесут клятву о предательстве, постановляем, что ему должен быть прощен проступок, который он совершил, согласившись в сердце своем участвовать в таком заговоре. И сверх того, считаем правильным, чтобы еще ему дали награду за то добро, которое он совершил, открыв предательство, поскольку следует полагать, что он состоял в этом заговоре не с намерением совершить проступок, а для того, чтобы смочь узнать о нем и лучше обезвредить его, чтобы он не был совершен; или что в сердце его было столько добра, что он раскаялся и предупредил короля, пока тот еще мог уберечься от предательства. А если вдруг он откроет предательство после клятвы, но до того, как оно совершится, то, поскольку могло бы случиться, что оно все же было бы совершено, если бы он его не открыл, ему все же должен быть прощен проступок, который он совершил; но не должен он иметь никакой награды, так как он столь далеко зашел в этом, и прошло столько времени, прежде чем он его открыл³⁶.

Закон 6

Какого наказания заслуживают те, кто злословит о короле

Злопыхательство³⁷, укорененное в сердцах людей, лишает их чувства меры, так, что когда они не могут помешать своим сеньорам делом, то пыта-

³⁵ См. высказывание об этом Папы Григория Великого, включенное в Декрет Грациана (**D.2 c.23 de Poen.**).

³⁶ Ср. фрагмент приведенной выше конституции Аркадия и Гонория (397 г.): **C.9.8.5.7**: *Sane si quis ex his in exordio initae factionis, studio verae laudis accensus, ipse prodiderit factionem, et praemio a nobis et honore donabitur. Is vero, qui usus fuerit factione, si vel sero, tamen incognita adhuc consiliorum arcana patefecerit, absolute tantum ac venia dignus habebitur.*

³⁷ Составители Партид в данном случае следовали более гуманистической модели регулирования данного преступления. Составленный ими закон повторяет собой конституцию императоров Феодосия и Валентиниана, включенную в Кодекс Юстиниана в титул «О тех, кто будет злословить императора» (**C.9.7.1**). В то же время вестготская традиция, закрепленная в «Книге приговоров», устанавливала жестокое наказание для тех, кто будет злословить о короле, как живом, так и уже усопшем — в первом случае предусматривалась конфискация половины имущества, во втором — публичное бичевание злословившего (**II.11.1.7**).

ются злословить о них, позоря их так, как не должно делать. И потому постановяем, что если кто-либо скажет плохо о короле, будучи пьяным, или беспамятным, или безумным, то не должен он нести за это никакого наказания, поскольку сделал он это, будучи не в своем уме, так, что не понимал того, что говорит. А если вдруг кто-либо скажет плохо о короле, находясь в своем уме, то поскольку он мог пойти на это по причине великой обиды, которую он претерпел от короля, или по причине изъяна в правосудии, которое тот не захотел свершить по отношению к нему, или из-за великой злобы, которая укоренилась в его сердце вместе с неприязнью к королю, то древние мудрецы считали правильным, чтобы ни один судья не осмелился назначать наказание такому человеку, но чтобы задержали его и привели перед лицо короля, так как ему и никому другому надлежит расследовать и судить такой проступок. И тогда, если король увидит, что тот, кто злословил о нем, делал это как человек, имеющий какую-либо справедливую причину, то может по своей милости простить его, если захочет; и также должен он приказать исправить ту обиду, которую тот потерпел. Но если король поймет, что тот, кто злословил о нем, делал это несправедливо и из злопыхательства, то должен он так покарать его, чтобы остальные, которые слышали бы об этом, испугались бы и побереглись бы злословить о своем сеньоре.

REFERENCES

1. *Aurov O.V.* A City and a Chivalry in the Medieval Castile: Sepulveda and Cuellar in XIII–XIV cent. [Gorod i rytzarstvo v feodalnoy Castilii: Sepulveda i Cuellar v XIII — seredine XIV veka]. M., 2012.
2. *Brecht C.* Perduellio. Eine Studie zu ihrer begrifflichen Abgrenzung im römischen Strafrecht bis zum Ausgang der Republic. München, 1938.
3. *Ganshof F.-L.* Qu'est-ce que la féodalité? Paris, 1989.
4. *García González J.* Traición y alevosía en la Alta Edad Media // AHDE. 1962. P.323–346.
5. *Iglesia Ferreirós A.* La traición regia en Leon y Castilla. Santiago de Compostela, 1971.
6. *Lear F. S.* Treason and related offenses in Roman and Germanic law. Houston, 1955.
7. *Marey A. V.* Language of Medieval Spanish Law: from Leges XII Tabularum to Siete Partidas [Yazyk prava srednevekovoy Ispanii: Ot Zakonov XII Tablic do «Semi Partid»]. M., 2008.
8. *Marey A.* El rey, el emperador, el tirano — el concepto del poder e ideal político en la cultura intelectual alfonsina // Cuadernos de Historia del Derecho. 2014. No 21.
9. *Marey A. V.* Friendship and Faith in Spanish Society of XI–XIII cent.: non-legal Controllers of Legal Framework [Druzhiba i doverie v ispanskoy obshchestve XI–XIII vv.: nepravovyye regulatory pravovogo polja]. M., 2011.
10. *Marey A. V.* The Concept of Yerro in Castilian Law of XIII century: between Sin and Crime [Poniatie yerro v castilskom prave XIII veka: mezhdugrehom i prestupleniem] // ЭХОΛΗ. Ancient Philosophy and Classical Tradition. 2012. T. 6. N 2. S. 365–384.
11. *Marey A. V.* The King, the Pope and the emperor: a Problem of Legitimation of the Secular Power in the «Siete Partidas» and in the gloss composed by Gregorio Lopez [Korol, Papa i Imperator: problema legitimnosti svetskoy vlasti v «Semi Partidah» i glosse Gregorio Lopesa] // ЭХОΛΗ. Ancient Philosophy and Classical Tradition. 2014. N 2. S. 347–364.
12. *Marey A. V.* Proditio — traditio — traicion: from Ancient Rome to the Code of Alphonse X the Wise. Part 1. Roman issues [Proditio — traditio — traicion: Ot drevnego Rima do codificacii Alfonso X Mudrogo. Statya 1. Rimskie istoki] // IUS ANTIQUUM. Drevnee pravo. N 20. 2008. S.186–196.

13. *Martínez Martínez F.* Et cum juda traditore domini: lenguaje bíblico como lenguaje jurídico en el derecho altomedieval hispánico // INITIUM. Revista catalana d'història del dret. 2005. P. 85–210.
14. *Nanu I.* La «Segunda Partida» de Alfonso X el Sabio y la tradición occidental de los «specula principum». Ph.D. Dissertation. Barcelona, 2013.
15. *Orlandis J.* Las consecuencias del delito en el Derecho de Alta Edad Media // AHDE. 1947. P. 61–165.
16. *Orlandis J.* Sobre el concepto del delito en el Derecho en la Alta Edad Media // AHDE. 1945. P. 112–192.
17. *Otero Varela A.* El riepto en el derecho castellano-leonés // *Id.* Dos estudios historico-juridicos. Roma — Madrid, 1955.

 Марей Александр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листа (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и большего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор.

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегль) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует также представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций с указанием после выходных данных, которые даются в цифровом формате.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

*Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009), The system of peer review in scientific information provision *Information Support of Science. New Technologies: Collected papers* [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki *Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.*], Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.*

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1000–1500 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Подписка на журнал возможна в любом почтовом отделении России и стран СНГ с любого месяца.

Наш индекс в каталоге «Почта России» — 83564.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
русских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке